БУРЕВѢСТНИКЪ

Пусть сильнѣе грянетъ буря!

Январь 1909 г. Органъ Русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ. № 14.

Публичная Б-ка

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ СОЮЗА Р. А.-К.

Заявленіе о необходимости подготовительной работы для организаціи Союза Русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ, одновременно исходившее отъ редакцій „Буревѣстника" и „Хлѣба и Воли" и отъ работающихъ въ Россіи товарищей, вызвало, какъ мы и предсказывали въ прошломъ номерѣ нашего органа, критику со стороны представителей самыхъ различныхъ лагерей.

Напуганному воображенію „индивидуалистовъ" уже мерещится призракъ централизма, появленіе котораго они считаютъ неизбѣжнымъ во всякой и тѣмъ болѣе крупной организаціи, какой долженъ явиться Союзъ Р. А.-К. Съ другой стороны разнаго рода „анархиствующіе" революціонеры, не пришедшіе еще окончательно къ анархизму и расходящіеся съ нами главнымъ образомъ какъ разъ по отношенію къ организаціонному вопросу, одобрительно отнеслись къ проекту организаціи Союза, но при этомъ увидѣли въ самомъ стремленіи къ организаціи шагъ впередъ.... по пути къ отказу отъ анархистскихъ организаціонныхъ принциповъ. — Наконецъ-то, говорятъ они, анархисты пришли къ убѣжденію въ необходимости организаціи, въ необходимости централизма, не того, конечно, диктаторскаго централизма, который въ достаточной степени скомпрометированъ политическими партіями, а централизма разумнаго, умѣреннаго... — Всѣ разговоры объ автономіи индивидуумовъ и группъ въ союзѣ, продолжаютъ они уже въ униссонъ индивидуалистамъ, останутся одними разговорами. Разъ существуетъ Союзъ, то большинство будетъ управлять, а меньшинство принуждено будетъ подчиняться. Въ Союзѣ необходимъ центральный органъ, который будетъ выражать волю большинства и отъ его имени руководить всей организаціей. — Организація Союза, говорятъ индивидуалисты, будетъ имѣть послѣдствіемъ нарожденіе оппозиціи внутри него, оппозиціонные индивидуумы и группы большинствомъ группъ будутъ объявлены бунтовщиками и будутъ исключаться изъ Союза; однимъ словомъ, русскихъ анархистовъ-коммунистовъ на этомъ пути ждетъ участь всѣхъ соціалистическихъ партій.

Мы предвидѣли всѣ эти возраженія. Мы хорошо помнимъ, какъ въ созывѣ Амстердамскаго анархистскаго конгресса, а также въ томъ фактѣ, что на этомъ конгрессѣ анархисты прибѣгали къ голосованію, соціалистическая печать увидѣла компромиссъ со стороны анархистовъ, даже болѣе того — измѣну анархистскимъ принципамъ. Соціалисты, правда, очень „снисходительно" отнеслись къ этому „компромиссу" и даже привѣтствовали этотъ „шагъ анархизма въ сторону соціализма". Мы уже указывали на страницахъ „Буревѣстника", что всѣ эти „критики" прежде всего не знаютъ исторіи анархистскаго движенія, что они, очевидно, никогда и не слыхали о томъ, что анархисты, работавшіе среди пролетаріата, уже на зарѣ своей дѣятельности устраивали конгрессы, голосовали и т. д. Но и тогда, какъ и теперь, и конгрессы, и голосованіе и прочія явленія, смущающія индивидуалистовъ и радующія сердца соціальдемократовъ, въ корнѣ, по существу отличались и отличаются отъ аналогичныхъ, лишь по внѣшности похожихъ, явленій въ демократической средѣ.

Наши конгрессы представляютъ собой *совѣщательныя* собранія товарищей, съѣхавшихся изъ разныхъ странъ для того, чтобъ подѣлиться своими мыслями, мнѣніями, своимъ опытомъ; чтобы ознакомить другъ друга съ успѣхами анархистскаго движенія въ разныхъ мѣстахъ и съ новѣйшими формами пролетарской борьбы. Голосованіе производится въ нѣкоторыхъ случаяхъ среди анархистовъ для того лишь, чтобы узнать, сколько товарищей на данномъ собраніи высказались за каждое предложеніе.

Такое объясненіе не удовлетворяетъ нашихъ критиковъ. Интеллигенція въ цѣломъ и значительная часть сознательныхъ рабочихъ не только на Западѣ, но теперь уже и у насъ въ Россіи прошла школу демократическаго воспитанія, если не государственнаго, то, во всякомъ случаѣ, партійнаго или литературнаго. Централистическая организація, власть большинства надъ меньшинствомъ, подчиненіе партійному руководству, если не на практикѣ, то въ теоріи стали какъ бы составной частью мышленія этихъ „критически мыслящихъ личностей". Попробуйте заявить представителю этой категоріи русскаго общества, что союзъ анархистовъ-коммунистовъ — не партія. Онъ на васъ посмотритъ съ выраженіемъ искренняго сожалѣнія къ вашей наивности.

„Какъ такъ? — услышите вы — вѣдь Союзъ организуется для того, чтобы координировать дѣйствія группъ анархистовъ-коммунистовъ. Ну, а если группы не окажутся солидарными между собой, что же тогда? У насъ въ партіи существуетъ съѣздъ, дающій директивы центральному комитету, который въ свою очередь полновластно руководитъ партіей, исключаетъ неподчиняющихся его предписаніямъ и т. д. Какъ на съѣздѣ, такъ и въ центральномъ и другихъ комитетахъ меньшинство должно подчиняться рѣшеніямъ большинства, и это обезпечиваетъ намъ координацію дѣйствій всѣхъ частей партійнаго цѣ-

лаго. Для того, чтобы Союзъ не остался пустымъ звукомъ, и вамъ, анархистамъ, придется признать принципъ подчиненія меньшинства большинству, придется выбрать руководящее центральное учрежденіе, однимъ словомъ — придется превратить Союзъ въ партію".

Намъ не приходится трудиться надъ критикой демократически-централистическихъ организаціонныхъ принциповъ, — сама жизнь, особенно ярко на примѣрѣ русскихъ соціалистическихъ партій показываетъ всѣмъ тѣмъ, кто не закрываетъ очей и не затыкаетъ ушей своихъ, что централизмъ и принципъ господства большинства менѣе всего способны предохранить организацію отъ раскола и заставить ея членовъ повиноваться волѣ руководящаго центра. Только въ двухъ случаяхъ достигается цѣль централистовъ — подчиненіе меньшинства большинству: или когда на сторонѣ большинства имѣется грубая физическая сила, способная смирить непокорныхъ — это мы видимъ во всѣхъ государственныхъ организаціяхъ, но этого никогда почти не бываетъ въ въ политическихъ партіяхъ — или когда меньшинство на столько проникнуто „партійной дисциплиной", что, вопреки своему собственному убѣжденію, слѣпо исполняетъ волю большинства *); послѣднее иногда случается въ западныхъ политическихъ партіяхъ и почти никогда не случается въ Россіи. Въ серьезныхъ случаяхъ, какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ, меньшинство не подчиняется, и въ результатѣ возникаютъ партійные расколы.

Однако, для критики анархистской организаціи русскій соціальдемократъ, забывая про расколъ въ своей собственной централистической (и весьма!) партіи, считаетъ неотразимыми такого рода доводы: „А что будетъ, если нѣкоторыя группы не будутъ солидарны по какому нибудь практическому вопросу съ большинствомъ группъ союза?" — Эти группы, отвѣчаемъ мы ему, будутъ дѣйствовать сообразно своимъ взглядамъ. — „А если, продолжаетъ нашъ критикъ, разногласіе произойдетъ по очень важному, принципіальному вопросу, по которому не можетъ быть двухъ мнѣній въ Союзѣ?" — Тогда произойдетъ расколъ, отвѣчаемъ мы, иными словами произойдетъ то, что происходитъ и у васъ, съ тѣмъ весьма существеннымъ различіемъ, что въ то время, какъ для централистической партіи расколъ равносиленъ разложенію, для насъ, анархистовъ, это неизбѣжное въ нѣкоторыхъ случаяхъ явленіе, въ которомъ мы не видимъ опасности для революціоннаго пролетарскаго движенія.

Тутъ мы напомнимъ соціальнымъ демократамъ, индивидуалистамъ, а также и всякаго рода „анархиствующимъ", но не проникнувшимся еще вполнѣ анархистскими воззрѣніями, революціонерамъ, что есть еще одно огромное различіе между политической партіей и анархистскимъ союзомъ, различіе, которое объяснитъ имъ, почему мы не боимся расколовъ въ нашихъ рядахъ. Для соціальнаго демократа ростъ соціальнаго движенія въ странѣ измѣряется ростомъ его собственной партіи. Его идеалъ поэтому — втянуть по возможности весь рабочій классъ въ ряды своей партіи. Послѣдняя одна лишь способна захватить въ свои руки государственную машину и совершить соціальный переворотъ по соціаль-демократическому плану. Понятно, что съ этой точки зрѣнія партійный расколъ — одно изъ самыхъ серьезныхъ препятствій на пути къ соціальному перевороту.

Наше представленіе о соціальной революціи и вмѣстѣ съ тѣмъ и отношеніе къ рабочему классу совершенно иное. Мы не собираемся втягивать весь рабочій классъ или хотя бы даже большинство его въ нашъ союзъ. Мы считаемъ для пролетарскихъ *массъ* наиболѣе соотвѣтствующей не партійную организацію, основанную на общности идей, а профессіональную, основанную на общности интересовъ. Въ группахъ и союзѣ мы организуемъ лишь *активныхъ революціонеровъ-анархистовъ*, застрѣльщиковъ соціальной революціи. Организація Союза анархистовъ-коммунистовъ даетъ возможность усилить нашу пропагандистскую и агитаціонную дѣятельность и лучше организовать наши активныя выступленія, но ни въ коемъ случаѣ мы не ставимъ въ прямую зависимость дѣло соціальной революціи отъ удачной или неудачной организаціи нашихъ силъ. Силы, творящія соціальную революцію, лежатъ въ трудовыхъ народныхъ организаціяхъ, тамъ естественная почва для воспріятія нашихъ идей, и туда мы пойдемъ, какъ шли и идутъ наши товарищи на Западѣ, независимо отъ того, будемъ ли мы организованы или нѣтъ. Во Франціи наши товарищи, не будучи организованы, все же привили, если не вполнѣ, то отчасти, свои взгляды организаціи французскаго пролетаріата — Всеобщей Конфедераціи Труда. Въ Россіи мы организуемся, чтобы еще болѣе раціонально использовать наши силы. Но организуясь, мы не создадимъ себѣ фетиша изъ собственной организаціи и во имя ея внѣшней стройности не пожертвуемъ ни однимъ изъ принциповъ революціоннаго коммунистическаго анархизма.

*) Часто бываетъ въ практикѣ западныхъ соціалистическихъ партій, что большинство изъ боязни раскола предоставляетъ полную свободу дѣйствій меньшинству. Но гдѣ же тутъ столь хваленый централизмъ и партійная дисциплина?

ОРГАНИЗАЦІОННЫЙ ПРИНЦИПЪ революціоннаго синдикализма и анархизмъ.

Идея, какъ бы она ни была истинна, остается мертвой буквой, пока она не претворится въ жизнь, пока она не превратится въ силу, вовлекающую въ жизнь и дѣятельность индивидовъ и массы, т. е. живыхъ, активныхъ творцовъ культуры и общественной жизни. Самое крупное, самое главное условіе плодотворности человѣческой дѣятельности это — союзъ*), а всякій союзъ есть организація, — объединеніе всей наличности активной силы, а также стремленій, направляющихъ ее. Только союзныя, координированныя силы могутъ сдѣлаться исторически-творческими элементами. Что касается индивидуальныхъ силъ, дѣйствующихъ индивидуально же, ихъ значеніе въ исторіи безусловно велико, но не своими прямыми, а косвенными послѣдствіями. Ихъ творческое значеніе заключается не въ прямомъ, непосредственномъ творчествѣ въ сферѣ общественныхъ движеній и переворотовъ, а въ косвенномъ творчествѣ, въ *творчествѣ чрезъ посредство ими пробужденной, воодушевленной народной массы.*

Но объединить, координировать силы, въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, возможно не интересами и программами, созданными искусственно, вымученными изъ абстракціи, а такими интересами, которые выработаны и обоснованы исторіей, исторической жизнью народовъ, — такими стремленіями, которыя созданы самой народной душой, подвергающейся страшно-мучительной обработкѣ въ теченія вѣковъ. Въ жизни европейскихъ народовъ можно было бы найти безчисленное количество примѣровъ, доказывающихъ, что искусственный союзъ людей разнородныхъ *по соціальному положенію, по воспитанію и направленію*, не достигаетъ своей цѣли, не оставляетъ значительныхъ слѣдовъ въ жизни народовъ. Въ смыслѣ общественнаго значенія, въ смыслѣ историческаго творчества гораздо лучше, чтобъ эти разныя силы группировались въ разные союзы; лучше предоставить самому исто-

рическому процессу слить и обработать послѣдствія дѣятельности
этихъ разнородныхъ элементовъ, объединенныхъ въ разныя об-
щественныя категоріи, чтобъ, наконецъ, дать одинъ общій исто-
рическій результатъ. Механическое объединеніе въ одинъ общій
союзъ элементовъ разнородныхъ почти всегда вызываетъ междy-
усобную борьбу; безконечное же треніе внутри самого союза по-
рождаетъ стремленіе къ привилегіямъ и власти и, если организа-
ція не распадается, что очень трудно допустить, то она, во вся-
комъ случаѣ, теряетъ всякій смыслъ, такъ какъ энергія, которая
должна была бы употребиться на творческую работу, употребля-
ется на погашеніе внутреннихъ раздоровъ и разногласій, на
искуственное поддержаніе организаціи естественно распадаю-
щейся, вслѣдствіе разнородности и противорѣчивости ея состав-
ныхъ элементовъ. Кромѣ того—и это въ высшей степени важно—
въ такой организаціи невозможна никакая индивидуальная иниці-
атива, которая имѣетъ громадное, хотя и не прямое, творческое
значеніе, никакая смѣлость мысли и логики, такъ какъ такая ор-
ганизація, составленная изъ разнородныхъ, пестрыхъ элементовъ,
поневолѣ должна быть централистической,—безъ давленія сверху,
безъ принудительнаго механизма она распадется. Централизація
же — могила, какъ для иниціативы, такъ и для смѣлости мысли.
Творческая сила партіи создается не многочисленностью разно-
родныхъ элементовъ, входящихъ въ ея составъ,—такимъ образомъ
составленная партія, какъ бы она ни была велика, останется вре-
меннымъ явленіемъ и не оставитъ видныхъ слѣдовъ въ исторіи,—
а ихъ дѣйствительной солидарностью. Для достиженія солидарно-
сти нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы элементы, входящіе въ
составъ организаціи, были однородны, — но что нужно — это то,
чтобы разнородность составляющихъ ее элементовъ не была раз-
нородностью *разнаго порядка*. Разнородность разнаго порядка ве-
детъ къ противорѣчіямъ и расколамъ, тогда какъ разнородности
одного и того же порядка, федерируясь между собою, могутъ со-
ставить единодѣйствующую солидарную организацію.

Силу партіи создаетъ *сила мотивовъ союза*. Когда партія *возни-
каетъ* на почвѣ опредѣленныхъ стремленій и идеаловъ, когда она
составляется изъ солидарныхъ элементовъ, стремящихся съ упор-
ной послѣдовательностью къ глубоко сознанной цѣли, то она и
въ томъ случаѣ, если она численно будетъ мала, оставитъ боль-
ше слѣда въ жизни, глубже будетъ вліять на развитіе мысли, на
общественныя движенія и на общественные перевороты. Кромѣ
того такой союзъ, возникшій на почвѣ общности соціальнаго
положенія его членовъ, на почвѣ общности имъ всѣмъ понят-
ныхъ стремленій, можетъ жить и развиваться безъ всякой пове-
лѣвающей власти, безъ всякой централизаціи, безъ всякаго при-
нудительнаго механизма.

Мы не думаемъ, чтобы эти идеи, столь простыя и ясныя, не
были доступны человѣку, какъ бы мало развитъ онъ ни былъ,
и, казалось бы, по этимъ вопросамъ полное согласіе давно должно
было бы установиться. Однако же этого согласія нѣтъ. Вопросъ
организаціи все еще вызываетъ страстные споры. Идея свободной,
федералистической организаціи отождествляется многими съ безпо-
рядкомъ, хаосомъ, партикуляризмомъ, а происходитъ это оттого,
что идея организаціи, какъ многія другія, столь же плодотворныя
идеи, подвергалась усердному искаженію въ продолженіе долгихъ
вѣковъ. *Стремленія народа никогда не соотвѣтствовали стремле-
ніямъ тѣхъ, которые вели его, руководили и управляли имъ*. По-
этому нужно было вкоренить убѣжденіе въ необходимости одной
повелѣвающей, объединяющей, ведущей власти. Нельзя было пре-
доставить народъ своимъ стремленіямъ, нельзя было просто по-
могать ему въ борьбѣ за его же стремленія. Нужно было *очищать*
эти стремленія отъ того, что противорѣчило стремленіямъ бога-
тыхъ и власть имущихъ и нужно было *вести* его къ этимъ *очи-
щеннымъ* стремленіямъ. Никогда до сихъ поръ не было политики
народа, никогда не довѣряли народу и никогда не было дѣйстви-
тельно народной организаціи, всецѣло подчиненной волѣ и стре-
мленіямъ народа. Организаціи создавались не для того, чтобы на-
родъ шелъ самъ, не для того, чтобы дать ему въ руки сильное
оружіе, а для того, чтобы вести народъ, для того, чтобы создать
себѣ оружіе, позволяющее, съ вымученнымъ согласіемъ самого
народа, вести народъ къ невѣдомымъ ему цѣлямъ. Въ такихъ
условіяхъ, какой другой принципъ организаціи, кромѣ централи-
стическаго, могъ выработаться и укрѣпиться? Политическія пар-
тіи, политическіе дѣятели, „государственные мужи", воспитанные
на этихъ якобинскихъ тенденціяхъ, до сихъ поръ остаются имъ
вѣрны и они самымъ естественнымъ образомъ думаютъ, что такъ
и нужно, что организація — это централизація, что всякая орга-
низація должна имѣть повелѣвающій, управляющій центръ, что
иначе нельзя достигнуть единства, общности дѣйствія.

Лишь въ самое послѣднее время федералистическій, „свободни-
ческій" принципъ организаціи, который до сихъ поръ проявлялся
скорѣе въ видѣ протеста противъ государственности, якобинства,
начинаетъ пріобрѣтать право на гражданство. Вѣра въ власть,

*) A. Espinas. Sociétés animales.

вѣра въ партію, ведущую массу, исчезаютъ, укрѣпляется сознаніе
необходимости *активной самодѣятельности*, создаются организа-
ціи, не ведущія народъ, а дающія ему возможность *идти*, орга-
низаціи федералистическія.

Къ такимъ федералистическимъ типамъ организаціи принадле-
жатъ французскіе синдикаты, которые пока еще несовершенны,
часто впадаютъ въ противорѣчіе съ принципомъ, лежащимъ въ
основѣ ихъ организаціи, часто подвергаются вліяніямъ пережит-
ковъ авторитаризма и демократизма, все еще уцѣлѣвшимъ среди
нихъ, но все это, нужно надѣяться, исчезнетъ.

Не сразу рабочій классъ пришелъ къ федералистической кон-
цепціи группировокъ. Нуженъ былъ цѣлый рядъ разочарованій и
измѣнъ, чтобы онъ потерялъ вѣру въ централистическія органи-
заціи. Опытъ его же повседневной жизни и борьбы показалъ ра-
бочему классу, что сила организаціи заключается не въ безсо-
знательномъ, механическомъ и насильственномъ объединеніи, по-
средствомъ принужденія, власти, сверху внизъ — разнородныхъ,
разношерстыхъ и порою противорѣчивыхъ элементовъ, а въ
сознательномъ, добровольномъ желаемомъ союзѣ людей одного и
того же соціальнаго положенія, однихъ и тѣхъ же стремленій, на
почвѣ общихъ интересовъ и умѣющихъ притомъ сознательно
относиться къ цѣли и назначенію самого союза. Долгое пребы-
ваніе въ политическихъ партіяхъ не могло не раскрыть глаза ра-
бочему, не доказать ему съ достаточнымъ обиліемъ фактовъ, ему
хорошо понятныхъ, какой вредъ причиняетъ рабочему движенію
торжество централизма, который превращаетъ его въ орудіе силы,
стоящей внѣ и надъ его волей, отнимая у него возможность вся-
кой самовольной дѣятельности, всякой иниціативы, всякой само-
стоятельности. Онъ не могъ не замѣтить также, что *руководящій
центръ очень часто превращается во власть, дѣйствующую про-
извольно и грубо, даже по отношенію людей и организацій, со-
здавшихъ его*, якобы для общаго дѣла, для общихъ интересовъ.
Центръ вмѣсто того, чтобы обслуживать интересы своихъ созда-
телей, превращается въ самодавлѣющее учрежденіе. Централизмъ
въ организаціи, въ союзѣ людей, объединившихся ради общаго
дѣла, это—удаленіе рядовыхъ, т. е. самыхъ главныхъ работниковъ
отъ всякой мысленной, творческой работы, превращеніе ихъ въ
автоматы, изъятіе изъ ихъ рукъ права провѣрки актовъ ими же
назначаемыхъ „исполнительныхъ комитетовъ" и, наконецъ, по-
давленіе всего мѣстнаго и живого. Центръ капризенъ, *у него,
какъ только онъ укрѣпляется, создается своя собственная воля,
противорѣчащая волѣ всѣхъ*; а потому, централистическая орга-
низація всегда бываетъ ареной междуусобной борьбы, образовані
своего рода камарильи, расколовъ, интригъ, взрыва низкихъ чув-
ствъ: стремленія къ власти, къ привилегіямъ, къ видному посту
и прочному вліятельному положенію. Но люди, глубоко проникну-
тые якобинскими традиціями, охотно прощаютъ все это центра-
лизму, потому якобы, что централизмъ, путемъ прочнаго объеди-
ненія, создаетъ силу. Это—предразсудокъ, вредный предразсудокъ,
который много зла принесъ революціонному движенію и который
къ сожалѣнію успѣетъ, пока исчезнетъ окончательно, принести
еще много вреда. Централизмъ не создаетъ единства; централи-
стическое единство есть всегда распадающееся, находящееся съ
самаго начала своего возникновенія въ процессѣ разложенія един-
ства. Централизмъ не создаетъ силы, его сила есть всегда кажу-
щаяся, внѣшняя сила. Никогда нельзя быть увѣреннымъ въ проч-
ности централистической организаціи, — все въ ней держится на
бюрократизмѣ и стоитъ скомпрометировать себя, придти въ за-
мѣшательство этому бюрократизму, и составныя части его, ли-
шенныя всякой самостоятельной жизни, всякаго духа предпріим-
чивости и иниціативы, распадутся, и, безсильныя, погибнутъ въ
безсиліи. Никогда нельзя ожидать отъ централистической органи-
заціи *долгаго, продолжительнаго, упорнаго дѣйствія*; чуть что,—
вспыхнетъ, выплыветъ наружу какая нибудь скрытая интрига, и
послѣдуетъ расколъ; и это можетъ случиться въ самую критиче-
скую минуту, во время какого нибудь революціоннаго высту-
пленія.*)

Что же удивительнаго въ томъ, что, по мѣрѣ того, какъ рабо-
чій классъ мужалъ въ смыслѣ „политической зрѣлости", по мѣрѣ
того, какъ онъ дѣлался достаточно сильнымъ, чтобы самому дѣ-
лать свое дѣло, онъ старался освободить свои организаціи отъ
якобинизма и его разновидностей—централизма, „бонапартизма",
бланкизма, которые въ значительной мѣрѣ были внесены туда
марксистами, этими безсознательными полу-бланкистами.

Рабочія биржи, возникшія послѣ освобожденія рабочей массы
изъ подъ вліянія политическихъ партій, не только не были уже
централистическими организаціями, но, наоборотъ, вся ихъ но-
визна, вся ихъ жизненность заключалась въ ихъ противо-

*) Примѣръ: Р. С.-Д. Р. П. и партія Соц.-рев. Обѣ эти партіи централисти-
чески организованы, — одна болѣе, другая менѣе централистична, но прин-
ципъ у обѣихъ безусловно централистическій. Обѣ эти партіи переживали
періодъ острыхъ внутреннихъ раздоровъ въ самое критическое время — во
время революціонныхъ выступленій.

централистическихъ тенденціяхъ. Рабочая биржа представляетъ собою федерацію,—она есть *союзъ мѣстныхъ союзовъ*. Напримѣръ, если бы различные мѣстные союзы города Москвы объединились между собою свободно и, составивъ такимъ образомъ свободную федерацію, наняли бы одно общее помѣщеніе, которое будетъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ, гдѣ будетъ постоянное мѣстопребываніе ихъ общаго секретаря, секретаря федераціи, гдѣ будетъ также постоянное мѣстопребываніе частныхъ секретарей, т. е. секретарей союзовъ, входящихъ въ составъ федераціи, гдѣ они, т. е. союзы, имѣли бы образовательный и боевой центръ, — они этимъ самымъ основали бы московскую биржу труда. Но если отдѣльные союзы, напр., союзъ работниковъ по печатному дѣлу, союзъ пекарей, кожевниковъ, желѣзнодорожниковъ и т. д., соединяются и образуютъ одну общую *междуремесленную* организацію —биржу труда, это не значитъ, что они теряютъ свою собственную физіономію: организоваться, объединиться—это не значитъ слиться, потерять свою физіономію, свою индивидуальность. Наоборотъ, это—союзъ индивидуальностей, имѣющихъ одинъ общій интересъ, стремящихся къ одной общей цѣли, это — координація общихъ усилій для болѣе успѣшной борьбы, въ виду одной общей цѣли. Такой общей цѣлью можетъ быть обще-рабочее дѣло *на мѣстѣ*, когда нужно проявить всю сумму мѣстной рабочей энергіи; это можетъ быть движеніе солидарности и т. д.; тогда дѣйствіе рабочихъ должно быть общимъ, и это дѣйствіе будетъ руководиться всей биржей, всѣмъ совѣтомъ *мѣстнаго союза союзовъ*. Но кромѣ этихъ общихъ и наиболѣе важныхъ цѣлей у союзовъ, входящихъ въ составъ биржъ, есть еще свои частныя, чисто ремесленныя цѣли. У наборщиковъ, напримѣръ, могутъ быть свои счеты съ хозяевами, по поводу тарифа, у кожевниковъ —свои, по поводу улучшенія гигіеническихъ условій труда и т. д.; и во всѣхъ этихъ вопросахъ, касающихся ихъ ремесла въ частности, они совершенно автономны, рѣшаютъ ихъ какъ хотятъ, какъ имъ велитъ интересъ ихъ частнаго ремесленнаго дѣла и, въ случаѣ конфликта съ хозяевами, въ случаѣ стачки, они всегда разсчитываютъ на безусловную помощь общей организаціи — биржи труда. Слѣдовательно, биржа, какъ единая организація, не является механизмомъ давленія, центромъ, ограничивающимъ рабочую самостоятельность и починъ мѣстныхъ организацій. Наоборотъ, если рабочіе цѣнятъ ее, привязаны къ ней, стараются ее расширить и укрѣпить, это потому, что она сама укрѣпляетъ и углубляетъ личный починъ синдикатовъ, создаетъ возможность добровольной, гармонической координаціи усилій рабочаго класса самимъ рабочимъ классомъ.

Вотъ, стало быть, что такое биржа труда. Что же касается федераціи биржъ труда, она представляетъ собою союзъ тѣхъ мѣстныхъ биржъ, о которыхъ мы только что говорили. Какъ союзы въ мѣстной биржѣ, такъ и мѣстныя биржи въ обще-національной федераціи биржъ, сохраняютъ свою полную автономію, полную независимость въ дѣлахъ мѣстныхъ.

* * *

Условія повседневной борьбы, все болѣе и болѣе учащающіяся стачки, борьба классовъ со всѣми ея жестокостями прекрасно показываютъ, что рабочій классъ не можетъ удовлетвориться ни созданіемъ мѣстныхъ ремесленныхъ организацій, ни федераціями, объединяющими эти мѣстныя ремесленныя организаціи на мѣстѣ же. Кромѣ мѣстныхъ ремесленныхъ союзовъ, ему нужны союзы національные, союзы, объединяющіе въ одну общую солидарную организацію всѣхъ рабочихъ даннаго ремесла и данной страны. Если мѣстные ремесленные союзы имѣютъ мѣстные интересы, то безспорно, что и всѣ рабочіе даннаго ремесла, безъ различія мѣстности, имѣютъ общіе интересы, на почвѣ которыхъ и создается національная ремесленная федерація. Такъ, напримѣръ, если бы всѣ союзы желѣзнодорожныхъ рабочихъ всѣхъ городовъ, всѣхъ областей объединились въ одинъ общій національный союзъ союзовъ, въ одну общую федерацію, они такимъ образомъ составили бы національную федерацію желѣзнодорожныхъ рабочихъ. То, что мы сказали о мѣстныхъ ремесленныхъ союзахъ, входящихъ въ составъ биржъ, и относительно этихъ послѣднихъ, входящихъ въ составъ федераціи биржъ, мы могли бы повторить по поводу національныхъ ремесленныхъ федерацій. На самомъ дѣлѣ, и у нихъ, вслѣдствіе того же единства интересовъ рабочаго класса, есть, кромѣ интересовъ чисто ремесленныхъ, интересы обще-классовые, это—интересы всего пролетаріата какъ класса, съ интересами котораго въ общемъ связаны интересы ремесла; ремесленная организація не можетъ стремиться къ своему частному ремесленному освобожденію, не стремясь къ освобожденію всего рабочаго класса, ни обойтись въ своей повседневной борьбѣ безъ помощи другихъ ремеслъ. Поэтому, какъ только возникаютъ такія національныя ремесленныя федераціи, возникаетъ и мысль объ ихъ объединеніи въ одну общую *конфедерацію*. И это не для того, конечно, чтобы конкуррировать съ уже существующей федераціей биржъ труда, а для того, чтобы дополнить ее. Рабочія биржи и ихъ федерація въ высшей степени полезныя и необходимыя организаціи; онѣ отвѣчаютъ извѣстной реальной и глубокой потребности рабочаго класса, но не нужно забывать, что онѣ должны удѣлять значительную часть своей энергіи и своихъ средствъ чисто воспитательно-пропагандистской дѣятельности; рабочему же классу, въ особенности въ настоящее время, при страшно обостренныхъ классовыхъ отношеніяхъ, нуженъ боевой органъ, дающій ему возможность мобилизировать, въ случаѣ необходимости, не только мѣстныя организаціи, не только ремесленныя федераціи, но всю боевую силу пролетаріата, объединеннаго въ громадныя національныя федераціи.

По своей организаціи, стало быть, національныя федераціи и конфедерація этихъ федерацій отличаются отъ биржъ труда и ихъ федерацій тѣмъ, что въ мѣстную биржу труда входятъ всѣ мѣстные союзы безъ различія ремеслъ, а федерація биржъ составляется изъ союза этихъ биржъ, тогда какъ въ національную федерацію могутъ войти только союзы одного опредѣленнаго ремесла, и конфедерація составляется изъ ихъ союза.

* * *

Прекрасно сознаваемая рабочими громадная польза и необходимость единства рабочей силы дала практическіе результаты. Мотивы, которые привели къ образованію федераціи биржъ труда въ 1892 г., вызвали, во Франціи, объединеніе въ одну конфедерацію труда, всѣхъ національныхъ ремесленныхъ федерацій на Ліможскомъ конгрессѣ 1895 года. Со времени этого съѣзда во Франціи, стало быть, существовали двѣ обще-національныя организаціи: федерація биржъ труда и конфедерація труда. Двѣ организаціи, преслѣдующія одну и ту же цѣль—полное (интегральное —говорится въ декларацiи Конфедераціи труда) освобожденіе рабочаго класса, придерживающіяся одной и той же тактики непосредственной, революціонной борьбы противъ капиталистическаго строя, но несмотря на это единство цѣли и тактики, стоящія отдѣльно другъ отъ друга. Таково было положеніе рабочаго дѣла во Франціи въ 1895 году; и, конечно, мысль о дружескомъ объединеніи этихъ организацій должна была возникнуть самымъ естественнымъ образомъ. И, дѣйствительно, съ самаго возникновенія Конфедераціи труда, мало по малу стали поговаривать объ осуществленіи этого необходимаго единства между двумя родственными организаціями. Но рабочіе такъ боялись централизма, жертвой котораго они были долгое время, такъ боялись сдѣлаться опять жертвой чиновничества, комитетовъ и совѣтовъ, что они не рѣшались какъ-то предложить двумъ организаціямъ проектъ объединенія. Къ тому же Конфедерація труда, пока еще была молодая, неиспытанная организація; ея декларація и статуты соотвѣтствовали настроенію рабочихъ, но на работѣ ея пока никто не видѣлъ и никто не зналъ, что изъ нея выйдетъ: останется ли она вѣрной своей цѣли и своему назначенію, или сдѣлается добычей политикановъ. Это опасеніе было тѣмъ болѣе понятно, что въ Конфедерацію съ самаго начала, одновременно съ вѣрными испытанными организаціями и дѣятелями, попали нѣкоторые политиканы, и федерація биржъ сильно побаивалась, чтобы послѣдніе не внесли опять въ рабочую среду привычки къ интригамъ и политиканству. Но эти опасенія не оправдались. Конфедерація труда, хотя и оставалась нѣкоторое время почти фиктивной организаціей, но за то у нея не было недостатка ни въ революціонной смѣлости, ни въ упорномъ желаніи стать сильною экономической организаціей рабочаго класса; такъ что всѣ поводы недовѣрія къ ней мало по малу исчезли, и объединеніе стало не только возможнымъ, но и неизбѣжнымъ. Лишь съ этого объединенія Конфедерація получила то громадное значеніе, которое она имѣетъ теперь. Ліонскій конгрессъ 1901 года*), принявъ во вниманіе назрѣвшую необходимость единства, призналъ его въ принципѣ. Оставалось выяснить тѣ основы, на которыхъ нужно было построить это единство, но такъ, чтобы не сдѣлать шагъ въ сторону централизма и не ослабить принциповъ федерализма и автономіи, оказавшихся столь благопріятными для развитія рабочаго революціоннаго движенія, руководимаго самими рабочими. Задачу эту выполнилъ слѣдующій съѣздъ, состоявшійся въ Монпелье въ 1902 году. Объединенная организація получила названіе „Всеобщей Конфедераціи Труда“.*)

Какъ національныя ремесленныя федераціи, такъ и федерація биржъ труда сохранили свою физіономію, свою индивидуальность, —союзъ былъ осуществленъ посредствомъ тѣснаго объединенія двухъ совершенно автономныхъ единицъ: Секціи федераціи биржъ труда и секціи національно-ремесленныхъ федерацій. Каждая изъ секцій въ вопросахъ административныхъ и въ вопросахъ спеціально ее интересующихъ остается широко автономной; въ вопросахъ же общихъ, интересующихъ весь пролетаріатъ, обѣ секціи выступаютъ совмѣстно, какъ одна единая организація—Всеобщая Конфедерація Труда. Какъ уже было сказано, у обѣихъ секцій одна и та же цѣль, обѣ секціи слѣдуютъ одной и той же тактикѣ

*) О подробностяхъ см. отчетъ Ліонскаго съѣзда 1901 г.

*) См. IX-me Congrès national des Bourses du Travail de France et des Colonies.

революціонно-экономической борьбы, но въ подготовительной работѣ между ними существуетъ какъ бы извѣстнаго рода дѣленіе труда: биржа труда занимается выработкой элементовъ классовой борьбы, формируетъ кадры классовой арміи пролетаріата, создаетъ, такъ сказать, субъективныя условія настоящей сознательной классовой борьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываетъ психологическія начала свободной жизни равноправныхъ людей. Это школа, подготовляющая людей для созданія новаго міра. Конфедерація же, пользуясь этими подготовленными элементами, *ведетъ* классовую борьбу, она есть преимущественно органъ классовой *борьбы*.

Основная клѣтка, какъ той, такъ и другой организаціи, синдикатъ. Объединеніемъ и солидарностью этихъ синдикатовъ проявляется и дѣйствуетъ партія труда, ростъ и сила которой зависитъ отъ ихъ роста и силы. Синдикатъ примыкаетъ, съ одной стороны, къ своей ремесленной національной федераціи, съ другой, къ своему мѣстному союзу—биржѣ труда. Въ свою очередь эти двѣ послѣднія организаціи различныхъ категорій, федерируясь между собою на свободныхъ началахъ, осуществляютъ своимъ объединеніемъ объединеніе усилій рабочаго класса въ одну какъ бы сказать синтетическую организацію—Всеобщую Конфедерацію Труда. Этотъ *круговой федерализмъ* двухъ круговыхъ организацій, взаимно проникающихъ другъ друга, это замѣчательное проявленіе рабочаго могущества есть учрежденіе, являющееся результатомъ труда и опыта цѣлаго столѣтія.*)

„Ролью биржи труда, говоритъ Пато, была и остается организація воспитанія: объединить наибольшее количество рабочихъ, создать сознательныхъ людей, стремящихся все видѣть и все дѣлать самимъ; увеличить число союзовъ, помогать организаціи ремесленныхъ и промышленныхъ синдикатовъ, однимъ словомъ, сгруппировать всѣхъ рабочихъ, каково бы ни было ихъ ремесло, *а также и тѣхъ, которые вовсе не имѣютъ ремесла*,**) въ союзы подъ названіемъ союза людей труда (syndicat d'hommes de peine) или въ союзы людей непостояннаго труда (syndicat des irreguliers du travail), организовать прикащиковъ и т. д., чтобы никто не могъ сказать: „не имѣя ремесла, я не могу войти въ синдикаты"; организовать, однимъ словомъ, всѣхъ наемныхъ работниковъ, ибо всѣ должны быть солидарны и объединены, такъ чтобы внѣ синдикатовъ оставалось все уменьшающееся число рабочихъ, не поддающихся организаціи по ихъ слѣпотѣ, индифферентности, безсознательности или личнымъ интересамъ. При биржахъ труда должны организоваться профессіональные курсы, рефераты по экономическимъ и соціальнымъ, научнымъ и литературнымъ вопросамъ, должны вмѣстѣ съ тѣмъ организоваться курсы по стенографіи, математикѣ, счетоводству, французскому и иностраннымъ языкамъ, механикѣ, физикѣ и химіи, чтобы всѣ эти науки сдѣлать доступными для всякаго рода рабочихъ. Не забудемъ также упомянуть о необходимости созданія бюро для подыскиванія работы, бюро свѣдѣній, юридическихъ совѣтовъ и т. д."

„...Роль же федераціи биржъ заключается въ координированіи дѣятельности отдѣльныхъ биржъ, она служитъ органомъ совмѣстнаго выступленія, ведетъ статистику рабочей борьбы (стачекъ); изслѣдуетъ положеніе рабочихъ, движеніе заработной платы, гигіеническія условія работы, организуетъ віатикумъ (помощь рабочимъ, находящимся въ путешествіи съ цѣлью подыскиванія работы), рабочіе музеи и т. д."

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что роль биржи и федераціи биржъ труда слишкомъ мирная, почти исключительно воспитательная, но, присмотрѣвшись ближе къ ихъ жизни и дѣятельности, очень легко убѣдиться, что онѣ не довольствуются этой воспитательной ролью, что онѣ, наоборотъ, представляютъ собою настоящія революціонныя организаціи; занимаются усиленной агитаціей, подъискиваютъ и доставляютъ мѣстнымъ организаціямъ пропагандистовъ и агитаторовъ, вмѣшиваются энергично во всѣ столкновенія рабочихъ съ хозяевами, не съ тѣмъ, чтобы охладить пылъ и революціонную энергію борящихся рабочихъ, а съ тѣмъ, чтобы стимулировать ихъ энергичной и безграничной помощью. Однимъ словомъ, биржа есть то учрежденіе, которое помогаетъ формаціи независимаго рабочаго міра, вырабатываетъ сознательную индивидуальность класса, защищаетъ рабочую среду отъ вторженія въ нее политикановъ и вообще всякихъ искателей политическихъ карьеръ. Биржа, и въ этомъ ея великая заслуга, вноситъ субъективное сознаніе въ объективно происходящую съ незапамятныхъ временъ классовую борьбу, опредѣляетъ и выясняетъ условія, въ которыхъ происходитъ эта послѣдняя и тѣмъ превращаетъ рабочую массу въ сознательнаго участника общественной эволюціи.

Секція федерацій,—Конфедерація,—какъ мы уже сказали, представляетъ собою боевой органъ борящагося пролетаріата. Она не боится, не должна, по крайней мѣрѣ, бояться никакихъ столкновеній. Она ведетъ борьбу, борьбу прямую, непосредственно революціонную, путемъ частныхъ стачекъ, путемъ обобщенныхъ стачекъ, уличныхъ демонстрацій, саботажа, бойкота, старается создать условія всеобщей стачки, долженствующей перейти въ своемъ развитіи въ соціальную революцію; и борется она не посредствомъ спорта въ терпѣніи и съ помощью грошами собранныхъ капиталовъ,*) какъ это дѣлаютъ англійскіе традъ-юніоны, а революціонно, прибѣгая ко всѣмъ видамъ экономической борьбы, которая въ *трудные моменты* можетъ включить въ себя и рабочій терроръ.

Можно сказать, что лишь съ образованія современнаго революціоннаго синдикализма происходитъ, въ латинскихъ странахъ по крайней мѣрѣ, *настоящая сознательная классовая борьба рабочаго класса* противъ не тѣхъ или иныхъ недостатковъ капиталистическаго строя, а противъ всей существующей капиталистической системы вообще. Раньше за рабочихъ говорили, за нихъ вели борьбу отдѣльныя группы, партіи или личности, теперь и говоритъ за себя, и борется самъ рабочій классъ, объединенный на почвѣ классовыхъ интересовъ, за свой рабочій идеалъ. Перманентное возстаніе противъ существующаго строя,—вотъ основная черта, опредѣляющая сущность партіи труда.*)

Итакъ, послѣ тридцатилѣтняго перерыва, Международное Общество Рабочихъ оживаетъ, идеи Бакунина, Юрской Федераціи съ новой силой воодушевляютъ рабочія массы. Правъ Пужэ, говоря, что Конфедерація труда является историческимъ продолженіемъ Международнаго Общества Рабочихъ.

Въ продолженіе всего XIX столѣтія рабочіе съ несокрушимымъ упорствомъ боролись противъ затрудненій, создаваемыхъ буржуазіей, чтобы помѣшать ихъ организаціи. На почвѣ организаціи, какъ и во всемъ остальномъ, борьба между буржуазіей и рабочими происходила изъ-за противоположныхъ цѣлей: каждый изъ этихъ двухъ противоположныхъ классовъ стремится къ безусловному и полному торжеству своей воли; буржуазія старалась приспособить къ своимъ желаніямъ, интересамъ, волѣ возникающія рабочія организаціи. *Вся политика ея была направлена къ этой цѣли*; съ этой же цѣлью буржуазія иногда предпринимала рабочее законодательство. Рабочіе, наоборотъ, стремились, путемъ объединенія своихъ усилій, созданіемъ крупныхъ ремесленныхъ организацій и ихъ федерацій *заставить буржуазію слѣдовать политикѣ приспособленія къ все растущему рабочему движенію. Рабочіе хотѣли, чтобы такъ называемое рабочее законодательство являлось не результатомъ торжества желанія буржуазіи приспособить растущее рабочее движеніе къ своей волѣ и интересамъ, а, наоборотъ, результатомъ вынужденной необходимости приспособиться или подчиниться все растущей силѣ рабочаго класса.* Но вначалѣ для этого рабочіе не имѣли достаточной силы, ибо хотя объективныя условія рѣзкой и опредѣленной классовой борьбы уже существовали, но эти объективныя условія не освѣщались и не руководились субъективнымъ сознаніемъ условій, формы и назначенія объективно уже происходящей классовой борьбы. Инстинктивно они всегда старались создать подобнаго рода организаціи: не только общества взаимопомощи и сопротивленія, но даже общества старыхъ братствъ (compagnonage), которыя имѣютъ столь интересную исторію, являются порожденіемъ борьбы классовъ. Но онѣ разбивались о преграды, которыя ставила имъ вполнѣ сознательно буржуазія. Лишь съ основанія современаго революціоннаго синдикализма стало возможнымъ послѣдовательное осуществленіе и послѣдовательное проявленіе тѣхъ стремленій и той тактики рабочей борьбы, интуитивнымъ осуществленіемъ которыхъ были эти братства, общества взаимопомощи и сопротивленія. Въ этомъ громадная заслуга современнаго революціиннаго синдикализма. Въ этомъ его историческое значеніе, которое будетъ все увеличиваться, если онъ не подвергнется постороннимъ вліяніямъ и не измѣнитъ своему назначенію.

Другая громадная заслуга синдикализма заключается въ томъ, что тѣ руководящіе принципы, которые такъ прекрасно формулированы Интернаціоналомъ въ его предпосылкахъ, онъ осуществилъ практически, претворилъ въ жизнь созданіемъ упомянутыхъ нами организацій. „Подчиненіе работника капиталу есть источникъ всякаго рабства, моральнаго, экономическаго и матеріальнаго", говорилъ Интернаціоналъ; „поэтому экономическое освобожденіе есть цѣль, которой должно быть подчинено всякое политическое движеніе". „Всѣ усилія работниковъ должны быть устремлены не на созданіе новыхъ привилегій, а на установленіе для всѣхъ безъ исключенія одинаковыхъ правъ и одинаковыхъ обязанностей" *).

---

*) См. Partie du travail. Emile Pouget.

**) Курсивъ мой. К. О.

*) Иногда эти капиталы, собранные грошами, достигаютъ милліоновъ, какъ это часто бываетъ въ Англіи, но въ сравненіи съ капиталами господствующихъ классовъ они всегда останутся грошами.

*) См. Pouget. «Parti du Travail», стр. 14.

*) См. декларацію принциповъ Интернаціонала. Нужно признать, что примѣненіе этихъ принциповъ въ синдикализмѣ не достигло нужной полноты. Конфедерація труда не могла избѣгнуть нѣкотораго бюрократизма. Нужно

Эти великіе принципы, легшіе въ основу Интернаціонала, лежатъ также въ основѣ современнаго синдикализма. Мы знаемъ, что эти принципы провозглашаются нѣкоторыми политическими партіями, но мы знаемъ также, что для нихъ это является простой ширмой, которая прикрываетъ принципы и тактику, совершенно противоположные этимъ великимъ истинно-рабочимъ принципамъ. Современный же синдикализмъ *стремится* осуществить эти принципы не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Многіе сознательные синдикалисты хотятъ, чтобы въ синдикалистскихъ организаціяхъ не было мѣста никакимъ привилегіямъ, чтобы въ нихъ всѣ были равны въ борьбѣ за общество равныхъ. Тамъ не должны прикрываться словами „экономическое освобожденіе", чтобы затѣмъ всю энергію отдавать безплодному политиканству. Тамъ борьба за экономическое освобожденіе должна означать дѣйствительно борьбу за экономическое освобожденіе: всякій актъ, всякое движеніе синдикалистскихъ организацій должны быть направлены на то, чтобы подорвать основы капиталистическаго строя. Эти рабочія организаціи должны называться рабочими не потому, что вожакамъ желательно замаскировать отсутствіе рабочихъ во всѣхъ руководящихъ органахъ, какъ это бываетъ во всѣхъ соціаль-политическихъ партіяхъ; онѣ, дѣйствительно, должны быть рабочими организаціями, какъ по своему составу, такъ и по качеству своихъ руководителей.

Третья заслуга синдикальныхъ организацій заключается въ томъ, что онѣ поняли, что организація, стремящаяся къ свободѣ, сама должна быть построена на принципахъ свободы **), своей внутренней жизнью она должна готовить своихъ членовъ для жизни въ свободномъ обществѣ; она должна стремиться упорнымъ трудомъ приблизить по формѣ и характеру свою организацію къ организаціи будущаго общества. Принципы, долженствующіе лечь въ основу будущаго общества, не должны противорѣчить принципамъ, лежащимъ въ основѣ рабочихъ обществъ. Только существованіе такой организаціи позволитъ рабочимъ разрушать капиталистическій строй во имя яснаго и опредѣленнаго идеала. Иначе говоря, третья громадная заслуга синдикальныхъ организацій заключается въ томъ, что онѣ представляютъ собою элементы второго дня революціи, т. е. элементы, способные воспользоваться всѣми результатами будущей революціи, удержать и развить ихъ.

* * *

Торжество федералистическаго организаціоннаго принципа въ рабочей средѣ имѣетъ то въ высшей степени важное значеніе, что изъемлетъ рабочее движеніе и самую рабочую массу изъ рукъ политическихъ партій, которыя злоупотребляютъ ими, и передаетъ въ руки самихъ рабочихъ и ихъ организацій. Слѣдовательно, лишь съ торжествомъ этого *принципа — автономной, активной самодѣятельности организованной рабочей массы, руководимой самими рабочими, — революціонное движеніе становится дѣйствительно рабочимъ по формѣ и по составу*. Торжество этого принципа дѣлаетъ рабочаго полнымъ человѣкомъ; ибо, безъ подавленія личной инициативы, почина мелкихъ или мѣстныхъ организацій, духа творчества, смѣлости мысли и инициативы, оно создаетъ благопріятныя условія для проявленія всей рабочей энергіи. Организація, построенная на принципѣ федерализма, дѣлая возможной раціональную комбинацію и координацію на тысячу ладовъ личной и коллективной инициативы, становится безусловно цѣннымъ орудіемъ для торжества рабочаго класса, для прогресса, для свободнаго и дѣйствительнаго народнаго торжества.

* * *

Вотъ, стало быть, въ общихъ и существенныхъ чертахъ организаціонный принципъ революціоннаго синдикализма. Въ общемъ и основномъ этотъ принципъ не только не противорѣчитъ анархизму, но, наоборотъ, кажется его практическимъ осуществленіемъ. Мы глубоко убѣждены, что если бы анархисты, ссылаясь на то, что во французскомъ синдикализмѣ есть кое-какія частныя отступленія отъ изложеннаго принципа, не принимали бы участія въ немъ, ихъ бы обвиняли въ сектантствѣ, доктринерствѣ, и эти обвиненія были бы вполнѣ основательны. Но анархисты принимаютъ горячее участіе въ современномъ профессіональномъ движеніи,— и вотъ какъ разъ тѣ люди, которые ихъ стали бы обвинять въ сектанствѣ за неучастіе въ синдикализмѣ, обвиняютъ ихъ теперь за ихъ участіе въ этомъ движеніи, потому, якобы, что анархисты, поступая въ синдикаты, измѣняютъ своимъ принципамъ, идутъ на компромиссы. Это обвиненіе основано на недоразумѣніи, если оно не является дипломатической хитростью со стороны людей, желающихъ, чтобы анархисты не участвовали въ современномъ синдикалистскомъ движеніи.

Когда люди борются за осуществленіе идеала, который требуетъ полнаго разрушенія всего существующаго строя, имъ всегда приходится идти на нѣкоторые компромиссы. Но нужно различать компромиссы, которые *навязываются* непреодолимой въ данный моментъ силой борцамъ, отъ компромиссовъ, которые *принимаются*, якобы для улучшенія условій борьбы. Всякій человѣкъ, признающій неразумнымъ и, слѣдовательно, противорѣчащимъ его глубокому убѣжденію, существующій нынѣ порядокъ вещей и однако же живущій въ немъ, совершаетъ извѣстный компромиссъ. Съ точки зрѣнія этой безжалостной логики, одобренной для случая врагами анархизма, которымъ не по вкусу участіе анархистовъ въ синдикатахъ, положительно все является сплошнымъ компромиссомъ: сдѣлать заявленіе объ изданіи газеты или журнала, сдѣлать полагающееся заявленіе для устройства собранія, подписать какой-нибудь контрактъ, напримѣръ при наймѣ квартиры для себя или помѣщенія для какого-нибудь общаго дѣла, дать себя арестовать или позволить надѣть кандалы *), получить какую-нибудь оффиціальную повѣстку и отвѣтить на нее, имѣть метрику съ печатью духовнаго или гражданскаго вѣдомства, паспортъ и вообще какой бы то ни было оффиціальный документъ, исполнить какое-нибудь предписаніе гражданскаго или духовнаго вѣдомства, имѣть свой огороженный участокъ и все, что не требуется для немедленнаго потребленія, тѣмъ болѣе, что около насъ есть люди, не имѣющіе возможности удовлетворить своихъ элементарныхъ нуждъ, имѣть и пользоваться деньгами, встрѣтить на улицѣ полицейскаго и не дать ему по физіономіи, солдата — и не разоружить его и т. д. и т. д., — однимъ словомъ, жить и дышать въ капиталистическомъ строѣ есть компромиссъ, сдѣлка съ совѣстью; и анархисты совершили бы большой грѣхъ, если бы стали скрывать или оправдывать все это. Но вѣдь когда говорятъ о компромиссѣ, совершаемомъ анархистами, поступающими въ синдикаты, въ которыхъ федералистическій принципъ организаціи то искажается подъ вліяніемъ пережитковъ демократизма, то практикуется не полно,— тогда имѣютъ въ виду компромиссъ не въ этомъ общемъ смыслѣ. Безусловно, между идеаломъ анархизма, его полнымъ осуществленіемъ и синдикальной организаціей разница громадная, соотвѣтствующая той разницѣ, которая существуетъ между синдикатомъ — органомъ борьбы и свободнымъ обществомъ, развивающемся нормально въ атмосферѣ свободы. Но синдикатъ является учрежденіемъ, находящимся въ постоянномъ процессѣ усовершенствованія. Когда оцѣнивается какое-нибудь учрежденіе, нужно брать его основныя свойства, основными же своими свойствами синдикальныя организаціи не противорѣчатъ анархизму, иначе анархисты не приложили бы столько усилій къ его основанію и развитію. Что касается частностей, анархисты прекрасно знаютъ, что синдикалистскія организаціи несовершенны, что они пока еще не освободились отъ пережитковъ демократизма. Эти *пережитки демократизма противорѣчатъ не только анархизму, но и синдикализму; какъ анархизмъ, такъ и синдикализмъ стараются устранить тѣ недостатки*, которые еще присущи синдикалистскимъ организаціямъ, вслѣдствіе пока еще уцѣлѣвшаго вліянія демократизма. Слѣдовательно, недостатки, присущіе нѣкоторымъ синдикалистскимъ организаціямъ, не только не являются показателемъ противорѣчія между синдикализмомъ и анархизмомъ, не только не должны отдалять анархистовъ отъ участія въ синдикатахъ, а наоборотъ доказываютъ полную гармонію анархизма и синдикализма, *такъ какъ синдикализмъ становится на точку зрѣнія анархизма въ оцѣнкѣ и критикѣ этихъ недостатковъ и идетъ въ ихъ исправленіи по пути, указанному анархизмомъ.*

„Возможно, конечно, говоритъ Пужэ *), что въ нѣкоторыхъ, въ настоящее время существующихъ группахъ эта полнота жизни не достигнута. Но эта остановка въ развитіи не должна стать для рабочихъ — каково бы ни было ихъ умственное развитіе — достаточной причиной, чтобы держаться въ сторонѣ отъ синдиката. Напротивъ! *Тѣ, которые сознаютъ этотъ низкій уровень корпоративнаго агрегата, единицей котораго они являются, должны способствовать его органической эволюціи. Если бы синдикатъ былъ учрежденіемъ съ строго ограниченными рамками, въ которыя должны принужденно втискиваться рабочія массы, можно было бы понять нѣкоторое отвращеніе къ нему. Но только это не такъ. Синдикатъ есть живой агрегатъ; онъ является постоянно мѣняющимся продолженіемъ индивидуальностей, его составляющихъ, и его физіономія есть точный снимокъ съ умственнаго уровня его членовъ. На обязанности послѣднихъ лежитъ, стало быть, не позволять ему стоять на одномъ мѣстѣ, не давать ему окаменѣть подъ вліяніемъ демократическаго наркоза.*

„*Было бы большой ошибкой дѣлать отвѣтственнымъ за недостатки, могущіе существовать въ нѣкоторыхъ группахъ, самый принципъ синдикализма.* Въ дѣйствительности происходитъ совершенно обратное: если замѣчаются въ нѣкоторыхъ корпоративныхъ группахъ недостатки, то это происходитъ оттого, что *примыкающія къ нимъ рабочія массы, еще пропитанныя демократизмомъ, внесли въ синдикальную среду политическія заблужденія, которыми они слишкомъ долгое время были насыщены.* Стало быть, бое-

---

только надѣяться, что все это исчезнетъ: античиновническая и антибюрократическая тенденція уже возникла въ Конфедераціи.

**) Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ реформистскіе синдикаты, также синдикаты, находящіеся подъ вліяніемъ политическихъ партій.

*) Temps Nouveaux. № 4, 1907.

*) Le Syndicat, p. 12—13.

вымъ элементамъ, замѣчающимъ эти недостатки, не слѣдуетъ подъ предлогомъ этихъ послѣднихъ относиться безучастно къ синдикату и держать себя изолированно отъ него, а надо удвоить энергію, чтобы, дружески указавъ на эту опасность, стараться устранить ее.

„Впрочемъ, синдикальная дѣятельность исправляетъ эти недостатки, являющіеся регрессивными тенденціями, своимъ собственнымъ свойственнымъ ей средствомъ, само собою, *въ силу нормальнаго развитія происходитъ удаленіе остатковъ демократизма.*

„Это фатально, ибо соглашеніе между двумя доктринами не возможно: *Синдикализмъ и Демократизмъ — два противоположные полюса, которые исключаютъ и нейтрализируютъ другъ друга.* Существуетъ масса примѣровъ, которые каждый можетъ найти въ своей памяти: *во всѣхъ экономическихъ группахъ, куда проникала политика, замѣчалось разложеніе и гибель.*

„*Демократизмъ, это соціальная суперфетація, паразитическій и наружный нарость, тогда какъ синдикализмъ есть логическое проявленіе роста жизни; онъ представляетъ раціональную связь человѣческихъ существъ между собою, и поэтому онъ не съуживаетъ ихъ индивидуальность, а продолжаетъ и развиваетъ ее.*

Недостатки, присущіе синдикализму, есть временные недостатки, указывающіе лишь на то, что пока еще не все сдѣлано, а не недостатки, присущіе самому принципу. Что касается самого принципа, мы видѣли, что синдикатъ не является централистической группой или партіей, въ которой личность, меньшинство подавлены, гдѣ господствуетъ культъ большинства, какъ въ демократическихъ организаціяхъ.

„Основная *клѣтка синдиката,* говоритъ уже цитированный нами авторъ *), это — *индивидъ. Только въ немъ нѣтъ той подавленности, которая обнаруживается въ демократической средѣ, гдѣ, въ силу преклоненія передъ всеобщимъ избирательнымъ правомъ, существуетъ стремленіе къ стѣсненію и подавленію человѣческой личности. Въ демократической средѣ избиратель можетъ пользоваться своей волей только для акта самоотреченія: онъ призывается подать свой „голосъ“ за кандидата, котораго онъ хочетъ имѣть своимъ „представителемъ“.*

„*Вступленіе въ синдикатъ не требуетъ ничего подобнаго, и наиболѣе придирчивый не могъ бы отыскать въ синдикальной средѣ малѣйшаго покушенія на человѣческую индивидуальность: какъ до вступленія въ синдикатъ, такъ и послѣ, вступившій остается тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, — какъ прежде онъ былъ автономной личностью, такъ и послѣ онъ остается автономнымъ.*

„Вступая въ синдикатъ, рабочій ограничивается *заключеніемъ договора,* который *всегда можетъ быть расторгнутъ,* съ товарищами, съ себѣ равными по стремленіямъ и по силѣ, и ни въ какую минуту, мнѣнія, какія ему придется высказать, акты, въ какихъ ему придется принять участіе, не будутъ имѣть характера отказа, отреченія отъ своей личности, что составляетъ отличительную черту политическихъ голосованій.

„Напримѣръ, нужно назначить синдикальный совѣтъ въ синдикатѣ для административныхъ работъ. *Нельзя сравнивать этотъ „подборъ“* (sélection) *съ „выборами“* (élection); способъ голосованія, обычно практикующійся въ подобныхъ случаяхъ, служитъ только средствомъ для раздѣленія труда и не сопровождается никакимъ делегированіемъ имѣющимъ авторитарный характеръ. Функціи синдикальнаго совѣта строго ограничены и исключительно административны. Совѣтъ дѣлаетъ свое дѣло, никогда не нарушая своихъ полномочій, не становясь на мѣсто давшихъ ихъ и не дѣйствуя за нихъ.

„То же можно сказать о всѣхъ рѣшеніяхъ, принимаемыхъ синдикатомъ. Каждое изъ нихъ относится къ одному опредѣленному частному случаю; тогда какъ въ политической области выборъ какого-нибудь лица означаетъ, что послѣдній получилъ отъ своего избирателя полную свободу рѣшать и дѣйствовать по своему усмотрѣнію во всемъ... не видя препятствія даже въ томъ случаѣ, когда воля его избирателей противоположна его дѣйствіямъ: ихъ протестъ, какъ бы онъ ни былъ основателенъ, не дѣйствителенъ, пока длятся полномочія выборнаго.

„Невозможно, слѣдовательно, провести параллель между синдикальной дѣятельностью и обманчивой политической дѣятельностью, а тѣмъ болѣе смѣшать ихъ.

„*Въ нормально функціонирующемъ синдикатѣ личность члена синдиката не подвергается треніямъ. Мало того, что его автономія оберегается, только въ этой средѣ она можетъ достигнуть максимума своего развитія*“ *).

Приведенныя слова Пужэ показываютъ намъ, что между организаціонными принципами синдикализма и анархизма не только нѣтъ никакого противорѣчія, но что, наоборотъ, синдикалистская организація, въ томъ видѣ, какъ ее рисуетъ Пужэ, является попыткой послѣдовательнаго осуществленія анархическаго принципа организаціи. Принципъ этотъ — автономія и федерализмъ. Жизнь показала громадное значеніе этого принципа для дѣйствительнаго, сознательно-революціоннаго движенія. Та польза, то облегченіе, которое принесло съ собою торжество этого принципа, то ускоренное развитіе рабочихъ организацій, съ тѣхъ поръ какъ этотъ принципъ окончательно восторжествовалъ среди нихъ, покажетъ рабочимъ необходимость его еще болѣе послѣдовательнаго, широкаго и систематическаго примѣненія. Принципъ найденъ, жизнь оправдала и оправдываетъ его и, каковы бы ни были временные недостатки его практическаго примѣненія, онъ восторжествуетъ: рабочему классу нужно стать самимъ собою, чтобы дѣйствительно дѣлать свое дѣло, — федералистическія организаціи даютъ ему эту великую и плодотворную возможность.

К. Оргіани.

*) E. Pouget, Syndicat, p. 11.

*) Какъ въ этой, такъ и въ предыдущей цитатѣ курсивъ вездѣ мой. К. О.

МИРНАЯ ЭВОЛЮЦІЯ.*)

Ее воспѣвали и восхваляли на всѣ лады. Ни одинъ человѣкъ въ здравомъ умѣ не жаждетъ пожара или кроваваго преступленія изъ любви къ нимъ; но если обстоятельства сложились такъ, что нужно выбирать между постыдной смертью или насиліемъ, каждый схватится прежде всего за оружіе. Лассаль еще 20 лѣтъ тому назадъ уловилъ звукъ „глухихъ шаговъ рабочихъ батальоновъ“; его пророческое око видѣло приближеніе Революціи съ ея развѣвающимися волосами. Лассаль, а за нимъ соціалисты всѣхъ странъ, возвысили голосъ; но ихъ предупрежденіе вызвало еще худшую эксплуатацію рабочихъ господствующимъ классомъ, который уже тогда подготовлялся къ будущимъ битвамъ.

Больше прежняго рабовъ стали мучить и топтать ногами. Тѣ страны, на которыя смотрѣли, какъ на убѣжище, стали соперничать со старымъ міромъ по количеству медленныхъ убійствъ въ промышленности. Въ Соединенныхъ Штатахъ 90 к.—1 руб. въ день стало обычнымъ заработкомъ. Жертвы голода и вообще нищеты уже не шли въ счетъ. Умирали тысячи людей, желавшихъ только одного — работы. Тогда рабочія организаціи, до того бездѣятельныя и покорныя, заговорили угрожающимъ языкомъ, и эксплуататоры не задумались начать борьбу противъ нихъ. Они увидѣли въ этихъ организаціяхъ, какъ онѣ ни были безобидны, враговъ, которые способны въ одинъ прекрасный день возстать.

⁂

Событія каждаго дня подтверждаютъ то, что мы всегда говорили, а именно, что рабочіе ничего не получатъ путемъ такъ называемой легальной борьбы. Но многіе повторяютъ то, что говорилось еще 20 лѣтъ тому назадъ: „Правительство должно будетъ сдѣлать то-то и то-то; уменьшить рабочій день, уничтожить сверхурочную работу, запретить дѣтскій трудъ и пр. и пр. „Эти люди существовали во всѣ времена и въ писаніи о нихъ уже сказано: „Они имѣютъ глаза и не видятъ, имѣютъ уши и не слышатъ.“

Въ Мичиганѣ во время послѣдней законодательной сессіи былъ проведенъ законъ, въ силу котораго съ 20 сентября устанавливается десятичасовый рабочій день и ни одинъ, хозяинъ не можетъ произвести давленіе на рабочихъ, чтобы вынудить ихъ работать больше десяти часовъ. Въ тотъ день, когда этотъ законъ долженъ былъ войти въ силу, владѣльцы фабрикъ и рудниковъ въ Меломитѣ, Мэнисти и окрестностяхъ выработали запись приблизительно слѣдующаго содержанія: „Мы нижеподписавшіеся рабочіе объявляемъ настоящимъ актомъ, который подписанъ добровольно и безъ всякаго давленія, что рѣшаемъ работать какъ раньше 11 часовъ въ день. Мы обязуемся кромѣ того разсматривать настоящее рѣшеніе, какъ обязательное на срокъ . . . . . лѣтъ“. Снабженные этой бумагой хозяева явились на фабрики и предложили рабочимъ подписаться. Рабочіе отказались, вызвавъ этимъ гнѣвъ эксплуататоровъ, которые въ наказаніе закрыли фабрики и заводы. Пять тысячъ рабочихъ остались безъ хлѣба въ одномъ округѣ; объ остальныхъ мы еще не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. „Гдѣ же полиція и войска, чтобы призвать къ порядку этихъ бунтовщиковъ противъ государства, потому что государство—это мы!“ Такъ говорили хозяева.

Другой случай: Англія до такой степени классическая страна свободы, что великая революція XVIII вѣка даже не коснулась ея. Тогда какъ во Франціи свобода только зарождалась, въ Англіи она уже была въ періодѣ отрочества. Несмотря на это, произошло слѣдующее. Въ воскресенье имѣло мѣсто огромное собраніе соціалистовъ для протеста противъ нарушенія свободы слова. Это собраніе было разсѣяно полиціей съ грубостью, достойной страны Бисмарка. Англійскіе соціальдемократы добиваются уничтоженія нищеты мирными и законными средствами. Такимъ образомъ они созываютъ собранія, чтобы послать въ парламентъ предста

*) Авторъ статьи, Августъ Шписъ, одинъ изъ четырехъ казненныхъ въ 1887 году въ Чикаго анархистовъ (пятый приговоренный къ казни Лингъ самъ покончилъ съ собой). Помѣщаемъ переводъ этой статьи, дающей яркое представленіе о положеніи рабочихъ въ Сѣверной Америкѣ наканунѣ всеобщей стачки 1886 года. Ред.

вителей для защиты народа отъ его воровъ; до сихъ поръ эти собранія разгонялись по ничтожнымъ поводамъ, а ораторы арестовывались. Для протеста противъ этихъ насилій наши товарищи устроили въ Лаймгаузѣ собраніе, самое крупное изъ всѣхъ, которые тамъ устраивались. По приказанію министра внутреннихъ дѣлъ явилась полиція и пыталась захватить ораторовъ. Завязалась ожесточенная борьба, окончившаяся побѣдой полиціи. Дочь Маркса и нѣсколько другихъ женщинъ, присутствовавшихъ на собраніи, были связаны, а Моррисъ былъ арестованъ за то, что спросилъ полицейскаго, почему связали этихъ женщинъ. Смогутъ ли наши товарищи извлечь изъ этихъ фактовъ тотъ выводъ, что для класса, къ которому они принадлежатъ, нѣтъ законнаго пути? Мы надѣемся на это. Впрочемъ Моррисъ и Соціалистическая Лига поняли это давно. Этотъ „законный и мирный путь" является въ Англіи, Германіи или Америкѣ простой насмѣшкой. Джонъ Піастъ въ послѣднемъ номерѣ Swinton's Paper называетъ очень мѣтко Санчо Пансами тѣхъ, которые пробавляются до сихъ поръ общими мѣстами вродѣ слѣдующихъ: „Избирательный бюллетень — это штыкъ бѣдняка", „Всѣ правительства желаютъ блага управляемыхъ" или „Всякій честный трудъ облагораживаетъ". Этими пластырями залѣчиваютъ раны, которыя нанесли намъ наши господа ударами сапогъ, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока въ одинъ прекрасный день слишкомъ туго натянутая веревка не лопнетъ; а этотъ день ближе, чѣмъ это думаютъ многіе.

⁂

Три года тому назадъ вспыхнула стачка въ каменоломняхъ, расположенныхъ между Лемонтомъ и Джоліе; она закончилась пораженіемъ рабочихъ. Дѣло было въ уменьшеніи заработной платы, противъ котораго боролись рабочіе. Плата составляла 2½ доллара (около 5 руб.) въ день. Извѣстно, что въ этихъ каменоломняхъ работа очень утомительна и часто прерывается на долгое время. Такимъ образомъ годовой заработокъ уменьшается и становится недостаточнымъ для удовлетворенія болѣе чѣмъ скромныхъ нѣмецкихъ и ирландскихъ рабочихъ, работавшихъ въ этихъ каменоломняхъ. Рабочіе начали стачку и проиграли. Тогда владѣльцы каменоломенъ, разбогатѣвшіе при соучастіи государства, рѣшили замѣнить этихъ буйныхъ рабочихъ другими, болѣе покорными и болѣе умѣренными въ своихъ требованіяхъ. Они прогнали нѣмцевъ и ирландцевъ и замѣнили ихъ поляками, шведами и венгерцами. Съ этого времени и почти безъ исключенія всѣ рабочіе, находившіеся на службѣ у этихъ хозяевъ, выбирались изъ этихъ трехъ національностей и бѣшенство эксплуатаціи, охватившее хозяевъ, не имѣло больше предѣловъ. Заработная плата пала до 1 д. 25 центовъ и средній заработокъ до 25 коп. „Китайцы изъ Европы", какъ можно было назвать этихъ рабочихъ, нашли наконецъ, что съ такимъ заработкомъ жить невозможно; они потребовали увеличенія и, получивъ отказъ, забастовали. Хозяева прибѣгли къ хорошо извѣстному средству: они наняли „скабовъ". Въ каждой странѣ имѣются тысячи людей, осужденныхъ нашимъ филантропическимъ и христіанскимъ обществомъ на голодную смерть и не задумывающихся передъ тѣмъ, чтобы продлить на нѣсколько дней свою жизнь, хотя бы на счетъ жизни своего ближняго. Стачечники бурно протестовали противъ найма „скабовъ" и взбунтовались. „Караулъ"! закричали эксплуататоры. Затѣмъ они какъ будто задумались, даже почувствовали угрызенія совѣсти, но не надолго. Милиція была поставлена на ноги и прибыла въ Джоліе. Губернаторъ Оглсби послалъ четыре полка хорошо дрессированныхъ убійцъ, чтобы дать рабочимъ, полумертвымъ отъ голода, болѣе отчетливое понятіе объ ихъ положеніи въ Канадѣ. Первый урокъ состоялся въ воскресенье 2 мая 1885 г. Въ этотъ день нѣкоторое число стачечниковъ находилось на большой дорогѣ между Лемонтомъ и Лекнортомъ. Вдругъ отрядъ вооруженныхъ олуховъ перегородилъ имъ дорогу. Стачечники не позволили запугать себя и заявили, что намѣрены идти въ Джоліе. Тогда на нихъ напалъ со штыками наголо другой отрядъ, скрывавшійся до того въ засадѣ. Захваченнымъ въ ловушку стачечникамъ оставалось разсѣяться. Не довольствуясь своей легкой побѣдой, солдаты преслѣдовали бѣглецовъ, арестовали около 80 человѣкъ и потащили въ Джоліе, гдѣ они были заключены въ тюрьму. Причина этого нападенія заключается въ томъ, что стачечники воспользовались правомъ собранія, которое имъ гарантировалъ законъ и котораго за ними не признавали хозяева. Почему рабочіе не устояли передъ солдатами, не попытались дать имъ понять ихъ ошибку? Мы убѣждены, что они бросили бы оружіе и побратались бы съ рабочими. Въ странѣ избирательнаго бюллетеня, конституціи и свободы народъ представляетъ высшую власть и употребленіе силы составляетъ насиліе. Было бы хорошо, чтобы въ будущемъ каждый рабочій былъ вооруженъ и могъ защищаться противъ полиціи, пули и штыка. Иначе будетъ повторяться одна и та же исторія: убійцы организованные, вооруженные и подлые съ одной стороны, а съ другой жертвы безоружные и смѣлые. Соціалисты, коммунисты и анархисты повторяли постоянно: „Рабочіе, вооружайтесь!" Но кто хотѣлъ прислушаться къ словамъ этихъ невѣрующихъ, которые призываютъ народъ къ бунту? Не лучше ли послушать священника, который говоритъ о блескѣ небесной жизни и прибавляетъ при случаѣ: „избави насъ, Господи, отъ львы и анархистовъ!" На тѣ деньги, которыя польскіе рабочіе пожертвовали на свои церкви и священниковъ, они могли бы пріобрѣсти цѣлый арсеналъ. Если есть еще люди, которые непремѣнно хотятъ благодарить своего „Боженьку", они могли бы дѣлать это на лонѣ природы или въ тѣни своей комнаты. Для „Боженьки" это все равно, но для рабочихъ не все равно быть или не быть вооруженными и готовыми въ тотъ день, когда жадная до крови шайка сторонниковъ порядка набросится на нихъ.

Мы обращаемся преимущественно къ тѣмъ изъ нашихъ друзей, которые еще остались вѣрующими. Пусть они молятся и вѣруютъ, но если они понимаютъ, что ихъ жизнь здѣсь—дороже царствія небеснаго, тогда пусть они вооружатся.

Мы дожили до того момента исторіи, когда жить—значитъ бороться, бороться не только за насущный хлѣбъ и вообще за жизнь, но и противъ ордъ убійцъ, готовыхъ пустить свинецъ въ грудь пролетарія, противъ ордъ тѣхъ, которые знаютъ, что только рѣзня рабочихъ массами обезпечиваетъ полное подчиненіе оставшихся жить.

Выслушайте, что говоритъ „Таймсъ" о событіяхъ Лемонта: „Не зная въ точности причинъ, мы полагаемъ, что милиція не оказалась на высотѣ положенія. Разъ стачечники отказались разсѣяться, обязанностью офицеровъ было скомандовать „пли!" и не наудачу, а залпами, которые уменьшили бы число пролетаріевъ".

Вотъ что вполнѣ ясно, и большая часть газетъ высказалась такимъ же образомъ.

Августъ Шписъ.

КАКЪ НУЖНО ПОНИМАТЬ РЕВОЛЮЦІЮ.

Революція — какъ мы ее понимаемъ — должна быть совершена для народа и самимъ народомъ, а не его „представителями" и „уполномоченными". Мы не питаемъ никакого довѣрія къ законамъ, и революцію нужно *дѣлать*, а не писать о ней на бумагѣ. Мы думаемъ, что новая организація должна совершаться снизу вверхъ, начиная съ *захвата* средствъ и продуктовъ производства, а не сверху внизъ, декретами централизованнаго начальства, обслуживаемаго арміей чиновниковъ.

Такъ понятая революція не можетъ, конечно, быть дѣломъ одной партіи или даже коалиціи нѣсколькихъ партій: она требуетъ участія всей трудящейся массы. Безъ участія этой рабочей массы возможны измѣненія отдѣльныхъ частей современнаго государственнаго механизма, но не полный, коренной переворотъ нашего общества. Всякая партія, комитетъ, совѣтъ, берущіе на себя роль заправилъ,—убиваютъ революцію.

Миновать эту опасность есть одно средство: рабочія массы должны самостоятельно организоваться, и отдѣльныя ихъ группы должны непосредственно приступить къ дѣйствіямъ. Спасеніе революціи лежитъ въ подготовительной и немедленной организаціи рабочей массы.

Современная организація рабочихъ плоха, авторитарна; у нея слишкомъ ограниченныя цѣли и слишкомъ часто она служитъ игрушкой въ рукахъ политикановъ. Однако, даже и въ такомъ видѣ, она представляетъ собой зерно будущаго общества. Поэтому, не только не нужно бросать эту организацію, но нужно работать въ ней и для нея.

Мы, анархисты, можемъ способствовать созданію рабочей революціонной организаціи тремя различными способами. Прежде всего, мы должны вызывать рабочихъ на болѣе реальную и активную жизнь; тамъ, гдѣ вся дѣятельность сконцентрирована въ рукахъ нѣсколькихъ „уполномоченныхъ", и гдѣ рабочіе ограничиваются только уплатой своихъ членскихъ взносовъ и исполненіемъ приказовъ, исходящихъ „сверху", мы должны указывать на вредъ централизма и на возможность быть обманутыми, оставленными въ критическіе моменты борьбы...

Рабочіе не нуждаются въ начальникахъ, хотя бы и выборныхъ; они могутъ, конечно, поручить отдѣльнымъ лицамъ исполненіе нѣкоторыхъ обязанностей, но послѣ этого они не должны сидѣть сложа руки, предоставивъ все на усмотрѣніе своихъ представителей... Рабочія общества должны служить пріютомъ для рабочихъ; рабочая организація должна стать семьей для всѣхъ рабочихъ, гдѣ они будутъ въ свободные часы обсуждать всѣ дѣла и интересы своего класса. Это новая фаза, въ которую должны вступить рабочія общества, чтобы подготовиться къ великому измѣненію общества.

Во-вторыхъ, мы должны работать надъ расширеніемъ кругозора рабочихъ и ихъ ассоціацій. Каждое сословіе или классъ должны заботиться не только объ однихъ своихъ интересахъ, но должны развивать самую широкую солидарность среди неорганизованныхъ и безработныхъ рабочихъ, а также и среди неквалифицированныхъ пролетаріевъ. Въ интересахъ наиболѣе обезпеченныхъ ра-

бочихъ заняться положеніемъ безработныхъ; они должны помочь имъ въ улучшеніи ихъ положенія на продолжительное время и съ своей стороны безработные не будутъ препятствіемъ рабочему движенію. Постоянно указывая, что въ интересахъ каждаго рабочаго сословія поддержать всякія требованія исходящія отъ другихъ рабочихъ сословій, мы откроемъ пролетаріату его реальныя силы, о которыхъ онъ и не знаетъ. Нужно, чтобы буржуазія знала, что противъ нея не отдѣльныя группы мятежниковъ, но всѣ рабочіе, всѣ пролетаріи, и что всякая стачка есть сигналъ ко всеобщей мобилизаціи рабочаго класса и можетъ стать началомъ революціи. Буржуазія должна также знать, что рабочіе ставятъ общіе интересы куда выше ихъ личныхъ интересовъ, и что помимо вопросовъ о заработной платѣ или длинѣ рабочаго дня у нихъ есть ясная цѣль: полное освобожденіе отъ всякихъ хозяевъ и эксплуататоровъ.

Наконецъ, мы должны привить рабочимъ идею о необходимости взаимной пропаганды и составленія стойкихъ убѣжденій. Настоящее согласіе,—это то, въ основѣ котораго лежатъ общія желанія и общія идеи, связывающія рабочихъ даже тогда, когда у нихъ нѣтъ организаціи. Лишенія и жертвы — необходимыя послѣдствія борьбы рабочихъ противъ хозяевъ, могутъ быть принесены только людьми убѣжденными. Убѣжденный человѣкъ никогда не измѣнитъ своимъ принципамъ. Въ пропагандѣ принциповъ, слѣдовательно, тоже лежитъ источникъ новыхъ силъ для рабочаго класса. Существующія рабочія организаціи слишкомъ много занимаются своими матеріальными интересами и совсѣмъ не удѣляютъ вниманія принципамъ. А, однако, только принципы и могутъ обезпечить побѣду попранныхъ интересовъ. Необходимо во всѣхъ организаціяхъ ставить соціальныя проблемы и дискуссировать современные вопросы, чтобы рабочіе морально и интеллектуально были подготовлены къ великой задачѣ обновленія общества.

Въ то время, когда мы такъ подымемъ движеніе организованныхъ рабочихъ, дѣлая его революціоннымъ и анархическимъ, мы должны серьезно заняться рабочими, у которыхъ нѣтъ опредѣленныхъ занятій. Ибо съ ихъ стороны должны мы ждать окончательнаго штурма буржуазнаго общества; изъ этихъ низшихъ слоевъ общества подымется революціонная буря. Всѣ рабочія сословія могутъ еще получать въ нѣкоторыхъ случаяхъ удовлетвореніе, вопросъ же о „безработныхъ" неразрѣшимъ, и число ихъ растетъ съ каждымъ днемъ. Даже незначительное волненіе среди безработныхъ существенно революціоннѣе забастовки. Мы, анархисты, должны координировать свою революціонную дѣятельность съ чувствами массъ, естественно болѣе возбужденныхъ во время волненій, чѣмъ въ обыкновенное время.

Наконецъ, мы всегда должны быть среди народныхъ массъ.

Когда рабочіе требуютъ улучшенія положенія, повышенія заработной платы, укороченія часовъ рабочаго дня, уничтоженія фабричныхъ правилъ; когда рабочіе бастуютъ съ цѣлью защитить ихъ достоинство или съ цѣлью высказать свою солидарность, симпатіи выгнаннымъ или оскорбленнымъ хозяевами товарищамъ — мы должны сказать имъ, что все это не рѣшеніе рабочаго вопроса. Мы должны использовать подобныя событія, распространяя болѣе широкіе взгляды на революцію и указывая на необходимость полнаго уничтоженія частной собственности и государства. Мы должны сдѣлать все необходимое для расширенія и углубленія движенія и должны стараться придать ему революціонный характеръ; наше мѣсто въ подобное время среди рабочихъ, мы должны бороться рядомъ съ ними и если нужно—жертвовать собой для нихъ. Не интересоваться рабочимъ движеніемъ—значитъ играть на руку буржуазіи; рабочимъ антипатичны будутъ тогда какъ анархическія идеи, такъ и сами анархисты.

Если въ экономическомъ отношеніи забастовки особенно важнаго значенія не имѣютъ, а иногда даже онѣ гибельны для рабочихъ,—это все таки не мѣшаетъ тому, чтобы стачка была актомъ моральнаго возмущенія. Забастовки учатъ рабочихъ бороться, видѣть въ своихъ хозяевахъ враговъ и самимъ добиваться осуществленія своихъ желаній, не ожидая никакой помощи сверху. Стачечникъ больше не рабъ, повинующійся и благословляющій своего хозяина, онъ — бунтовщикъ, идущій по пути соціализма, революціи. Наша задача, толкать и вести его дальше.

(„Le Libertaire".) Савьеро Мерлино.

***

БУДУЩЕЕ ОБЩЕСТВО

(Переводъ съ французскаго.)

Вопросы трансформаціи нашего общества все болѣе и болѣе увлекаютъ мыслящихъ и ученыхъ людей самыхъ различныхъ соціальныхъ сословій. Эти вопросы сильно волнуютъ народныя массы, добивающіяся ихъ рѣшенія и осуществленія.

И теперь даже европейскія государства сильно сходны между собой, и сумма всѣхъ экономическихъ, политическихъ и соціальныхъ условій ведетъ къ еще болѣе сильному сходству. И чѣмъ сильнѣе становится это сходство, тѣмъ больше шансовъ и возможностей этимъ странамъ федерироваться.

Генеральные законы, законы біологіи и психологіи, необходимость солидаризаціи говорятъ о неизбѣжности всемірной федераціи.

Интернаціональныя сношенія увеличиваются съ каждымъ днемъ: почта, телеграфъ, телефонъ, банки, желѣзныя дороги, каналы, рѣчная и морская навигація, наука, армія всѣхъ странъ, созданныя для защиты богатыхъ и имущихъ, различныя политическія и соціальныя учрежденія, цѣлью которыхъ является также защита извѣстныхъ классовыхъ интересовъ и Интернаціоналъ рабочихъ — все это предвѣстники будущей федераціи. Всѣ эти факторы, одновременно — хотя и различно — дѣйствующіе, ведутъ къ единой европейской республикѣ, наступленіе которой еще, конечно, не такъ близко, но первымъ проявленіемъ которой будетъ федерація правительствъ, не измѣняющая частныхъ конституцій каждой изъ входящихъ странъ.

Современныя общества съ ихъ ужасными арміями напоминаютъ отвратительнѣйшія чудовища первобытныхъ временъ, громаднаго размѣра животныхъ, покрытыхъ толстыми бронями и вооруженныхъ страшными зубами. Чудовища эти осуществляютъ вполнѣ идеалъ нашихъ современныхъ милитаристовъ, видящихъ спасеніе только въ гигантскихъ пушкахъ, автоматическихъ ружьяхъ, пулеметахъ, подводныхъ лодкахъ и колоссальныхъ броненосцахъ.

Но примитивныя чудовища исчезли, человѣкъ ихъ пережилъ и передъ нимъ все еще дорога безъ границъ, безъ конца. Господство умственной силы является закономъ природы. И онъ въ одинъ прекрасный день уничтожитъ эти милитаристическія державы, представляющія собой соціальныхъ мастодонтовъ. Принципъ, который убьетъ современное общество, станетъ двигателемъ будущаго развитія, стремленія къ благосостоянію и счастью.

Милитаризмъ поглощаетъ большую часть жизненной энергіи и способностей народа; его уничтоженіе позволитъ улучшить экономическое положеніе народовъ, обществъ, личностей. Если мы бросимъ взглядъ на исторію человѣческаго рода, то мы на протяженіи всей этой длинной исторіи найдемъ вѣчное стремленіе къ справедливости.... Но мы надѣемся, что теперь человѣкъ не будетъ больше плыть, подобно затерявшемуся среди океана пароходу.

И въ то время, когда наши предки уповали только на справедливую будущую жизнь, проповѣдываемую представителями религіи, мы надѣемся на справедливость здѣсь, среди живыхъ, функціонирующую удовлетворительно на всей поверхности земного шара.

Народы не могутъ не подчиниться законамъ всеобщаго измѣненія и улучшенія черезъ образованіе, воспитаніе, умственное и духовное развитіе личности. Анархизмъ есть проявленіе этой трансформаціи: онъ наученъ, философски обоснованъ, активенъ и неизбѣженъ. Ничто не можетъ удержать его на пути, по которому онъ ведетъ человѣчество къ полному освобожденію. Будущее принадлежитъ анархистамъ.

Но что такое анархисты?

Анархисты—это личности, которые въ эпоху проповѣдыванія свободы мнѣній, рекомендуютъ полную свободу безъ всякихъ ограниченій. Они одни изъ числа многихъ десятковъ тысячъ людей испытываютъ потребность громогласно высказать то, что думаютъ и что думаютъ дѣлать. Они хотятъ свободы, т. е. они требуютъ для каждаго человѣческаго существа права и возможности дѣлать все что ему нравится и удовлетворить всѣ потребности — конечно, естественно выполнимыя и не посягающія на интересы ближняго — безъ всякихъ другихъ ограниченій. Анархисты хотятъ свободы и они убѣждены въ томъ, что она несовмѣстима ни съ какой властью, каково бы ни было ея происхожденіе или форма, монархическая или республиканская, инспирируемая божескимъ правомъ или всеобщимъ голосованіемъ.

Повседневная жизнь учитъ насъ, что всѣ правительства похожи другъ на друга. Наилучшія очень часто оказываются наихудшими. Одни болѣе циничны, другія болѣе лицемѣрны, но всегда они одинаково дѣйствуютъ и одинаково нетерпимы къ другимъ.

Съ точки зрѣнія анархизма зло лежитъ не столько въ формѣ правленія, сколько въ самой идеѣ государства. Зло лежитъ въ самомъ принципѣ власти. Замѣна въ человѣческихъ отношеніяхъ, какъ индивидуальныхъ такъ и коллективныхъ, государственной опеки и установленной закономъ дисциплины свободнымъ договоромъ, который можетъ при первомъ же желаніи быть пересмотрѣнъ и, въ случаѣ надобности, сейчасъ же измѣненъ — таковъ идеалъ анархистовъ.

Анархисты стараются убѣдить всѣхъ обойтись безъ всякой власти, начальства, воздержаніемъ отъ всеобщаго голосованія, несоблюденіемъ и неповиновеніемъ законамъ подобно тому, какъ начинаютъ обходиться безъ „Бога", покидая церковь и религію, или подобно тому, какъ думаютъ обойтись безъ хозяевъ, создавая корпоративныя группы производства и потребленія, не занимающіяся никакой политикой, или, что еще лучше, создавая коммунистическія колоніи, которыя все болѣе и болѣе упрочатся и увеличатся количественно, особенно, когда лица, ихъ составляющія, заранѣе изучивъ другъ друга, убѣдятся въ томъ, что ихъ связываютъ одинаковые интересы, потребности, желанія и пр.

Первыя существующія коммуны могутъ исчезнуть, распуститься,

уничтожиться, но отъ нихъ остается слѣдующая заслуга: различные совершенные ими опыты, сближенія, тренія, какъ межъ людьми такъ и идеями, научатъ ихъ, что данныя соціальныя формы не въ состояніи удовлетворить ихъ потребностей. Они узнаютъ новые способы группировки, работы, гигіены и пр., ихъ кругозоръ значительно расширится, и если то, что они создали, было не цѣльно, они это уничтожатъ и будутъ пересоздавать до тѣхъ поръ, пока не установится полнаго согласія и гармоніи въ ихъ средѣ.

Такъ какъ въ интересахъ человѣка жить не изолированно, то коммунизмъ возможенъ, и его жизненность будетъ тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ коммунары будутъ серьезнѣе относиться къ своему дѣлу. Въ средѣ, отвѣчающей всѣмъ потребностямъ человѣка, всѣ дѣйствія индивидовъ будутъ направлены къ сохраненію такой благопріятствующей имъ же обстановки.

* * *

Развѣ современные конгрессы, собранія и нѣкоторыя рабочія группы не показываютъ, что рабочіе способны сами обсуждать различные вопросы, и что они обладаютъ достаточнымъ знаніемъ для принятія рѣшеній, соотвѣтствующихъ этимъ вопросамъ? И развѣ эти вопросы не были уже раньше изучены и подвергнуты критикѣ нѣкоторыми членами конгресса или собранія? Такъ что тѣ, кому хорошо знакомы эти вопросы, изложатъ ихъ безпристрастно тѣмъ, кто съ ними незнакомъ, и каждый выберетъ ту или иную теорію, ту или другую систему, тѣ или другіе способы примѣненія, и каждый, выслушавъ изложеніе всего этого, выберетъ то, что ему покажется лучшимъ.

Легко понять, что такого рода собранія будутъ имѣть мѣсто на всемъ пространствѣ освобожденной страны, и что ихъ дѣятельность не будетъ искажаться тѣмъ вреднымъ вліяніемъ, которое сказывается теперь на ораторахъ рабочихъ собраній. На этихъ собраніяхъ большинство не будетъ больше навязывать свою волю меньшинству, такъ какъ тамъ будутъ лишь свободные индивидуумы, которыхъ никто и ничто не сможетъ ни обмануть, ни насиловать, такъ какъ, не нуждаясь ни въ чемъ, они будутъ находиться внѣ вліянія необходимости и внѣ попытокъ развращенія, искаженія, подкупа.

Это послѣднее утвержденіе требуетъ нѣкоторыхъ объясненій. Само собою разумѣется, что во время революціоннаго движенія революціонеры захватили въ пользу общества все, что составляетъ въ наши дни личную собственность, и это было сдѣлано для того, чтобы отнять у собственниковъ возможность продолжать старое общество и защищать его и дабы дать возможность новой организаціи укрѣпить свое существованіе.

Разъ земли, копи, машины и вообще все соціальное богатство находится въ рукахъ революціонеровъ, они не будутъ больше удручены заботой о завтрашнемъ днѣ, и если они поспѣшатъ уничтожить все, что портитъ и искажаетъ людскія отношенія, какъ напр. деньги—средство обмѣна, они освободятся отъ всякой боязни раздоровъ и распрей. Хорошо наполненные магазины позволятъ имъ всецѣло посвятить себя или организаціи свободнаго общества, или борьбѣ съ послѣдними остатками власти. Какова бы ни была продолжительность вооруженной борьбы, будутъ, конечно, промежутки, во время которыхъ производство будетъ продолжаться, и какъ бы неполно оно ни было, оно будетъ достаточнымъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей. Мы знаемъ, что во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ революціонеры, несмотря на законы и на всѣ другія препятствія, берутъ тамъ, гдѣ есть, то, что имъ надо для жизни; можно быть увѣреннымъ, что такъ же будетъ и въ будущей революціи и, такъ какъ эта революція будетъ очень продолжительной, ясно, что нравы революціоннаго періода войдутъ отчасти въ привычку и заставятъ индивидовъ жить и работать вмѣстѣ. Если судить по даннымъ современной науки и по анархистской литературѣ, легко убѣдиться, что будущая революція пойдетъ по другому совершенно направленію, чѣмъ прошлыя революціи. Можно допустить, что въ первые моменты полной свободы произойдетъ своего рода распутство въ удовлетвореніи потребностей. И это неудивительно, такъ какъ огромныя массы народа, которыя до тѣхъ поръ жили въ нищетѣ, смогутъ вдругъ удовлетворить всѣ свои потребности. Но вся невыдержанность, вытекающая изъ этихъ потребностей, не будетъ имѣть тѣхъ ужасныхъ, безнравственныхъ и вредныхъ послѣдствій, которыя оно имѣетъ въ современномъ обществѣ. Правда, это разстройство будетъ вредно, оно создастъ моральный безпорядокъ,—но все это ничто въ сравненіи съ результатами, вытекающими изъ существованія власти. Впрочемъ эта невыдержанность не будетъ длиться долго, и она исчезнетъ когда станетъ яснымъ, что удовлетвореніе потребностей обезпечено, и что нѣтъ больше боязни за завтрашній день. Вмѣстѣ съ этой увѣренностью водворится равновѣсіе и порядокъ. Когда тѣ люди, которые злоупотребляютъ удовлетвореніемъ потребностей, увидятъ, что ихъ жизнь обезпечена въ средѣ веселаго и пріятнаго труда, въ средѣ солидарности и братства,—эти люди станутъ воздержны и разумны. Нѣтъ правила безъ исключенія, и возможно, что найдутся еще ненасытныя натуры; но исключенія не смогутъ создать опасности. Раньше собраній рабочихъ появится уже нѣкоторая регламентація, вытекающая изъ рѣшеній группъ и изъ ихъ образованія, и она, вводя нѣкоторый порядокъ вещей, будетъ уже регулировать это распредѣленіе безъ всякаго подавленія личной свободы. На этихъ собраніяхъ первымъ вопросомъ будетъ вопросъ о необходимости организаціи, и будутъ изысканы средства, способныя устранить неудобства, связанныя съ естественнымъ разнообразіемъ характеровъ, идей и т. д. Для этого люди одинаковаго характера и съ одинаковыми идеями будутъ группироваться вмѣстѣ и образуютъ повсюду группы производства и потребленія. Эти группы, составленныя изъ людей съ одними и тѣми же идеями и вкусами, будутъ представлять изъ себя нѣчто однородное и не будутъ нуждаться ни въ какой власти для регулированія своихъ взаимныхъ отношеній, такъ какъ совокупность ихъ желаній и воли будетъ составлять одну волю.

Группа составлена такъ, что каждый индивидуумъ въ ней свободенъ, такъ какъ вѣдь его собственная воля, соединенная съ волею другихъ, создаетъ договоръ—звено группы.

Тамъ нѣтъ и тѣни какой либо власти, заставляющей дѣйствовать такъ или иначе членовъ группы. Все функціонируетъ благодаря дѣятельности объединенной воли. Между различными группами можно будетъ найти разницу въ идеяхъ и способахъ дѣйствія, но, подобно индивидамъ, болѣе подходящія другъ къ другу группы почувствуютъ необходимость сношеній, союза и образуютъ федераціи. Элементы группъ должны быть однородны, но въ федераціи это условіе не является необходимымъ, такъ какъ, если въ группахъ усилія должны быть гармоничны для наилучшаго производства, въ федераціяхъ разногласія не могутъ имѣть никакой опасности. Федерація не играетъ никакой роли въ производствѣ, и ея задачею будетъ, вѣроятно, собираніе справокъ о производствѣ и потребленіи. Федерація будетъ служить центромъ, гдѣ каждая группа можетъ узнать объ общемъ положеніи дѣлъ, о характерѣ той или иной группы, и откуда каждая группа можетъ получить свѣдѣнія, сообразно коимъ она видоизмѣняетъ производство или потребленіе.

Тамъ будетъ имѣть мѣсто полная свобода, такъ какъ группы будутъ связаны съ федераціями не больше, чѣмъ отдѣльныя личности съ группами. Будетъ существовать порядокъ установленный самими членами, договоръ, съ которымъ будетъ сообразовываться каждый въ силу своего личнаго желанія, а не по обязанности. При такихъ условіяхъ не будетъ, какъ это думаютъ одни и доказываютъ другіе, дѣйствовать воля различныхъ лицъ, желающихъ настоять каждый на своемъ, потому что, повторяемъ мы, будетъ существовать *свободный* договоръ; онъ соединитъ отдѣльныхъ людей и составитъ сумму воли всѣхъ желающихъ идти къ одной цѣли и добиться ожидаемыхъ результатовъ.

Но договоръ, являющійся, такъ сказать, закономъ группы, могъ бы сдѣлаться обязательствомъ для нѣкоторыхъ ея членовъ, если ихъ мысли и ихъ точка зрѣнія измѣнились бы подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Если бы такой человѣкъ былъ навсегда связанъ договоромъ, онъ былъ бы вынужденъ повиноваться поневолѣ. Но каковы бы ни были его взгляды, всегда найдется группа, которая ихъ раздѣляетъ, и данное лицо можетъ выйти изъ прежней группы, чтобы вступить въ эту и тѣмъ возстановить или вѣрнѣе сохранить гармонію. Ясно, что группы въ федераціяхъ окажутся такими же свободными, какъ и индивидуумы въ группахъ.

* * *

Возьмемъ теперь примѣръ, который позволитъ обрисовать отчетливѣе функціи группы и индивидуума. Мы возьмемъ въ большомъ центрѣ корпорацію, которая группируетъ большое количество рабочихъ, благодаря огромному количеству матерьяла, многочисленнымъ машинамъ, необходимымъ для этой работы. Посмотримъ, какъ происходило бы дѣло въ Крезо (самый крупный во Франціи металлургическій заводъ).

На этомъ заводѣ имѣется управленіе коммерческой частью, которое окажется излишнимъ. Далѣе идетъ управленіе техническое, болѣе производительное. Оно состоитъ изъ главнаго инженера, подъ начальствомъ котораго находится извѣстное число другихъ инженеровъ, чертежниковъ, старшихъ мастеровъ, завѣдующихъ мастерскими; потомъ идутъ модельщики, литейщики, кузнецы, плотники, столяры, каменьщики, машинисты, кочегары и т. д.

Коммерческое управленіе представлено хозяиномъ и членами правленія; главный инженеръ получаетъ отъ нихъ приказанія и распредѣляетъ ихъ между своими помощниками; они, въ свою очередь, передаютъ ихъ чертежникамъ и старшимъ мастерамъ. Существуетъ, такимъ образомъ, организованный порядокъ. Въ такомъ случаѣ намъ остается лишь уничтожить власть, чтобы очутиться лицомъ къ лицу съ новымъ положеніемъ дѣлъ.

Никто не можетъ допустить, что мнѣнія главнаго инженера, который является мыслящимъ элементомъ всей этой связанной массы, выше другихъ; если сгруппировать способности всѣхъ, личныя ошибки сглаживались бы, и тогда можно было бы до-

биться лучшихъ результатовъ. Слѣдовательно, если замѣнить главнаго инженера научной работой группы, то получается преимущество. Если обязанности его помощниковъ замѣняются освѣщаніемъ федераціи группъ, составляющихъ фабрику, то получается новое преимущество; такъ что если, напримѣръ, всеобщая металлургическая федерація извѣщаетъ фабрику, что нужно доставить машины, рельсы, аппараты и другія издѣлія изъ металла, научная федерація, предупрежденная заранѣе, доставляетъ всѣ необходимыя данныя, которыя при полученіи на фабрикѣ распредѣляются между группами, смотря по ихъ спеціальности. Легко понять, что различныя группы каждаго цеха будутъ связаны въ союзы (федераціи), и эти союзы будутъ главнымъ центромъ для всѣхъ частей одной работы. Можно будетъ убѣдиться, что всѣ эти рабочіе могутъ производить безъ старшаго, безъ начальника, безъ власти; можно быть спокойнымъ за организацію цѣлаго ряда другихъ фабрикъ, менѣе сложныхъ, чѣмъ механическія.

Въ такихъ сложныхъ организаціяхъ, очевидно, рабочіе будутъ приходить на работу въ установленные часы, въ зависимости отъ требованій производства; они тратятъ большее или меньшее количество силы, они обнаруживаютъ больше или меньше вниманія, поскольку это необходимо для того, чтобы машины шли хорошо и не дѣйствовали безполезно.

Въ виду этого можно было бы подумать, что потребуется много служащихъ, что необходимо безусловное повиновеніе. Нисколько, потому что ничто не помѣшаетъ пускать въ ходъ машины по частямъ, въ различные часы, а не всѣ сразу, если этого желаютъ рабочіе. Часть машинъ можетъ работать отъ такого-то часа до такого-то для извѣстныхъ группъ и отъ такого-то до такого-то часу для другихъ; такимъ образомъ, каждый будетъ свободенъ безъ ущерба для работы.

А лѣнивые, которые не хотятъ работать, что вы съ ними сдѣлаете? спрашиваютъ анархистовъ. Мы легко могли бы доказать фактами обыденной жизни, что это соціальное зло есть слѣдствіе современнаго строя и его недостатковъ; но намъ достаточно заявить, что при группировкахъ, которыя рано или поздно составитъ человѣчество, лѣни не будетъ мѣста. Лѣнивые потонутъ въ группахъ дѣятельныхъ людей: примѣръ заразителенъ, и они втянутъ праздныхъ въ работу продуктивную и достаточную; эта работа будетъ возрастать со дня на день, потому что сдѣлается для нихъ необходимой для поддержанія физическаго и умственнаго здоровья. Человѣкъ живетъ, если онъ работаетъ и дѣйствуетъ; если онъ ничего не дѣлаетъ, его захватываетъ скука, онъ уже не мыслитъ, его мозгъ атрофируется, онъ теряетъ самосознаніе и умираетъ. Человѣкъ будетъ работать не только въ силу необходимости, но и для удовольствія. Деньги, источникъ всѣхъ пороковъ, въ томъ числѣ воровства, убійства и самоубійства, будутъ уничтожены и не будутъ больше имѣть смысла въ коммунистическо-анархическомъ обществѣ; и драгоцѣнные металлы будутъ служить для произведеній искусства, точныхъ инструментовъ, хозяйственныхъ принадлежностей и т. д.

⁂

Какъ доказали это для машиностроительнаго производства, такъ могли бы мы это это сдѣлать и для другихъ крупныхъ отраслей человѣческой дѣятельности: литейные заводы, постройки, шахты и каменоломни, ниточныя и ткацкія фабрики, дубильныя, маслобойныя, мыловаренныя и множество другихъ фабрикъ и заводовъ, на которыхъ занято сравнительно большое число рабочихъ, не говоря уже о большихъ корпораціяхъ, члены которыхъ разсѣяны повсюду на землѣ, по морю, на желѣзныхъ дорогахъ, предпріятіяхъ по освѣщенію, трамваяхъ, въ управленіи путями сообщенія, лѣсомъ и т. д. до огромнаго числа работъ, цѣль которыхъ покорить силы природы для пользы всего человѣчества.

⁂

Группы земледѣльческихъ рабочихъ будутъ заняты въ зависимости отъ естественныхъ требованій времени года. Здѣсь также нѣтъ слѣда власти: свобода положена въ основаніе дѣйствій каждаго.

Отъ производительныхъ группъ перейдемъ къ потребительнымъ.

Мы полагаемъ, что тѣ, которые любятъ семейную жизнь, соединятся, чтобы жить общей жизнью, которая такъ хороша, когда нѣтъ раздоровъ; тѣ же, которымъ нравится одинокая жизнь, составятъ другія группы, которыя ограничатся тѣмъ, что будутъ собирать извѣстное количество продуктовъ и облегчать пропитаніе. Эти группы составятъ федераціи въ своихъ кварталахъ; такія федераціи будутъ просто магазинами, гдѣ каждый будетъ брать то, что ему нужно. Магазины будутъ снабжены всѣмъ, что группы предложатъ вамъ имѣть, такъ что каждый сможетъ найти въ своей федераціи нужные ему предметы. Эти федераціи кварталовъ будутъ обращаться къ общимъ центрамъ, которые укажутъ мѣста, гдѣ можно найти все необходимое.

Такъ можно думать, что производство, потребленіе и сношенія будутъ имѣть каждое свой центръ. Эти три центра будутъ источникомъ справокъ, необходимыхъ для организаціи.

Мы полагаемъ, что будетъ необходимо, а можетъ быть и неизбѣжно, чтобы каждая производительная и потребительная группа составляли, однѣ точные списки продуктовъ, которыми онѣ располагаютъ, другія—списки продуктовъ, въ которыхъ онѣ нуждаются. Эти списки отправляются федераціямъ, которыя дѣлаютъ сводку, передавая центральнымъ федераціямъ требованія однѣхъ группъ и свѣдѣнія полученныя отъ другихъ. Эти центральныя федераціи, охватывающія извѣстный округъ, будутъ имѣть въ одно время свѣдѣнія о нуждахъ этой области и ея средствахъ; остается сообщить обратно отдѣльнымъ федераціямъ и группамъ всѣ справки, необходимыя для производства и потребленія.

Но — возразятъ намъ — всѣ эти списки составятъ цѣлую кучу бумаги, а вѣдь мы всегда толкуемъ о безполезности этой бумаги и твердимъ, что ее необходимо сжечь? Мы отвѣчаемъ, что разъ федераціи и группы воспользовались необходимыми свѣдѣніями,— а на это не нужно долго времени,—вся переписка уничтожается; теперь это не дѣлается: сохраняются всѣ эти вмѣстилища пыли, гнѣзда для микробовъ, эти мощи, въ которыхъ власти непремѣнно находятъ въ удобный моментъ поводъ показать свою злобу, ненависть и месть противъ всѣхъ, кто возстаетъ противъ существующаго строя.

Телеграфъ, телефонъ, электрическія желѣзныя дороги, большіе пути по землѣ, рѣкамъ и морямъ, а скоро и воздухоплаваніе устанавливаютъ быстрое сообщеніе на далекія разстоянія; они облегчаютъ человѣческія сношенія, и люди получатъ такимъ образомъ полное и немедленное удовлетвореніе.

⁂

Несмотря на всѣ предосторожности, на раздробленіе идей съ цѣлью сближенія, съ цѣлью облегчить единеніе группъ схожихъ личностей, можно думать, что это объединеніе встрѣтитъ вначалѣ затрудненія; потому что люди сохранятъ предразсудки, пороки, заблужденія нынѣшняго строя. Они не сразу увидятъ, что ихъ „Я“ охранится во „Всемъ“, и ложный эгоизмъ будетъ соблазнять ихъ; этотъ эгоизмъ, не давая имъ ничего, исчезнетъ подъ благодѣтельнымъ дѣйствіемъ солидарности.

Тогда нищета не будетъ окутывать міръ своимъ чернымъ покрываломъ. Исчезнутъ кровавыя зрѣлища, подобныя тѣмъ, которыя засѣваютъ землю тысячами труповъ. Будутъ стерты въ прахъ памятники, напоминающіе великія кровопролитія. Потому что люди будутъ работать въ силу естественныхъ законовъ для своихъ тѣлесныхъ и духовныхъ нуждъ, для того, чтобы обезпечить себѣ лучшую, болѣе счастливую и болѣе продолжительную жизнь.

Раздоры, существующіе теперь между народами, между общественными классами, которые спорятъ за трудъ или праздность, за удовольствіе или развратъ, за рабство или свободу; между тѣми, кто подчиняется и кто возстаетъ, — эти раздоры исчезнутъ, потому что будетъ господствовать коммунистическій анархизмъ, и во главѣ его прекраснѣйшая мечта — ГАРМОНІЯ.

Ф. Поль.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Первое мая 1891 года ознаменовалось во Франціи двумя событіями, открывшими за собою такъ называемую „эпоху террора“. Эти событія были разстрѣлы забастовавшихъ рабочихъ въ Фурми и осужденіе анархистовъ за первомайскую манифестацію въ предмѣстьѣ Парижа Леваллуа-Клиши.

Исторія разстрѣла забастовавшихъ въ г. Фурми рабочихъ, какъ и всѣ многочисленные разстрѣлы, очень проста: рабочіе, чтобы улучшить свое нищенское положеніе, бастуютъ; правительство посылаетъ на мѣсто забастовки войска для „поддержанія порядка и тишины“. Отупленные дисциплиной и казарменной жизнью солдаты смотрятъ на рабочихъ, какъ на своихъ личныхъ враговъ, и, вмѣсто того, чтобы стрѣлять въ офицера, отдающаго приказъ стрѣлять въ рабочихъ, они пассивно избиваютъ своихъ же бывшихъ сотоварищей по фабрикамъ, заводамъ, мастерскимъ. 1-го мая 1891 года эти „герои-молодцы“, какъ ихъ послѣ разстрѣловъ величаютъ начальство и буржуазная печать, защищая интересы буржуазіи, убили девять человѣкъ.

Въ то время, какъ армія „героически“ дѣйствовала въ Фурми, полиція поддерживала „порядокъ и тишину“ въ Леваллуа-Перрэ. Въ этомъ городкѣ около 20 анархистовъ собрались на площади Республики и оттуда съ краснымъ знаменемъ во главѣ отправились въ ближайшій городокъ Клиши. По дорогѣ манифестанты зашли въ одну кофейню, и въ то время, когда они еще были тамъ, набѣгаетъ полиція и пытается захватить красное знамя. Нѣкоторые анархисты, вооруженные револьверами, защищаются; на помощь полиціи прискакиваютъ жандармы, стрѣляютъ въ толпу, и эта драка окончилась арестомъ защитниковъ краснаго знамени. Арестованные анархисты были отведены въ участокъ, избиты до полусмерти и преданы суду за „ношеніе революціонныхъ эмблемъ“ и „сопротивленіе общественной силѣ“.

„Зачѣмъ вы стрѣляли въ полицейскихъ?“ спрашивалъ судья анархиста Декама. „Я хотѣлъ спасти свою жизнь и свободу, которой угрожали ваши пьяные полицейскіе“ — отвѣтилъ Декамъ. „У меня четверо дѣтей, я ихъ долженъ кормить — но теперь вы можете меня гильотинировать. Мнѣ уже надоѣли ваши тюрьмы и ваша каторга. Я предпочитаю смерть. Пусть мнѣ отрубятъ голову; я ее гордо понесу на эшафотъ, такъ какъ я честный человѣкъ. Я ее не защищаю. Отдаю ее вамъ съ восклицаніемъ: „да здравствуетъ анархія“! Не важно будетъ ли больше или меньше однимъ анархистомъ, это не помѣшаетъ распространенію анархизма.“

Изъ преданныхъ суду анархистовъ одинъ былъ осужденъ на пять лѣтъ тюрьмы, а другой на три года.

Эти событія сильно взволновали самые бѣдные рабочіе кварталы Парижа. Избіеніе и осужденіе анархистовъ послужило каплею, переполнившей чашу терпѣнія. „Необходимо отомстить буржуазіи“ говорилось часто на собраніяхъ, и этимъ мстителемъ явился Равашоль. 11-го марта была брошена бомба въ домъ, гдѣ жилъ предсѣдатель суда; 27 марта новая бомба взрывается въ квартирѣ прокурора.

Буржуазія была охвачена паникой, и Варенъ, описывая эту эпоху, говоритъ слѣдующее: „Секретная полиція недостаточно сильна, и активная полиція недостаточно многочисленна“—кричали офиціальные журналы; тогда какъ оппозиціонная пресса протестовала противъ безполезныхъ обысковъ, совершаемыхъ направо и налѣво у людей, подозрѣваемыхъ въ анархизмѣ. Были произведены аресты во всѣхъ рабочихъ центрахъ. Возбужденное воображеніе видѣло повсюду бомбы. Малѣйшую коробку отъ сардинокъ, найденную на улицѣ, принимали за взрывчатую машину и съ усиленными предосторожностями переносили въ городскую лабораторію. Всѣ дома, гдѣ жили судьи, были оберегаемы, оберегалось также и зданіе суда. — Что станетъ съ нами? когда наступитъ роковой моментъ? — спрашивали себя съ ужасомъ всѣ тѣ, кто занималъ какое-либо видное мѣсто или владѣлъ чѣмъ-либо.“

Благодаря доносу одного служащаго кофейни, Равашоль былъ арестованъ, и его судили 26 апрѣля 1892 года. Въ день процесса была брошена бомба въ кофейню, гдѣ Равашоль, благодаря доносу, былъ арестованъ, и это новое покушеніе еще сильнѣе потрясло буржуазію. Судъ не осмѣлился приговорить Равашоля къ смерти, и онъ былъ осужденъ на вѣчную каторгу. Но за Равашолемъ числились не только политическія „преступленія“. Равашоль обвинялся еще въ убійствѣ, грабежѣ и фабрикаціи фальшивой монеты, и онъ былъ преданъ новому суду, состоявшему 21 іюня въ одномъ провинціальномъ городѣ. Этотъ судъ приговорилъ Равашоля къ смерти, и 10 іюля онъ взошелъ на эшафотъ и умеръ съ восклицаніемъ: „да здравствуетъ революція!“

Вотъ рѣчь, произнесенная Равашолемъ на послѣднемъ судѣ:

„Если я беру слово, то это не для того, чтобы оправдать себя въ томъ, въ чемъ меня обвиняютъ, такъ какъ за мои акты отвѣтственно лишь само общество, которое, благодаря своей уродливой организаціи, натравливаетъ однихъ людей на другихъ, заставляетъ ихъ вести постоянную междуусобную борьбу. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не видишь на каждомъ шагу людей, принадлежащихъ ко всѣмъ классамъ и занимающихъ самое различное положеніе, которые желаютъ, я не скажу смерти, такъ какъ это звучитъ слишкомъ грубо, но по крайней мѣрѣ несчастія себѣ подобнымъ? Напр. хозяинъ желаетъ гибели своихъ конкуррентовъ; всѣ торговцы хотѣли бы лишь лично пользоваться преимуществами, связанными съ ихъ занятіями. А безработный, развѣ онъ не хотѣлъ бы, чтобы занятый рабочій былъ выгнанъ по какому либо поводу изъ фабрики, дабы занять его мѣсто? Да, въ обществѣ, гдѣ происходятъ подобные факты, то, въ чемъ меня обвиняютъ, является лишь логическимъ слѣдствіемъ борьбы за существованіе между людьми, которые для того, чтобы жить, принуждены не разбираться въ средствахъ. И такъ какъ въ этомъ обществѣ каждый долженъ бороться за себя, то не принужденъ ли тотъ, кто нуждается, думать: ну что же, разъ это такъ, и разъ я голоденъ, я не долженъ колебаться въ выборѣ средствъ, которыми я располагаю, если даже отъ этого будутъ жертвы? Развѣ хозяева, когда они разсчитываютъ рабочихъ, безпокоятся о томъ, что рабочіе умрутъ отъ голода? Развѣ тѣ, кто владѣетъ излишнимъ, обращаютъ вниманіе на то, что есть люди, которые нуждаются въ необходимомъ?

Правда, есть между богатыми и такіе, которые оказываютъ помощь нуждающимся, но они не въ силахъ помочь всѣмъ тѣмъ, кто нуждается и кто умретъ несвоевременно отъ всевозможныхъ лишеній, или же покончитъ добровольно съ своею несчастною жизнью, дабы не терпѣть мукъ голода, стыда и лишеній. Такъ покончили съ собою и семейство Гайема и женщина Суганъ, которая, чтобы положить конецъ страданіямъ своихъ дѣтей, умертвила ихъ; такъ поступаютъ всѣ тѣ женщины, которыя, не будучи въ состояніи кормить своего ребенка, портятъ свое здоровье и рискуютъ своею жизнью, уничтожая въ зародышѣ плодъ своей любви.

И все это происходитъ въ обществѣ, владѣющемъ въ изобиліи всевозможными продуктами!

Это было бы понятно въ обществѣ, въ которомъ существуетъ недостатокъ въ продуктахъ, въ которомъ свирѣпствуетъ голодъ. Но во Франціи, гдѣ все имѣется въ изобиліи, гдѣ мясныя лавки полны мяса, гдѣ булочныя полны хлѣба, гдѣ магазины переполнены одеждой, обувью, гдѣ достаточно незанятыхъ квартиръ!.. Какъ можно считать такое общество хорошо организованнымъ, когда ясно видишь противоположное? Многіе сожалѣютъ о людяхъ, являющихся жертвами этого строя, но говорятъ, что они ничѣмъ не могутъ помочь. Пусть каждый изворачивается какъ можетъ! Но что можетъ сдѣлать тотъ, кто, даже имѣя работу, нуждается въ необходимомъ, и кто не находитъ больше работы? Ему остается только умереть съ голоду. И тогда надъ его трупомъ раздается нѣсколько словъ сожалѣнія. Этого-то я и не хотѣлъ. Я предпочелъ сдѣлаться контрабандистомъ, фальшивымъ монетчикомъ, воромъ и убійцею. Я могъ бы просить милостыню, но это унизительно и подло, и это даже наказывается вашими законами, которые смотрятъ на бѣдность, какъ на преступленіе. Если бы всѣ тѣ, кто нуждается, вмѣсто того, чтобы выжидать, брали бы все необходимое имъ тамъ, гдѣ оно есть и какими бы то ни было средствами, сытые и довольные, быть можетъ, поняли бы скорѣе, какую опасность представляетъ собой дальнѣйшее существованіе современнаго соціальнаго строя, гдѣ жизнь человѣка совершенно необезпечена, гдѣ она проходитъ въ постоянной тревогѣ. Конечно, тогда бы скорѣе поняли, что анархисты правы, когда они говорятъ, что для моральнаго и физическаго спокойствія необходимо уничтожить причины, порождающія и преступленія и преступниковъ, а не уничтожать тѣхъ, которые, владѣя нѣкоторой долей энергіи, предпочитаютъ вмѣсто медленной голодной смерти взять насильственно необходимое для ихъ жизни, даже если имъ за это угрожаетъ смерть, которая, впрочемъ, является для нихъ концомъ ихъ страданій. Вотъ почему я совершилъ акты, въ которыхъ меня обвиняютъ, и которые являются логическимъ слѣдствіемъ варварскаго строя того общества, гдѣ жестокость законовъ еще болѣе увеличиваетъ число жертвъ благодаря тому, что они дѣйствуютъ противъ слѣдствія, не затрагивая причинъ. Говорятъ, что надо быть жестокимъ, чтобы лишить жизни себѣ подобнаго; но тотъ, кто говоритъ это, не замѣчаетъ, что на это человѣкъ рѣшается, дабы не лишиться самому жизни.

Точно такъ же вы, господа присяжные, осудите меня на смерть, такъ какъ вамъ кажется, что это необходимо, и такъ какъ моя смерть будетъ для васъ удовлетвореніемъ. Пролитіе человѣческой крови приводитъ васъ въ ужасъ, но тѣмъ не менѣе, когда вы думаете, что кровопролитіе полезно въ цѣляхъ безопасности вашего существованія, вы безъ колебанія прибѣгаете къ нему, точно такъ же какъ и я, съ тою лишь разницей, что вы не рискуете ничѣмъ, тогда какъ я рисковалъ своею свободою и жизнью.

Да, господа, не судить надо преступниковъ, но уничтожить причины преступленій. Создавая законы, законодатели забыли, что они борются противъ слѣдствій, но не противъ причинъ, и такимъ образомъ они нисколько не уничтожаютъ преступленій; пока существуютъ причины, будутъ существовать слѣдствія, вытекающія изъ нихъ.

Несмотря на законы, преступники будутъ существовать, ибо сегодня вы уничтожаете одного, но завтра на его мѣсто появится новыхъ десять. Что же нужно дѣлать? Уничтожить нищету,— эту колыбель преступленій,—дать возможность каждому удовлетворять всѣ свои потребности! И какъ легко это совершить! Достаточно было бы организовать общество на новыхъ началахъ, гдѣ все принадлежитъ всѣмъ, и гдѣ каждый, производя сообразно своимъ способностямъ, могъ бы потреблять сообразно своимъ нуждамъ. И тогда не будетъ больше людей, которые, подобно отшельнику Нотръ-Дамъ-де-Грасъ и другимъ, выпрашиваютъ деньги и становятся рабами и жертвами этого металла. Не будетъ больше женщинъ, которыя, подобно обыкновенному товару, продаютъ себя взамѣнъ металла, очень часто мѣшающаго распознать дѣйствительно ли искренна любовь. Не будетъ больше людей, которые, подобно Праницини, Прадо и другимъ, убиваютъ, дабы пріобрѣсти все тотъ же металлъ! Это ясно доказываетъ, что причина всѣхъ преступленій все одна и та же, и надо быть безумнымъ, чтобы не видѣть ея.

Да, я повторяю: само общество создаетъ преступниковъ, и вы, господа присяжные, вмѣсто того, чтобы ихъ наказывать, вы должны бы употребить всѣ свои силы на преобразованіе общества. И тогда вы уничтожите всѣ преступленія, и ваша дѣятельность будетъ болѣе плодотворна и болѣе велика, чѣмъ ваша справедливость, которая, наказывая за послѣдствія, дѣйствуетъ въ ущербъ самой себѣ.

Я — простой рабочій безъ образованія; но такъ какъ я жилъ жизнью бѣдныхъ, я чувствую лучше, чѣмъ богатый буржуа, всю несправедливость вашихъ законовъ. Откуда вы взяли право убить или посадить въ тюрьму человѣка, который, родившись на свѣтъ

съ извѣстной суммой потребностей, очутился въ необходимости взять то, чего ему не хватаетъ для пропитанія?

Я работалъ для того, чтобы жить и кормить свою семью, до тѣхъ поръ, пока я и мои не слишкомъ страдали, я былъ тѣмъ, что вы называете честнымъ человѣкомъ. Затѣмъ, нѣтъ больше работы, и голодъ появился вмѣстѣ съ безработицей. И тогда этотъ великій законъ природы, этотъ могучій, повелительный голосъ,—*инстинктъ самосохраненія*—заставилъ меня совершить нѣкоторыя преступленія, въ которыхъ вы меня обвиняете, и авторомъ которыхъ я былъ въ дѣйствительности. Судите меня, господа присяжные; но если вы меня поняли, вмѣстѣ со мною судите всѣхъ несчастныхъ, изъ которыхъ бѣдность, соединенная съ естественной гордостью, сдѣлала преступниковъ, и изъ которыхъ богатство или даже довольство сдѣлало бы то, что вы называете честными людьми! Общество, организованное на разумныхъ началахъ, сдѣлало бы изъ нихъ людей, подобныхъ всѣмъ остальнымъ людямъ.

А. Н.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

АНТИМИЛИТАРИЗМЪ на Марсельскомъ конгрессѣ Конфедераціи Труда.

Отъ 5-го до 10-го октября 1908 года состоялся въ г. Марсели конгрессъ французскихъ рабочихъ синдикатовъ, союзъ которыхъ составляетъ Всеобщую Конфедерацію Труда. Однимъ изъ вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе рабочихъ, былъ вопросъ объ „антимилитаризмѣ и о поведеніи рабочаго класса въ случаѣ войны". Конгрессъ долженъ былъ засѣдать въ Биржѣ труда, но городской голова, пользуясь тѣмъ, что зданіе принадлежитъ городу, издалъ „указъ", въ которомъ, ссылаясь на законъ, запретилъ администраторамъ Биржи труда позволить обсуждать и заниматься въ зданіи Биржи труда вопросомъ объ антимилитаризмѣ и о поведеніи рабочаго класса въ случаѣ войны.

Конгрессъ принужденъ былъ засѣдать въ другомъ зданіи, и этотъ фактъ, какъ и многочисленные факты запрещенія собраній, арестовъ революціонеровъ, изгнанія синдикатовъ изъ Биржи труда и т. д.,—лишній разъ послужитъ французскому рабочему классу урокомъ. „Рабочіе должны понять, писалъ органъ Конфедераціи „Голосъ Народа",—что всѣ правительства, всѣ соціальныя силы, роль которыхъ состоитъ въ поддержкѣ капиталистическаго строя, всѣ безъ исключенія направлены противъ рабочихъ, и они должны полагаться только на самихъ себя, на свои собственныя средства и силы... Конечно, если бы мы не знали, что буржуазная легальность есть ничто иное, какъ право владѣющаго класса дѣлать что ему угодно, и что по отношенію къ рабочимъ слово легальность не соотвѣтствуетъ никакой реальности, мы могли бы требовать судебнымъ порядкомъ уничтоженія вышеприведеннаго запрещенія. Но пролетаріатъ знаетъ теперь слишкомъ хорошо, кѣмъ и для кого издаются законы, чтобы терять свое время на такія пустяки. Всѣ власти городскія, полицейскія и правительственныя находятся въ распоряженіи враждебнаго класса и, въ своихъ дѣйствіяхъ противъ рабочихъ, онѣ не интересуются вопросами о справедливости и не считаются съ требованіями логики и здраваго разума. Только одна сила оправдываетъ ихъ насиліе противъ насъ. Пріобрѣтемъ же силу, которая, хотя и дастъ поводъ буржуазіи прибѣгнуть къ еще болѣе грубому насилію, за то въ концѣ концовъ дастъ возможность совершенно уничтожить насиліе."

Всѣ буржуазныя учрежденія представляютъ изъ себя организованное насиліе владѣющаго класса надъ классомъ неимущихъ, рабочихъ и крестьянъ. Буржуазія господствуетъ благодаря насилію, но это насиліе имѣетъ свои корни въ невѣжествѣ рабочаго класса. Благодаря воспитанію, благодаря религіи, прессѣ, казармамъ рабочіе думаютъ, что ихъ интересъ совпадаетъ съ интересами господствующаго класса, и лишь такого рода заблужденія дѣлаютъ возможнымъ господство буржуазіи. Быть сильнымъ, это значитъ для рабочихъ понять прежде всего всю глубину пропасти, существующую между ними и капиталистами, собственниками, господами, — это значитъ понять во всей ея полнотѣ глупость всѣхъ религій, безнравственность всѣхъ буржуазныхъ моральныхъ системъ, безсильную пошлость всѣхъ политикъ, варварство милитаризма, войнъ и связанныхъ съ ними „народной гордости и любви къ отечеству". Рабочіе становятся сильными по мѣрѣ того, какъ они отбрасываютъ всѣ предразсудки, по мѣрѣ того, какъ въ процессѣ классовой борьбы занавѣсъ, скрывающій реальность, падаетъ, и они видятъ ясно, что вся соціальная организація основана на силѣ, и что эта сила направлена противъ рабочаго класса. Рабочіе становятся сильными, когда ихъ физическая сила не служитъ больше коммерческимъ идеаламъ буржуазіи или честолюбивымъ замысламъ всевозможныхъ политиковъ, но высшимъ идеаламъ человѣчества, когда ихъ физическая сила, сливаясь съ умственной и моральной силой, направлена на полное уничтоженіе эксплуатаціи одного человѣка другимъ, т. е. на водвореніе анархическаго строя. Прогрессъ въ средѣ рабочаго класса состоитъ въ постоянномъ пріобрѣтеніи этой силы, и марсельскій конгрессъ является однимъ изъ важныхъ этаповъ рабочаго прогресса.

* * *

Что долженъ дѣлать рабочій классъ въ случаѣ войны? Каково отношеніе рабочаго класса къ милитаризму и патріотизму? Еще до марсельскаго конгресса этотъ вопросъ обсуждался въ нѣкоторыхъ организаціяхъ, и все болѣе и болѣе укоренялась та мысль, что у рабочихъ нѣтъ отечества, и что только всеобщая забастовка и возстаніе могутъ помѣшать войнамъ. Въ 1907 году, напр., федерація французскихъ углекоповъ вотировала на своемъ конгрессѣ слѣдующую резолюцію: „Конгрессъ, оставаясь на чисто экономической почвѣ, совѣтуетъ воспитывать молодыхъ рабочихъ такъ, чтобы, перемѣнивъ рабочую одежду на солдатскую форму, они были бы убѣждены, что они все-таки остаются членами рабочей семьи, и чтобы, во время конфликтовъ труда съ капиталомъ, они не употребляли бы своего оружія противъ своихъ вчерашнихъ братьевъ, которые завтра вновь будутъ ихъ братьями. Съ интернаціональной точки зрѣнія конгрессъ совѣтуетъ воспитать рабочихъ такъ, чтобы въ случаѣ войны между двумя государствами, углекопы которыхъ будутъ находиться въ интернаціональной федераціи, углекопы отвѣтили бы на объявленіе войны всеобщей забастовкой всѣхъ входящихъ въ интернаціональную федерацію углекоповъ.

Конгрессъ протестуетъ противъ замѣщенія забастовавшихъ рабочихъ солдатами, какъ это было во время стачки булочниковъ и рабочихъ электрическаго производства.

Въ сентябрѣ этого года, напр., конгрессъ токарей принялъ резолюцію, въ которой говорилось: „Войны являются остаткомъ варварскихъ временъ, войны служатъ лишь удовлетворенію капиталистическихъ интересовъ въ ущербъ рабочему классу. Рабочіе не признаютъ другихъ враговъ кромѣ тѣхъ, кто живетъ на счетъ производителей." Конгрессъ совѣтуетъ организованному пролетаріату отвѣтить на объявленіе войны всеобщей забастовкой и всѣми другими средствами, способными помѣшать войнѣ. — „Ни одинъ конгрессъ, ни одно собраніе не обходится безъ того, чтобы не была предложена и вотирована антимилитаристская резолюція", писалъ буржуазный органъ „Фигаро".

Благодаря такого рода настроенію среди рабочихъ, на марсельскомъ конгрессѣ не было возраженій противъ антимилитаризма. Враги непосредственной борьбы рабочихъ противъ капитализма, враги рабочей инниціативы и самодѣятельности, т. е. соціалдемократы и реформисты, не осмѣлились открыто защищать патріотизмъ и милитаризмъ, и ихъ тактика состояла въ томъ, чтобы отвлечь рабочихъ отъ антимилитаризма подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ вопросъ не входитъ въ компетенцію рабочаго конгресса, а долженъ обсуждаться лишь на конгрессахъ политическихъ партій. Эта точка зрѣнія предоставляетъ рабочимъ союзамъ лишь путь чисто-корпоративной борьбы.

* * *

Отъ имени союза синдикатовъ округа Сены марсельскому конгрессу была предложена слѣдующая резолюція: „Принимая во вниманіе, что въ экономическихъ конфликтахъ правительство, слуга хозяевъ, употребляетъ армію для репрессивной дѣятельности, когда полиція и судьи не въ состояніи справиться съ рабочими; что такого рода вмѣшательство дѣлаетъ конфликты болѣе озлобленными, и что во всякомъ случаѣ оно вредно интересамъ рабочаго класса;

Принимая во вниманіе, что право на забастовку будетъ лишь обманомъ до тѣхъ поръ, пока солдаты не откажутся замѣщать забастовавшихъ рабочихъ и убивать ихъ;

Конгрессъ рѣшаетъ усилить антимилитаристскую пропаганду и совѣтуетъ синдикатамъ разъяснить молодымъ рабочимъ, въ чемъ состоитъ ихъ обязанность, если власти попытаются ихъ для уничтоженія усилій борющихся товарищей.

Принимая во вниманіе, что армія существуетъ почти исключительно для борьбы съ забастовавшими рабочими; что патріотизмъ, выставляемый въ видѣ предлога для существованія арміи, есть лишь грубый обманъ, который необходимо раскрыть; что отечества нѣтъ тамъ, гдѣ существуютъ эксплуатація и порабощеніе, и что единственное средство для удержанія мира, необходимаго для правильнаго и регулярнаго развитія рабочей организаціи, заключается въ искорененіи среди рабочихъ идеи отечества,—Конгрессъ рѣшаетъ:

Что вмѣстѣ съ пропагандой антимилитаризма должна вестись пропаганда антипатріотизма,—обѣ необходимыя для полнаго воспитанія рабочихъ. Принимая во вниманіе возможность войны, Конгрессъ высказываетъ пожеланіе, чтобы рабочія организаціи

были готовы отвѣтить на объявленіе войны всеобщей забастовкой, сопровождаемой возстаніемъ солдатъ и запасныхъ.

Конгрессъ приглашаетъ синдикаты вести пропаганду въ этомъ смыслѣ и высказываетъ пожеланіе, чтобы этотъ вопросъ обсуждался на интернаціональномъ конгрессѣ."

Предложенная резолюція вызвала длинные дебаты. „Она можетъ оттолкнуть робкихъ рабочихъ",—говорили одни. На это делегатъ Эберсъ отвѣчаетъ: „Отечество для насъ не существуетъ, и синдикатъ долженъ быть антипатріотичнымъ. Мы устрашаемъ рабочихъ? пусть! мы здѣсь для того, чтобы дать направленіе колеблющимся, чтобы бороться противъ предразсудковъ, изъ коихъ самый существенный, — это патріотическій предразсудокъ. ...Заявимъ категорически наше мнѣніе, не будемъ искать резолюціи, которая бы объединила и тѣхъ и другихъ и, вотируя резолюцію не только антимилитаристскую, но и антипатріотическую, скажемъ откровенно, что мы представляемъ собой".

„Но вопросы антимилитаризма и антипатріотизма не касаются рабочихъ синдикатовъ; эти вопросы относятся къ компетенціи политической партіи"—говорили другіе. „Отечество—это фактъ—говорилъ ліонскій делегатъ Бадэнъ. Намъ нужно искать средства, чтобы отечество не было больше собственностью капиталистовъ, но собственностью рабочихъ; только это не дѣло синдикатовъ."

Такого же мнѣнія и делегатъ Ніель.

Синдикализмъ есть экономическая организація и онъ долженъ заниматься чисто профессіональными вопросами. Амьенскій конгрессъ провозгласилъ политическую нейтральность синдикатовъ, и заниматься антимилитаризмомъ это значитъ заниматься политикой. „Впрочемъ, говорилъ дальше этотъ ораторъ — хозяева и рабочіе могутъ объединиться на вопросѣ антимилитаризма. Этотъ вопросъ настолько принадлежитъ политикѣ, что всѣ конгрессы всѣхъ политическихъ партій занимаются имъ. Консервативныя партіи разрѣшаютъ его въ патріотическомъ духѣ; соціалисты и тѣмъ болѣе анархисты приняли резолюціи, гдѣ совѣтуются всѣ мѣры, включая и возстаніе. Если мы дѣлаемъ, какъ они, почему же мы не входимъ въ союзъ съ ними? Невозможно говорить объ отечествѣ, не говоря о политикѣ, и, если мы представляемъ изъ себя экономическую организацію, имѣемъ ли мы право брать на себя отвѣтственность за возстаніе въ случаѣ войны... Мы должны вести антимилитаристскую пропаганду, но ограничиваясь указаніемъ на роль, которую играетъ армія въ забастовкахъ и постоянною борьбою противъ ея вмѣшательства въ стачки. Но дальше этого, какъ синдикалисты, мы не должны идти."

Въ томъ же духѣ говорилъ и соціальдемократъ Ренаръ, делегатъ ткачей: „Мы всѣ согласны съ тѣмъ, что необходимо протестовать противъ вмѣшательства арміи въ забастовки; но мы не желаемъ заниматься въ синдикатахъ другими вопросами, кромѣ чисто профессіональныхъ. Оставимъ антимилитаризмъ политической партіи."

Такого рода доводы могутъ показаться странными тѣмъ, кто недостаточно знакомъ съ стремленіемъ соціальдемократіи помѣшать всѣми силами самостоятельному освобожденію рабочаго класса отъ ига государственной и капиталистической эксплуатаціи. Рабочее движеніе и соціальдемократическое движеніе имѣютъ различныя цѣли и, тогда какъ рабочіе стремятся къ уничтоженію эксплуатаціи, соціальдемократы стремятся къ водворенію государственнаго капитализма. Этотъ капитализмъ предполагаетъ существованіе съ одной стороны класса чиновниковъ, завѣдующихъ всѣмъ, а съ другой—класса производителей, покорно выполняющихъ волю бюрократовъ. Государственный капитализмъ, какъ и современный буржуазный, требуетъ пассивности и неразсужденія, и въ силу своего идеала соціальдемократія поставлена въ необходимость помѣшать рабочимъ заниматься самимъ своими же собственными дѣлами.

Антимилитаризмъ не касается рабочихъ организацій—говорятъ эти „научные" соціалисты. Кто умираетъ на полѣ сраженія? Кто страдаетъ отъ войнъ, кто платитъ налоги, контрибуціи?—Рабочіе. Каковы причины всѣхъ войнъ? — Капитализмъ. И разъ рабочіе вступаютъ въ борьбу съ капитализмомъ, они фатально должны бороться и противъ патріотизма и противъ капитализма.

„Для насъ антимилитаризмъ не является вопросомъ теоріи или сентиментальности"—говорилъ Буду, делегатъ союза синдикатовъ пограничнаго съ Германіей округа Мэртъ-и-Мозель. „Наши хорошо понятые экономическіе интересы заставляютъ насъ быть антипатріотами и антимилитаристами. Благодаря колоніальной конкурренціи и капиталистическимъ предпріятіямъ войня возможна каждый день; съ цѣлью завоеванія новыхъ рынковъ, съ цѣлью порабощенія кое-какихъ ничтожныхъ странъ, правители всѣхъ странъ безъ колебанія объявляютъ войну и бросаютъ пролетаріевъ одной страны противъ пролетаріевъ другой. Чтобы уничтожить организаціи пролетарскаго класса, чтобы убить бунтовской духъ, правители всѣхъ націй не остановятся передъ войною, когда она можетъ отвлечь отъ капиталистовъ гнѣвъ пролетаріата и привить рабочимъ ядъ патріотическаго безумія.

И это можетъ погубить все, сдѣланное до сихъ поръ. Необходимо, чтобы массы поняли, что патріотизмъ есть звено, объединяющее буржуа и собственниковъ одной и той же страны, что у рабочихъ нѣтъ отечества, и что, идя на войну, рабочій погибаетъ ради интересовъ буржуазіи. Необходимо, чтобы рабочіе знали, что ихъ интересы совпадаютъ съ интересами англійскихъ, нѣмецкихъ и всѣхъ прочихъ рабочихъ....

Пропаганда антимилитаризма и антипатріотизма точно такъ же, какъ и революціонная пропаганда среди солдатъ составляютъ важную часть синдикалистской дѣятельности. Эта пропаганда необходима для того, чтобы возможно было избѣжать разстрѣла забастовавшихъ рабочихъ, международной бойни и для того, чтобы можно было подготовить соціальную революцію, которая дастъ рабочимъ и крестьянамъ землю и фабрики, и которая уничтожитъ всякую нищету и эксплуатацію".

Такого же мнѣнія и Дельпешъ, делегатъ союза синдикатовъ Сены и докладчикъ по вопросу о поведеніи рабочаго класса въ случаѣ войны:

„Какъ, мы согласны всѣ, что война вредитъ рабочему классу; мы знаемъ, что по отношенію къ расходамъ или къ человѣческимъ жизнямъ война ведется на нашъ счетъ; мы знаемъ, что война уничтожаетъ рабочія организаціи и что экономическая и умственная эволюція пролетаріата получатъ такой ударъ, что необходимы будутъ годы усилій, чтобы разбудить энергію и вновь двигаться впередъ; мы знаемъ все это, и мы рѣшили, что этотъ вопросъ насъ не интересуетъ!... Вы называете это политикой! Я называю это инстинктомъ рабочаго самосохраненія. Только пролетаріатъ, организованный на профессіональной почвѣ, можетъ помѣшать войнѣ, благодаря угрозѣ всеобщей забастовкой. Пролетаріатъ держитъ въ своихъ рукахъ всю экономическую жизнь націи, и только онъ одинъ имѣетъ достаточно авторитета и могущества чтобы устрашить правительство. Отказываться заниматься вопросомъ антимилитаризма, — это значитъ позволить нашимъ эксплуататорамъ разбить рабочія организаціи, посылая насъ на войну, когда наше развитіе имъ покажется серьезной опасностью. Мы не хотимъ этого. Необходимо, чтобы рабочій классъ принялъ мѣры противъ войны, если онъ хорошо сознаетъ свои интересы. И разъ мы указываемъ рабочему классу на опасность войны, мы не можемъ не указать на ложь, благодаря которой буржуазія посылаетъ на бойню. Эта ложь и есть патріотизмъ. Мы должны искоренить въ пролетаріатѣ идею патріотизма, дабы онъ не былъ больше игрушкою въ рукахъ правительственныхъ и финансовыхъ пройдохъ... Различіе, которое дѣлаютъ буржуа между нападательными и защитительными войнами, не имѣетъ никакого смысла. Буржуа намъ говорятъ: „Какъ, вы не хотите драться, даже когда нападаютъ на Францію?" — Какъ будто возможно знать, кто правъ и кто виноватъ, когда начинается война. Какъ будто правящіе классы двухъ воюющихъ странъ не кричатъ всегда въ своихъ газетахъ, что начала войну другая страна!...

Для насъ синдикатъ играетъ очень важную роль. Онъ представляетъ изъ себя боевую организацію рабочаго класса, одно изъ самыхъ серьезныхъ орудій современной защиты и будущей эмансипаціи. Онъ борется противъ капиталистической эксплуатаціи и противъ государственнаго порабощенія. И подобно тому, какъ рабочій классъ сможетъ пользоваться, какъ слѣдуетъ, стачкою лишь тогда, когда армія не будетъ больше вмѣшиваться въ забастовки, точно также онъ будетъ гарантированъ противъ международныхъ боенъ лишь тогда, когда онъ будетъ готовъ отвѣтить на объявленіе войны всеобщей забастовкой и возстаніемъ".

Послѣ дебатовъ конгрессу были предложены двѣ резолюціи. Резолюція реформистовъ между прочимъ говоритъ слѣдующее:

„...Конгрессъ заявляетъ, что необходимо развить и укрѣпить интернаціональный синдикализмъ такъ, чтобы въ случаѣ опасности войны онъ могъ бы организовать во всѣхъ странахъ и въ особенности заинтересованныхъ, сильную организацію, дабы помѣшать объявленію войны. Если, несмотря на усилія интернаціональнаго пролетаріата, война все-таки объявляется, то, что онъ долженъ дѣлать, не входитъ больше въ компетенцію синдикализма".

Эта соціальдемократическая резолюція была отброшена и 681 голосомъ противъ 421 было принято слѣдующее рѣшеніе:

„Принимая во вниманіе, что армія все болѣе и болѣе служитъ для замѣщенія на фабрикахъ, поляхъ и заводахъ забастовавшихъ рабочихъ или же для разстрѣла ихъ, какъ это было въ Нарбоннѣ, Раонъ-Летапѣ и Вильневѣ. Принимая во вниманіе, что пользованіе правомъ стачки будетъ обманомъ до тѣхъ поръ, пока солдаты будутъ покорно замѣщать забастовавшихъ рабочихъ или согласятся убивать ихъ, Конгрессъ, стоя на чисто-экономической почвѣ, совѣтуетъ воспитать молодежь такъ, чтобы, надѣвъ солдатскую форму, они были убѣждены, что они все-таки остаются членами рабочей семьи и что въ конфликтахъ труда съ капитализмъ ея обязанность—не пользоваться своимъ оружіемъ противъ своихъ же братьевъ рабочихъ. Принимая во вниманіе, что географическія границы мѣняются сообразно волѣ собственниковъ, рабочіе не признаютъ другихъ границъ кромѣ тѣхъ, которыя раз-

дѣлиютъ два враждебные класса: рабочій классъ отъ капиталистическаго класса, конгрессъ напоминаетъ лозунгъ Интернаціонала: „У рабочихъ нѣтъ отечества!" Слѣдовательно, всякая война есть лишь покушеніе противъ рабочаго класса, кровавое и ужасное средство употребляемое буржуазіей для отвлеченія рабочихъ отъ ихъ борьбы. Конгрессъ заявляетъ, что необходимо съ интернаціональной точки зрѣнія воспитать рабочихъ такъ, чтобы въ случаѣ войны рабочіе отвѣтили на объявленіе войны объявленіемъ всеобщей революціонной забастовки".

Передавая свои впечатлѣнія отъ конгресса, делегатъ литографовъ писалъ:

„Мы опрокинули патріотизмъ и милитаризмъ, эти два барьера на пути къ полной эмансипаціи. Нападемъ теперь на предпослѣдній оставшійся барьеръ, на парламентаризмъ и объявимъ себя антипарламентаристами. Я говорю предпослѣдній, такъ какъ послѣднимъ барьеромъ является легальность, и необходимо на будущемъ же конгрессѣ обсудить вопросъ о нелегальности, зачаткомъ которой является саботажъ и вообще тактика прямой борьбы. И тогда, освободившись отъ всѣхъ предразсудковъ, отъ арміи — этого оружія капитала, отъ отечества, этой маски капитала, отъ парламентаризма, этого щита капитала, намъ останется только освободиться отъ закона, этой брони капитала, и когда мы ее сорвемъ, мы покончимъ съ кровожаднымъ животнымъ".

А. Н.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

I.

Отъ времени до времени разложеніе и внутренняя гниль, охватившія самые широкіе слои господствующаго класса, съ особенной силой вырываются наружу и раскрываются во всей своей отвратительной наготѣ. Ни для кого не тайна продажность современныхъ политическихъ дѣятелей всѣхъ направленій, начиная клерикально-націоналистическими и кончая радикало-соціалистическими; всякій, кто слѣдитъ за дѣятельностью этихъ „вождей отечества", „лучшихъ людей" Франціи, знакомъ съ картинами проституціоннаго разврата, шантажа, съ нарушеніемъ самыхъ скромныхъ требованій буржуазной морали, защитниками которой эти господа выступаютъ на парламентской трибунѣ и на столбцахъ буржуазной прессы. Но даже и тотъ, кто знакомъ со всѣми этими явленіями, поневолѣ поражается, когда, благодаря какому нибудь чрезчуръ громкому скандальному дѣлу, благодаря конкурренціи буржуазныхъ политическихъ партій и ихъ газетъ, выплываетъ наружу закулисная жизнь парижскихъ политическихъ и финансовыхъ дѣятелей.

Весь Парижъ только и говоритъ въ послѣднее время, что о „дѣлѣ Стенель" (affaire Steinheil). Этотъ скандальный для парижскихъ высшихъ круговъ процессъ можно отнести къ той категоріи „дѣлъ", которыя по своимъ результатамъ имѣютъ политическое значеніе, вродѣ Панамскаго дѣла, дѣла Дрейфуса, дѣла Эмберъ и т. п. Теперь, впрочемъ, уже можно предвидѣть, что по своимъ результатамъ это „дѣло" едва ли будетъ имѣть особенно большое значеніе, но, во всякомъ случаѣ, оно очень интересно для характеристики нравовъ французскихъ политическихъ дѣятелей высшаго ранга. „Дѣло" состоитъ въ слѣдующемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Парижѣ въ своемъ домѣ былъ убитъ художникъ Стенель и его теща. Судебный слѣдователь и начальникъ охраннаго отдѣленія, такъ скоро арестовывающіе виновныхъ, когда они подозрѣваютъ какихъ нибудь пролетаріевъ, на этотъ разъ долго и тщетно разыскивали убійцъ. Въ своихъ розыскахъ они руководились показаніями мадамъ Стенель, вдовы художника, присутствовавшей при убійствѣ мужа и матери. Наконецъ, по ея указанію былъ арестованъ ея слуга Реми Гуяръ, въ портфелѣ котораго при обыскѣ нашли брильянтъ, принадлежавшій Стенелю и якобы похищенный у него убійцами. Но уже на слѣдующій день вдовѣ Стенель пришлось сознаться, что брильянтъ положила въ портфель она сама, чтобы возвести обвиненіе на Гуяра. На этотъ разъ она сказала судебному слѣдователю, что убійца — это Александръ Вольфъ, сынъ ея служанки, приказчикъ торговца лошадьми. Она не назвала его сразу, объяснила m-me Стенель, такъ какъ боялась его мщенія. Гуяра освободили и сейчасъ же арестовали Вольфа.

Мы видимъ, что по отношенію къ пролетаріямъ судебные слѣдователи и охранная полиція оказывались очень энергичными. Между тѣмъ весь Парижъ указывалъ на самое m-me Стенель, какъ на убійцу своего мужа и своей матери. И когда Вольфъ безъ труда доказалъ свое alibi, его пришлось освободить, и судебному слѣдователю Лейде, бывшему другу m-me Стенель пришлось подписать распоряженіе объ ея арестѣ. Деликатность слѣдователей и охранной полиціи по отношенію къ m-me Стенель станетъ понятной, если указать на то, что m-me Стенель принадлежала къ высшему парижскому обществу, что въ ея салонѣ собирались самые видные представители правительства, финансоваго міра, суда и буржуазной прессы. M-me Стенель, какъ и многія парижскія дамы изъ высшаго буржуазнаго круга, изъ-за денегъ была любовницей многихъ высокопоставленныхъ лицъ, въ томъ числѣ и покойнаго президента французской республики Феликса Фора. Весь Парижъ знаетъ, что Феликсъ Форъ умеръ въ присутствіи m-me Стенель, и что ближайшей причиной его смерти были употреблявшіяся имъ въ извѣстныхъ цѣляхъ возбуждающія средства. Но это не мѣшаетъ націоналистической печати, обрадовавшейся подвернувшемуся случаю и стремящейся при помощи процесса Стенель скомпрометировать радикальное правительство, утверждать, что Феликсъ Форъ, бывшій врагъ противникомъ дрейфусаровъ, былъ отравленъ m-me Стенель, дѣйствовавшей по порученію послѣднихъ. Этимъ они объясняютъ покровительственное отношеніе къ m-me Стенель настоящаго „дрейфусарскаго" правительства. Отравленіе Феликса Фора — очевидно измышленіе націоналистовъ, но фактъ, что въ убійствѣ художника Стенель и его тещи замѣшаны люди изъ высшаго парижскаго общества, и что правительство предпочло бы замять это дѣло или взвалить его на какого нибудь-пролетарія, вродѣ Реми Гуяра. Нельзя упускать изъ виду также и то обстоятельство, что во время „царствованія" Феликса Фора, m-me Стенель, его любовница, раздавала ордена и другія отличія разнаго рода республиканскимъ дѣятелямъ.

Въ то время, какъ вниманіе парижскихъ буржуа, крупныхъ и мелкихъ, устремлено въ настоящій моментъ на тюрьму Сенъ-Лазаръ, гдѣ сидитъ теперь „героиня дня", m-me Стенель, плоть отъ плоти современнаго буржуазнаго Парижа, взоры революц. парижскаго пролетаріата обращены на версальскую тюрьму, гдѣ уже 4 мѣсяца сидятъ восемь пролетаріевъ, обвиняемыхъ въ участіи въ баррикадномъ бою въ Вильневъ-Сенъ-Жоржѣ. Между этими восемью одна женщина Океръ, мать трехъ дѣтей, обвиняется въ томъ, что она во время столкновенія рабочихъ съ войсками нѣсколько разъ ударила зонтикомъ лошадь драгуна. За это ужасное преступленіе она уже 4 мѣсяца томится въ тюрьмѣ и, быть можетъ, ей еще придется отбывать еще болѣе тяжкое наказаніе по суду, если только протестъ революціоннаго французскаго пролетаріата не вырветъ ее и ея семь товарищей изъ рукъ буржуазнаго французскаго суда и его представителя, министра юстиціи — независимаго соціалиста Бріана. Протесты парижскаго пролетаріата заставили уже правительство освободить арестованныхъ руководителей Конфедераціи Труда, но противъ нихъ не было никакихъ доказательствъ въ ихъ активномъ участіи въ бою. Противъ оставшихся восьми слѣдователямъ удалось состряпать подобіе юридическихъ доказательствъ, которыя навѣрно покажутся достаточными въ глазахъ версальскихъ судей, если не для того, чтобы сослать обвиняемыхъ на каторгу, то по крайней мѣрѣ для долгосрочнаго тюремнаго приговора. Для спасенія этихъ восьми едва ли окажется достаточнымъ митингъ протеста, устроенный 4 декабря синдикатомъ строительныхъ рабочихъ при участіи Конфедераціи Труда, тутъ понадобится активное выступленіе пролетаріата. На это и указывали говорившіе на митингѣ ораторы. Какъ анархисты Мармандъ и Пато, такъ и другіе два оратора, рабочіе синдикалисты, призывая пролетаріатъ къ активному протесту противъ суда надъ восемью товарищами, говорили о необходимости борьбы съ милитаризмомъ, этой опорой современнаго строя. Въ энергичныхъ выраженіяхъ ораторы призывали къ послѣдовательной антимилитаристской и антипатріотической пропагандѣ, и ихъ рѣчи встрѣчались четырехтысячнымъ собраніемъ шумными повыраженіями одобренія. На собраніи безплатно разбрасывался послѣдній номеръ органа Конфедераціи Труда „Voix du Peuple" (Голосъ Народа); этотъ номеръ въ виду рекрутскаго набора весь посвященъ исключительно антимилитаристской пропагандѣ и практическимъ совѣтамъ, какъ дѣйствовать рабочимъ во время столкновенія съ войсками. Собраніе по обыкновенію закончилось пѣніемъ Интернаціонала, но, вопреки обыкновенію, часть толпы продолжала пѣніе на улицѣ, гдѣ было сконцентрировано около сотни полицейскихъ. Произошло столкновеніе съ полиціей, которое закончилось арестомъ двухъ рабочихъ.

25-го ноября принадлежащая къ соціалистической партіи „Федерація Сены" устроила митингъ, на которомъ Жоресъ излагалъ и коментировалъ резолюцію послѣдняго конгресса объединенной соціалистической партіи, имѣвшаго мѣсто въ началѣ осени въ Тулузѣ. Такъ какъ заранѣе было извѣстно, что Эрве, только что вышедшій предъ этимъ изъ тюрьмы, воспользуется случаемъ, чтобы изложить свои взгляды и подвергнуть критикѣ лицемѣрную и нарочито туманную тулузскую резолюцію соціалистической партіи, на митингъ явились не только сторонники партіи, но и анархисты и рабочіе синдикалисты. Огромный залъ, вмѣщающій болѣе 8000 человѣкъ, былъ биткомъ набитъ. Послѣ рѣчи Жореса, почтительно, въ духѣ тулузской резолюціи, говорившаго о практическомъ значеніи синдикальной и кооперативной дѣятельности

пролетаріата и закончившаго свою рѣчь, при шумномъ протестѣ значительной части собранія, призывомъ къ усиленной избирательной работѣ, выступилъ Эрве.

Въ яркой и сильной рѣчи знаменитый антимилитаристъ далъ уничтожающую и всестороннюю критику резолюціи, единогласно принятой въ Тулузѣ делегатами партіи, къ которой онъ самъ принадлежитъ.

* * *

Изъ проявленій экономической борьбы парижскихъ рабочихъ за послѣднее время самымъ замѣтнымъ является стачка рабочихъ, служащихъ на Сѣверно-Южной линіи метрополитена (городской подземной желѣзной дороги).

На этой линіи рабочіе бастовали уже нѣсколько разъ. На этотъ разъ стачка была вызвана поведеніемъ подрядчика Пеллерена, который, не будучи въ силахъ подчинить своимъ эксплуататорскимъ планамъ хорошо организованный и закаленный въ стачечной борьбѣ синдикатъ парижскихъ землекоповъ, выписалъ изъ Бретани безсознательныхъ крестьянъ и поставилъ ихъ на работу, назначивъ имъ плату гораздо меньшую, чѣмъ получали парижскіе землекопы. Подрядчикъ замышлялъ постепенно вытѣснить такимъ путемъ парижскихъ землекоповъ и замѣнить ихъ болѣе дешевыми крестьянскими руками. Но воинствующій подрядчикъ ошибся въ расчетѣ. Онъ забылъ, что имѣетъ дѣло съ сознательнымъ и рѣшительнымъ въ дѣйствіяхъ парижскимъ пролетаріатомъ.

Согласно рѣшенію своихъ синдикатовъ рабочіе С.-Ю. линіи метрополитена объявили всеобщую забастовку по линіи, чтобы поддержать своихъ товарищей землекоповъ. Всѣ работы на линіи были пріостановлены. Кромѣ землекоповъ забастовали рудокопы, каменщики, электротехники и др. Забастовка продолжалась около недѣли, и компаніи пришлось удовлетворить всѣ требованія рабочихъ. Въ этой стачкѣ рабочіе парижскаго метрополитена обнаружили высокую степень сознательности и солидарности.

* * *

„La Guerre Sociale“ (Соціальная Война), газета, редактируемая Густавомъ Эрве, въ которой наряду съ революціонными антипарламентарными соціалистами сотрудничаютъ и анархисты-коммунисты, даетъ, по случаю своего годового юбилея, въ номерѣ отъ 16 декабря интересный матеріалъ для характеристики современной французской республики, управляемой радикалъ-соціалистическимъ министерствомъ Клемансо, Бріана и Вивіани. Газета подводитъ годовой итогъ судебнымъ приговорамъ, полученнымъ ея сотрудниками за свои статьи:

25 декабря 1907 г. Густавъ Эрве былъ присужденъ къ 1-му году тюремнаго заключенія и штрафу въ 3000 франковъ.

28 февраля 1908 г. Мигуэль Альмерейда — къ двумъ годамъ тюрьмы и къ штрафу въ 500 франковъ.

25 февраля 1908 г. Евг. Мерль — къ двумъ годамъ тюрьмы и къ штрафу въ 500 франковъ.

7 декабря 1908 г. Мигуэль Альмерейда — къ 1 году тюрьмы.

7 декабря 1908 г. Евг. Мерль — къ 1 году тюрьмы.

10 дек. 1908 г. Жоржъ Маршаль — къ пяти годамъ тюрьмы и къ штрафу въ 100 фр.

10 дек. 1908 г. Анри Мартини — къ пяти годамъ тюрьмы и къ штрафу въ 100 фр.

18 декабря состоится судъ надъ Викторомъ Мерикомъ, отбывающемъ теперь уже въ тюрьмѣ одинъ приговоръ, и надъ Жоржемъ Маршалемъ, получившимъ уже 5 лѣтъ тюрьмы.

Какъ мы видимъ, Клемансо и Бріанъ въ преслѣдованіи революціонныхъ журналистовъ нисколько не уступаютъ Столыпину и Щегловитову.

М. Р—скій.

АНТИПАРЛАМЕНТСКІЙ СОЦІАЛИЗМЪ.*)

Прежде всего извиняюсь за то, что, не будучи приглашеннымъ Федераціей Сены, я самъ себя пригласилъ на сегодняшній митингъ. Извиняюсь и передъ гражданиномъ Жоресомъ, котораго я прошу не видѣть въ моемъ выступленіи желаніе быть ему лично непріятнымъ. А также чтобы разубѣдить нашего предсѣдателя гражданина Вальяна, я ему немедленно объявляю, что если я являюсь въ качествѣ опонента, то во всякомъ случаѣ и въ качествѣ соціалиста, въ качествѣ хорошаго объединеннаго соціалиста, который постольку стоитъ за объединенный соціализмъ, поскольку объединенная соціалистическая партія вообще терпима всѣми соціалистами. Также, если я принимаю участіе въ этихъ дебатахъ, то только потому, что мнѣ кажется, что въ Тулузѣ Партія вступила на путь, который ее неминуемо приведетъ къ расколу, если она будетъ упорствовать, а также потому, что Партія, не давая себѣ можетъ быть отчета, начала нарушать объединяющій насъ договоръ, всѣми нами подписанный 3 года тому назадъ. Идеи, которыя я изложу сегодня вечеромъ, суть тѣ же идеи, которыя я открыто исповѣдывалъ во время возникновенія объединенной Партіи. Я ихъ исповѣдывалъ еще тогда, я этого не скрывалъ и въ то время. Въ то время, какъ и теперь, я былъ антипарламентаристомъ, въ то время, какъ и теперь я стоялъ за сближеніе съ анархистами-коммунистами, которыхъ я считаю своими союзниками и товарищами по борьбѣ.

Не были ли вы поражены, товарищи, тѣмъ, что буржуазія разно отнеслась къ работамъ конгресса Всеобщей Конфедераціи Труда въ Марсели и конгресса соціалистической партіи въ Тулузѣ. По отношенію къ Марсели это были угрозы, проклятія и грязь, которыя она выливала ушатами на головы бѣсноватыхъ и потерявшихъ отечество изъ В. К. Т. По отношенію къ Тулузѣ это были добрыя слова, дружественные жесты, которыми буржуазія привѣтствовала объединенныхъ соціалистовъ, наконецъ образумившихся. Этотъ дружественный пріемъ, устроенный Тулузской резолюціи радикалами, съ которыми мы, вотъ уже 2 года, на ножахъ и которые 2 года поддерживаютъ или во всякомъ случаѣ позволяютъ все Клемансо, долженъ былъ уже зародить у васъ подозрительность по отношенію къ работамъ соціалистическаго конгресса. Если бы вы знали, что тамъ дѣлалось, вы бы поняли радость нашихъ противниковъ. Вы, вѣроятно, ожидаете, что послѣ двухлѣтняго министерства Клемансо и радикалистской реакціи, Тулузскій конгрессъ займется изысканіемъ случая и средствъ для того, чтобы отплатить радикаламъ за ихъ преслѣдованія рабочаго класса. Разубѣдитесь. Не радикаловъ посадили на скамью подсудимыхъ. А вы знаете кого? Насъ, тѣхъ, которыхъ называютъ анархо-бланкистами или анархо-синдикалистами, за то, что мы презираемъ успѣхи на выборахъ. Въ продолженіи пяти дней насъ аттаковывали по всей линіи. Мы слышали на конгрессѣ делегата одной важной фракціи соціалистической партіи (долженъ замѣтить, что Жоресъ къ этой фракціи не принадлежитъ), произнесшаго противъ насъ цѣлый обвинительный актъ, дышавшій большей ненавистью къ намъ, чѣмъ рѣчь любого прокурора суда. Желаете ли вы еще лучше подмѣтить физіономію и тенденціи конгресса? Въ началѣ шла рѣчь объ удаленіи нѣсколькихъ реформистовъ крайней правой, тѣхъ, которыхъ я называю бѣсноватыми парламентаризма: гражданъ Брусса, Эпенгеймера и Бретона. Въ концѣ не было уже рѣчи объ ихъ удаленіи, за которое и я не высказывался, какъ объ этомъ знаетъ Жоресъ. Но въ комиссіи уже говорили объ удаленіи... подумайте кого? Насъ... крайнихъ лѣвыхъ. Наши друзья на конгрессѣ были до такой степени ошеломлены и поражены такимъ оборотомъ дѣла, что приняли резолюцію единодушія, которая является наиболѣе полнымъ отрицаніемъ ихъ идей, какое можно только себѣ представить.

Тулузская резолюція содержитъ и нѣчто положительное. Но все это не имѣетъ отношенія къ тактикѣ Партіи. Въ резолюціи говорится превосходныя вещи о синдикальной тактикѣ и о тактикѣ кооперативной. Партія соблаговолила признать огромную важность этихъ двухъ родовъ дѣятельности рабочаго класса. Это хорошо. Она даже согласна признать за В. К. Т. право дѣйствовать путемъ прямого воздѣйствія и объявлять генеральную стачку. Не правда ли соціалистическая партія довольно любезна. Но вѣдь В. К. Т. не нуждалась въ разрѣшеніи Партіи для того, чтобы примѣнить „прямое дѣйствіе“. Она желаетъ быть автономной, независимой отъ Партіи. Она даже проситъ Партію не вмѣшиваться въ ея (В. К. Т.) дѣла. Кооперативная организація также желаетъ развиваться автономно, она почти повсюду требуетъ, чтобы кооперативы перестали служить дойными коровами для оплачиванія выборовъ соціалистической партіи. Все то, что тулузская резолюція говоритъ о Всеобщей Конфедераціи Труда, о кооперативныхъ организаціяхъ превосходно. Но это вовсе не то, что требуется отъ Партіи. Отъ нея требуютъ, чтобъ она точно опредѣлила, что она изъ себя представляетъ, какъ политическая партія, отличающаяся и отъ синдикалистской и отъ кооперативной организаціи. На это она также отвѣтила, но какъ отвѣтила!

Резолюція Тулузы дѣйствительно говоритъ, что мы желаемъ совершенно соціализировать собственность, но это лишь манера выражаться, подъ нею охотно подпишутся и Вивіани и Бріанъ: она ихъ ни къ чему не обязываетъ. Въ резолюціи идетъ рѣчь также о томъ, чтобы прибѣгнуть въ крайнемъ случаѣ къ возстанію. Но чтобы не встревожить радикальную буржуазію, это право на возстаніе навѣшиваютъ на старую декларацію правъ человѣка, и при этомъ пользуются случаемъ, чтобы лягнуть тѣхъ, которые толкаютъ пролетаріатъ въ „стычки, въ которыхъ рабочіе бросаются въ авантюры противъ всѣхъ силъ буржуазнаго государства“. Въ резолюціи объявляютъ, что соціалистическая партія есть партія революціи, но революціи — это не то, во что вы вѣрите, не то, что буржуазія понимаетъ подъ этимъ словомъ, т. е. торжествующее бунтарское движеніе, явившееся ускорить эволюцію и замѣнить старый режимъ новой соціальной организаціей. Для единомыслящихъ изъ Тулузы революція есть совокупность реформъ, пополняющихъ одна другую, реформъ легальныхъ и пар-

*) Рѣчь Эрве на митингѣ, устроенномъ объединенной соціалистической партіей въ Парижѣ въ залѣ Тиволи для ознакомленія рабочихъ съ резолюціей Тулузскаго конгресса.

ламентарныхъ, въ концѣ которыхъ восторжествуетъ общая реформа, реформа собственности. И для того, чтобы вы не воображали, что рѣчь идетъ о чемъ-то другомъ, а не о легальныхъ и парламентарныхъ реформахъ, резолюція кончается слѣдующимъ заявленіемъ: „Партія считаетъ самой главной обязанностью своихъ членовъ избирательную дѣятельность, путемъ которой они должны увеличивать парламентскую и законодательную мощь соціализма."

Теперь вы видите, товарищи, что сдѣлала соціалистическая партія въ Тулузѣ. Она себя выказала партіей избирательной и парламентарной. И какой моментъ выбрала она для того, чтобы усилить свою законодательную и парламентарную дѣятельность? Моментъ, когда парламтнтаризмъ обанкротился, когда его банкротство не является только банкротствомъ нѣсколькихъ личностей (есть, конечно, всюду люди запятнавшіе себя, не только въ парламентѣ), а цѣлой партіи радикальной, а также цѣлой фракціи соціалистической партіи, той, которая вмѣстѣ съ Мильераномъ, Бріаномъ и Вивіани была еще вчера изъ вашихъ.

— Посмѣете ли вы сказать,—крикнули намъ только что — что соціалистическіе депутаты — безполезные паразиты, что наша дѣятельность въ парламентѣ сводится къ нулю?

Да, мы осмѣливаемся это сказать, несмотря на невѣроятную энергію затраченную вами, вы дѣлаете безплодное дѣло въ парламентѣ. Вы дѣлаете безполезную работу.

Въ Тулузѣ поставили въ упрекъ нѣкоторымъ соціалистамъ ихъ отвращеніе къ реформамъ. Соціалисты, говорите вы, выдвинули реформы, какъ: подоходный налогъ, рабочая пенсія, націонализація рудниковъ, и теперь нѣкоторые изъ нихъ дѣлаютъ видъ, что эти реформы имъ не нравятся. И вы ихъ сравнивали съ кошками, которыя ухаживаютъ за своими котятами, когда они молоды и прогоняютъ ихъ когда они выростаютъ. Бѣда только въ томъ, что подоходный налогъ и другія реформы, которыя вамъ такъ дороги, выдвинуты были не соціалистической партіей. Это не она произвела ихъ на свѣтъ: это радикалы. Они ихъ создали еще во время Имперіи, въ тѣ времена, когда соціалистическая партія еще не существовала. А! Вы находите болѣе удобнымъ красть маленькіе реформистскіе проекты у радикаловъ, чѣмъ самимъ ихъ создавать соціалистическіе проекты. Вы находите болѣе удобнымъ проповѣдывать маленькія реформы, которыя уже созрѣли, которыя уже проведены во многихъ изъ сосѣднихъ государствъ. Подоходный налогъ существуетъ въ Англіи, въ Пруссіи. Рабочія пенсіи — въ Германіи, въ Англіи; Онѣ скоро будутъ и въ Австріи. Желѣзныя дороги національзированы въ Германіи, Бельгіи и даже въ Россіи. И теперь, когда эти реформы проведены во Франціи, теперь, когда радикалы, какъ бы реакціонны они ни были, должны ихъ реализовать въ своихъ собственныхъ интересахъ, вы предлагаете свои услуги. Это легче, чѣмъ идти проповѣдывать по всей странѣ соціализмъ и бунтъ; излагать крестьянскимъ отсталымъ массамъ возможность соціализаціи орудій производства уже въ данный моментъ. Вы производите на меня впечатлѣніе кукушекъ, которыя слишкомъ лѣнивы, чтобы строить свои гнѣзда и кладутъ яйца въ чужія гнѣзда. Всѣ реформы радикаловъ и радик.-соціал. будутъ сдѣланы безъ васъ. Достаточно перваго волненія въ странѣ, чтобы радикальная республика приняла реформы, реализованныя въ другихъ странахъ. Въ парламентѣ вы безполезны!

Если бы вы были только безполезны? Но вы опасны для соціализма! Вы опасны во-первыхъ потому, что неуваженіе къ парламенту, вслѣдствіе радикальнаго банкротства и сенсаціоннаго ренегатства Бріановъ и Вивіани, отражается на всей нашей пропагандѣ и парализуетъ вербовку членовъ въ ряды нашей партіи. Вы опасны, потому что вашими успѣхами на выборахъ, которые единственно имѣютъ для васъ значеніе, вы достигаете того, что подавите всякій духъ возмущенія. Одинъ изъ васъ въ палатѣ съ непостижимой безпечностью говоритъ, что событія въ Дравейлѣ могли быть вызваны провокаторами. Невозможно теперь совершить насиліе, даже самое законное, чтобы вы не явились и не выдумали, что это дѣло полиціи. На каждомъ шагу, въ нашихъ газетахъ, встрѣчаешь горькія рѣчи противъ производящихъ насиліе; клятвы противъ насилія. Неправда, что насиліе такъ безполезно, какъ вы говорите. Разумно употребленное, насиліе страшитъ болѣе, чѣмъ что либо другое, хозяевъ и правительство. Спросите у крупныхъ хозяевъ, у крупныхъ компаній, которыя вызываютъ локаутъ, относятся ли они равнодушно къ тому, что ихъ рабы раньше чѣмъ покинуть мастерскія, раньше чѣмъ быть выброшенными на мостовую, попортятъ ихъ инструменты. Спросите у землекоповъ и каменщиковъ Парижа чѣмъ, если не насиліемъ, они достигли того, что обуздали желтыхъ? И именно этотъ прискорбный духъ презрѣнія къ насилію внушилъ фразу о схваткахъ, которыя вы осуждаете. Ладно. Я говорю, что эта фраза несмотря на ваши смягченія и объясненія, эта фраза, произнесенная на другой день послѣ кровавой схватки въ Вильневѣ, есть дурное и позорное дѣло. Нѣтъ! товарищи, которые умерли тамъ, не напрасно умерли. Тѣ, которые были ранены, тѣ, которые были заключены въ тюрьму, тѣ, которыхъ постарались забыть сегодня, и которые скоро предстанутъ предъ версальскими присяжными,*) не напрасно страдали. Они умерли или пострадали, но благородное движеніе солидарности и возмущенія, которое они выполнили, начало пробуждать пролетаріатъ отъ оцѣпенѣнія. Это примѣръ энергіи, который не пропадетъ даромъ. Это одна изъ тѣхъ мучительныхъ, но необходимыхъ схватокъ, которыя увлекаютъ пролетаріатъ въ дѣйствія болѣе энергичныя и мужественныя, заставляющихъ задуматься сегодняшнихъ хозяевъ положенія и ускоряетъ дѣло маленькихъ реформъ, которымъ вы придаете такое большое значеніе. Вы оказываете плохую услугу вашему дѣлу, когда внушаете неуваженіе къ этимъ схваткамъ! Мы видѣли, куда насъ привела ваша мудрость! Мы это видѣли только недавно, когда вы забили тревогу по поводу марокскихъ событій. Да, Вальянъ кричалъ когда-то въ парламентѣ: „скорѣе возстаніе чѣмъ война!" Да, вы сами, Жоресъ, вмѣшались въ марокскія дѣла съ твердымъ намѣреніемъ помѣшать возникновенію конфликта съ Германіей. *Голосъ*. Какъ вы видите, парламентарные соціалисты могутъ поступать хорошо. *Эрве*. Да, они были бы полезны или по меньшей мѣрѣ не опасны, если бы ихъ присутствіе въ парламентѣ фатальнымъ образомъ не влекло бы за собой вашего моральнаго упадка, добрые соціалистическіе избиратели. Разинувъ ротъ вы устремляетесь на Бурбонскій дворецъ, ожидая отъ Жореса хорошей рѣчи. И когда онъ хорошо произнесъ ее, вы воображаете, что вы дѣйствовали. Вы говорите: „Скорѣе возстаніе, чѣмъ война". Но никогда вамъ не придетъ на умъ организоваться, чтобы привести свою угрозу въ исполненіе. Неправда ли, добрые соціалистическіе избиратели? Организоваться чтобы помѣшать мобилизаціи, чтобы задавить правительство убійцъ въ тотъ день, когда оно захочетъ толкнуть васъ въ европейскую войну. Это все является самой меньшей изъ вашихъ задачъ. Вотъ куда васъ привелъ парламентарный соціализмъ. Пусть вспыхнетъ завтра война, и вы также будете безсильны ее задушить, какъ и въ 1870 году.

Этому соціализму избирателей, неспособному на нѣчто большее, чѣмъ избирательную дѣятельность, мы противопоставляемъ нашъ соціализмъ, революціонный и антипарламентарный. Мы презираемъ побѣды на выборахъ, и если мы принимаемъ участіе въ нихъ, то только для того, чтобы использовать возбужденіемъ выборныхъ собраній и переполненныхъ залъ, чтобы изложить нашу программу революціоннаго дѣйствія и нашу критику государства и парламентаризма. Предоставляя радикаламъ дѣло маленькихъ парламентскихъ реформъ, мы желаемъ отдать всю нашу энергію на открытую и полную пропаганду нашего коллективистскаго или коммунистическаго ученія. Мы желаемъ, чтобы наши пропагандисты шли въ деревенскую глушь будить массы мелкихъ крестьянскихъ собственниковъ, которыхъ не затрагиваетъ В. К. Т., такъ какъ она допускаютъ въ свою среду только наемныхъ рабочихъ; мы желаемъ объяснить этимъ крестьянскимъ массамъ, чего хочетъ В. К. Т. и что имъ, крестьянамъ, выгодно не препятствовать ея дѣятельности. Мы желаемъ ихъ въ особенности увлечь антимилитаристской пропагандой, къ которой они такъ воспріимчивы, для того, чтобы они не раздавили рабочую революцію въ городахъ, когда она вспыхнетъ. Мы желаемъ, наконецъ, организоваться, чтобы при первой тревогѣ, когда изъ боязни войны выйдутъ манифестировать на улицы, чтобы и тамъ были и въ толпѣ люди, готовые на все, даже на смерть. Въ борьбѣ съ такимъ преступленіемъ, какъ война, нѣтъ преступленій.

Этотъ революціонный и антипарламентарный соціализмъ вамъ кажется противнымъ статутамъ соціалистическаго Интернаціонала, противнымъ всѣмъ соціалистическимъ традиціямъ. Вы ошибаетесь! Съ самаго основанія Интернаціонала существуетъ въ вашихъ рядахъ этотъ самый споръ, который я веду сегодня съ вами. Вы прогнали анархистовъ. Они пошли въ В. К. Т. и внесли туда свой бунтовской духъ и свое недовѣріе по отношенію къ вамъ. Но даже послѣ какъ того, анархисты были прогнаны, во Франціи осталась еще довольно сильная соціалистическая фракція, фракція аллеманистовъ, которые отрицаютъ также парламентскую борьбу. Когда мы объединялись, аллеманисты, а также я отъ имени нѣскольких федерацій, которыя я представлялъ въ комиссіи по объединенію, сдѣлали самыя точные оговоры относительно парламентской дѣятельности. Я сказалъ, что мы объединяемся съ вами не для того, чтобы усилить законодательную и парламентскую дѣятельность, какъ вы написали въ тулузской резолюціи, а для того чтобы ее ослабить и уничтожить. Надѣюсь, что вы поймете теперь мой протестъ. Я протестую отъ своего имени, отъ имени большого числа старыхъ аллеманистовъ, отъ имени всѣхъ революціонныхъ соціалистовъ, которые не желаютъ, чтобы вы сдѣлали изъ вашей партіи избирательную партію, отъ имени тѣхъ моихъ друзей, которые въ Тулузѣ подписались подъ вашей резолюціей, и которые теперь отъ нея отказываются. Я протестую отъ имени всѣхъ тѣхъ, которые читая вашу Тулузскую резолюцію,

*) Эрве говоритъ здѣсь о тѣхъ восьми товарищахъ, которые сидятъ въ версальской тюрьмѣ, привлеченные къ суду за участіе въ событіяхъ въ Вильневѣ.

начинают подозрѣвать, что шагъ за шагомъ отступая назадъ, вы въ короткое время приведете нашу партію, которую мы желаемъ видѣть революціонной, въ руки гг. Бріана и Вивіани.

* * *

ИЗЪ РОССІИ

Письма съ каторги.

Горный Зерентуй, 23-го мая 1908 г.

Дорогіе товарищи!

15-го мая у насъ былъ массовой побѣгъ съ работъ. Пошло на работу 16 человѣкъ, въ числѣ которыхъ шесть политическихъ; четыре изъ нихъ съ уголовными статьями, а два анархиста съ политическими. Имена анархистовъ — Тимоѳей Кириченко (срока оставалось пять мѣсяцевъ) и Беньяминъ Фридманъ (Немка, двоюродный братъ и однофамилецъ „Немки Маленькаго", погибшаго въ Гродно. Срока ему оставалось шесть съ половиной лѣтъ). На мѣстѣ работъ имъ удалось усыпить конвой. Связали, забрали всѣ винтовки (шесть штукъ), взяли двѣ казенныхъ лошади и двѣ или три обывательскихъ. На третій день привезли двухъ убитыхъ бѣглецовъ. Одинъ уголовный; другой политическій, с.-р. Иванъ Лупандинъ, второй разъ бѣжавшій съ каторги, но на этотъ разъ неудачно. Сегодня (23-го мая) привели еще одного. Изловили на 75-ой верстѣ. Говоритъ, что врядъ ли многимъ удастся уйти.

31-го мая 1908 г.

Дорогіе товарищи!

Совсѣмъ нерадостное письмо пишу вамъ.

Еще первое не было отправлено, как произошло то, чего такъ боялись мы. Бѣжавшихъ поймали. Не всѣхъ, но, къ несчастью, всѣхъ политическихъ, въ томъ числѣ и товарищей Немку и Тимоѳея. Не могу описать вамъ всѣхъ причинъ, способствовавшихъ ихъ поимкѣ. Главная, это голодъ. Необходимость заходить въ села покупать провизію привела къ тому, что ихъ арестовали. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ удавалось избѣгать арестовъ, но все-таки въ концѣ концовъ они были арестованы. Въ другое время имъ, можетъ быть, и удалось бы избѣжать ареста, но, благодаря тому, что изъ Нерчинской каторги, изъ разныхъ тюремъ, бѣжало одновременно много каторжанъ, обыватели, боясь повальныхъ грабежей, дѣятельно способствовали поимкѣ. На сто, или даже больше, верстъ изъ селъ выѣзжали казаки, вооруженные какъ на войну. Вооружаться они имѣли основаніе, такъ какъ и бѣглецы были вооружены винтовками (берданками), отнятыми у конвойныхъ.

Не слѣдуетъ обвинять и населенія въ его рвеніи во что бы то ни стало изловить бѣжавшихъ. Историческія условія заставляютъ ихъ быть таковыми. Десятки лѣтъ ведется такъ, что какъ только бѣгутъ каторжане, тотчасъ же начинаются грабежи. Я говорю объ уголовныхъ каторжанахъ. Но гдѣ же населенію разобраться въ томъ, что это — уголовный, который будетъ грабить, а это — политическій, который не станетъ грабить. Нашимъ товарищамъ стоило много труда, пока они были вмѣстѣ съ уголовными, останавливать ихъ отъ безполезныхъ грабежей. А тѣмъ болѣе, такой массовой побѣгъ!... Изъ Акатуя бѣжало 25 человѣкъ (уголовныхъ) вольнокомандовцевъ, изъ Кадая болѣе десяти и изъ Горнаго Зерентуя 16 чел. Хотя всѣ эти тюрьмы находятся на почтительномъ разстояніи другъ отъ друга (Акатуй въ 180-и верстахъ отъ Зерентуя и въ 50-и отъ Кадая), но, что дѣлать! у страха глаза велики. Къ тому же, и администрація заинтересована въ раздуваніи этого страха. И, надо ей отдать справедливость, раздула такъ, что, какъ намъ говорили, изъ четырехъ селъ выѣхало человѣкъ по сто изъ каждаго, вооруженные верховые казаки.

Одной изъ причинъ поимки было неумѣніе, да и невозможность оріентироваться неопытному. Сопки, сопки безъ конца. Избѣгая людныхъ мѣстъ, приходилось карабкаться по сопкамъ, а это значитъ, дѣлать по 6—8 верстъ въ день и уставать больше, чѣмъ дѣлая по 50 верстъ. Несмотря на компасъ, они въ концѣ концовъ сбились и, покружившись два дня на одномъ мѣстѣ, направились обратно, сами того не сознавая.

Теперь сидятъ подъ строгимъ надзоромъ. До вчерашняго дня сидѣли въ сыромъ карцерѣ. А вчера перевели въ камеру, и то благодаря тому, что одинъ изъ нихъ умеръ (латышъ, политическій съ уголовными статьями). Всѣ трое больны цынгой. Голодъ не прошелъ для нихъ безнаказанно.

И все же чувствуютъ они себя бодро. Немка говоритъ, что неудачный побѣгъ имѣлъ, все-таки, свои хорошія послѣдствія. Сны сталъ видѣть пріятные. Уже тюрьма больше не снится, а воля. Тайга непроходимая... Раздолье... Зелень кругомъ... А когда проснется,—долго не можетъ представить себѣ, что онъ въ тюрьмѣ. И жалко становится, что сонъ прошелъ...

Вы, вѣроятно, интересуетесь, какова жизнь въ каторжной тюрьмѣ. Для многихъ знакомы тюрьмы вообще, но всѣ думаютъ, что каторжная тюрьма — это что-то особое: кто попалъ на каторгу, тотъ обреченъ на изнурительныя работы, на постоянныя униженія. Кто такъ думаетъ, тотъ глубоко заблуждается. Правда, есть работы, но не для насъ, политическихъ. Изъ Александровска (Иркутск.) еще посылаютъ на колесную дорогу. Эта работа очень тяжелая, но и туда идутъ съ удовольствіемъ, а возвращаются съ еще большимъ. Что же касается Нерчинской каторги (состоящей изъ десяти тюремъ, изъ нихъ въ Акатуѣ только политическіе [человѣкъ 150], въ Алгачахъ половина уголовныхъ, и живутъ вмѣстѣ, въ Зерентуѣ около 300 чел. политическихъ и около 500 уголовныхъ—политическіе отъ уголовныхъ отдѣльно—и въ Мальцевской женской тюрьмѣ политическихъ женщинъ 30 или больше, въ остальныхъ тюрьмахъ только уголовные) — что касается Нерчинской тюрьмы, то всѣ мы живемъ въ тюрьмахъ и на работы совсѣмъ не ходимъ. Невѣрно также представленіе о томъ, что каторжане, за которыми идутъ семьи, могутъ до извѣстной степени жить семейной жизнью. Даже уголовнымъ не разрѣшаютъ выписывать большія семейства, а тѣмъ болѣе намъ, политическимъ. Женамъ политическихъ запрещаютъ жить не только въ тюремныхъ зданіяхъ, но высылаютъ даже изъ Нерчинскаго завода, отстоящаго на двѣнадцать верстъ отъ Зерентуя.

Когда я пріѣхалъ сюда (осенью 1907 г.), то, послѣ „Бутырокъ", Александровска и колесной дороги, положеніе, занимаемое политическими по отношенію къ администраціи и обратно, было точь-въ-точь какъ „весна" при Святополкѣ-Мирскомъ послѣ Плеве. Начальникъ каторги (о начальникѣ тюрьмы и его помощникѣ и говорить нечего) всѣхъ называлъ не иначе, какъ „душечка", „мамочка". Не правда ли, изысканная любезность?... Камеры съ утра до вечера были открыты. Рѣдкій день обходился безъ „общихъ собраній", правда, зачастую безсодержательныхъ, но все-таки —свобода собраній, союзовъ и т. д. Но бѣда въ томъ, что какъ россіяне приняли „весну" Святополка-Мирскаго за вполнѣ установившуюся весну, такъ и зерентуйцы думали, что она будетъ продолжаться всегда. Боролись противъ перемѣны погоды, но, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что съ перемѣной министерствъ (въ каторгѣ) режимъ измѣнился къ худшему. Зерентуйскаго Святополка-Мирскаго смѣнилъ Дурново. Повѣяло холодкомъ. Поцарствовалъ Дурново немного; его смѣнилъ Столыпинъ, въ образѣ Забѣло, извѣстнаго бурбона Бобруйскаго дисциплинарнаго батальона.

Холодно теперь у насъ. Камеры закрыты. Запретили переписку съ тюрьмами. Что ни день, то режимъ строже и строже. Особенно, послѣ двухъ побѣговъ. Первый былъ мѣсяца два тому назадъ. Бѣжалъ матросъ. Послѣ перваго прижали чуть-чуть, а послѣ второго, съ работъ, прижали такъ, что только держись. И раньше было скверно сидѣть отъ переполненія камеръ — сидимъ вмѣсто обычной нормы въ 35 чел. по 50—55, а уголовные по 80—85 ч., —а теперь и того хуже. Пускаютъ по два часа въ день на прогулку. Послѣ побѣга хотѣли ввести конвой во дворъ, чтобы не гуляли двѣ камеры вмѣстѣ, а порознь. Мы отказались отъ такихъ прогулокъ, зная, что безъ столкновенія не обойдется. Въ Акатуйской тюрьмѣ, въ 1907 г., былъ конвой въ дворѣ, а это привело къ тому, что конвойный обругалъ и ударилъ товарища Алешкера, а тотъ его ударилъ чѣмъ-то тяжелымъ по головѣ и былъ преданъ суду. Сидимъ двѣ недѣли безъ прогулокъ. Начальство обѣщаетъ перегородить дворъ рѣшеткой для полной изоляціи камеръ на прогулкахъ.

Въ общемъ жить скверно...

Тяжело жить и отъ Столыпиныхъ съ рѣшетками, и отъ Столыпиныхъ безъ оныхъ.

Тяжело жить...

Задумываешься, не правы ли тѣ, что ставятъ свою жизнь на карту, какъ въ Екатеринославѣ сдѣлали. Изъ газетъ узнали, что была въ Екатеринославѣ попытка къ освобожденію, окончившаяся такъ печально. Мнѣ кажется, что стоитъ рискнуть, имѣя одинъ шансъ на сто за успѣхъ, нежели прозябать въ тюрьмѣ для того, чтобы въ конечномъ счетѣ быть вынесеннымъ на кладбище или выйти на волю физическимъ и духовнымъ убожествомъ. Тюрьма калѣчитъ не только тѣло, но и умъ, и душу.

У насъ помимо всѣхъ несчастій еще одно прибавилось. Фаня Капланъ ослѣпла. Первопричина слѣпоты — побои при арестѣ. При хорошо поставленной медицинской помощи въ тюрьмѣ, она не ослѣпла бы. Но здѣсь другого исхода не могло быть. Вотъ бѣднягa! При взрывѣ бомбы (во время ареста) ее поранило. Привезли сюда, чтобы влачить такое жалкое существованіе. Еле ходитъ, еле руками двигаетъ и, вдобавокъ, ослѣпнуть!...

А.-К.

P. S. Вернулся товарищъ Алешкеръ, котораго возили судиться въ Читу за пораненіе конвойнаго. До Читы не доѣхалъ, въ виду эпидеміи тифа въ читинской тюрьмѣ.

Горный Зерентуй, іюнь 1908 г.

Дорогіе товарищи!

Рѣдко который изъ васъ, русскихъ революціонеровъ — будь то
анархистъ или членъ какой-либо другой революціонной партіи —
не сидѣлъ въ тюрьмѣ. Всякій изъ васъ прекрасно знаетъ, что
изъ себя представляетъ русская тюрьма, но не всякій знаетъ, что
такое „каторжная тюрьма“ для политическихъ заключенныхъ. Вы
можете сказать, что теперь, когда имѣется возможность предавать
гласности чуть ли ни всякую мерзость, творимую именемъ само-
державія, вы имѣли возможность ознакомиться съ режимомъ ка-
торжныхъ тюремъ, если не на своей шкурѣ, то изъ печати. Вы
знаете, хотя бы изъ „Былого“, что не такъ уже страшенъ чортъ,
какъ его малюютъ, и не такъ страшна каторга, какъ это можно
думать.

Это правда! Но только... мѣняются времена, а съ ними и пѣсни.
Былъ Шлиссельбургъ съ „Иродомъ“, была Кара и другія ка-
торжныя тюрьмы со всѣми ихъ ужасами, но все это отошло —
кануло въ вѣчность — и на смѣну имъ пришли болѣе или менѣе
либеральные режимы.

Но... мѣняются времена, а съ ними и пѣсни.

Если кто-нибудь изъ васъ будетъ такъ наивенъ, чтобы думать,
что старыя угнетеніе и издѣвательство не могутъ имѣть въ наше
время мѣста,— тотъ глубоко заблуждается. Съ упадкомъ революці-
оннаго подъема гидра царскаго самодержавія поднимаетъ свою
трусливую голову и накладываетъ свою грязную лапу на все, а
въ томъ числѣ и на своихъ плѣнниковъ, томящихся по тюрьмамъ
и каторгамъ.

Не прошло это безслѣдно и для политическихъ заключенныхъ
въ каторжныхъ тюрьмахъ.

Вѣроятно по предписанію свыше, одновременно съ новаго
(1908-го) года начался возвратъ къ старому режиму — режиму
глумленій.

Изъ всѣхъ тюремъ, входящихъ въ составъ Нерчинской каторги,
Горный Зерентуй *не совсѣмъ подавленъ*. Что же касается Акатуя,
то тамъ, какъ видно, заключенные доведены до такого состоянія,
когда, что называется, и „пикнуть не смѣютъ“. Десять мѣсяцевъ
прошло, а изъ Акатуя нѣтъ никакихъ вѣстей, чтобы хотя немного
пролить свѣтъ на ихъ положеніе. По дошедшимъ слухамъ можемъ
судить, что режимъ ужасенъ.

Алгачи—арена дѣятельности Бородулина, Метуса—по прежнему
остается ареной насилія.

Сходятъ со сцены Бородулины, Метусы, — на смѣну имъ поя-
вляются не менѣе рьяные исполнители.

Чтобы вы, товарищи, могли судить, какъ живутъ и что испы-
тываютъ попавшіе въ лапы такимъ господамъ, приведу для иллю-
страціи два письма. Первое *письмо изъ Алгачей*. Вотъ оно:

„....мы въ Алгачахъ. Окунулись и испытываемъ всю прелесть
алгачинской жизни, которая вамъ отчасти извѣстна... Какъ только
пришли въ Алгачи, насъ повели къ тюремной канцеляріи, гдѣ и
принимали при тщательномъ обыскѣ, производившемся держимор-
дой (старшимъ надзирателемъ), котораго мы сразу опредѣлили,
что это за птица. Какъ только онъ увидѣлъ насъ, тотчасъ же при-
поднесъ сюрпризъ: „мы васъ ждали, и все приготовлено“. При
пріемѣ держалъ себя вызывающе, какъ властелинъ, которому вѣ-
рены наши судьбы. Самъ начальникъ у него на посылкахъ. При
пріемѣ насъ обобрали, какъ бѣлокъ, и все это производилось съ
такими фразами: „если будете подчиняться нашему режиму, то
получите все, что отбираемъ“. Мы себя сдерживали, пока не
узнали порядковъ тюрьмы.

Когда пришли въ тюрьму, было уже темно, и насъ всѣхъ, 35
человѣкъ, посадили въ одну, заранѣе приготовленную, камеру и
примѣнили строгій надзоръ для полной изоляціи отъ другихъ то-
варищей.

На второй день намъ дали полчаса прогулки, во время которой
намъ удалось нелегально видѣться съ товарищами, пришедшими
прежде насъ, отъ которыхъ узнали ихъ жизнь въ Алгачинской
тюрьмѣ.

Многіе катятся по наклонной плоскости и ведутъ чисто хули-
ганскую жизнь. Нѣсколько человѣкъ могутъ быть кандидатами
въ охранное отдѣленіе.

Политическіе сидятъ въ четырехъ камерахъ. Наша камера отъ
нихъ изолирована. Въ первомъ корпусѣ двѣ камеры заняты по-
литическими. Въ одной сидятъ гражданскіе, въ другой бывшіе во-
енные. Черезъ камеру отъ насъ сидятъ солдаты (политическіе)
большинство изъ которыхъ подали на высочайшее имя и готовы
на всякую пакость. Старшій надзиратель называетъ ихъ „своими
солдатиками“. За исключеніемъ нашей камеры и нѣсколькихъ то-
варищей другихъ камеръ, всѣ поютъ „Спаси Господи“ и отвѣча-
ютъ начальству „Здравія желаемъ“. Первый, второй и третій день
насъ уговаривали, чтобы мы подчинились, указывая на то, что,
молъ, всѣ подчиняются, и раньше ведшіе борьбу — побѣждены.
„Все равно вы сдадитесь“, говорятъ намъ. Но мы заявили, что
пѣть и отвѣчать „Здравія желаемъ“ не будемъ. Тогда пришелъ
къ намъ Евтинъ (начальникъ алгачинской тюрьмы) и арестовалъ
на трое сутокъ безъ пищи и на парашѣ; отобралъ всѣ учебники,
которые были пропущены, даже евангеліе одно отобралъ, а дру-
гое оставилъ, говоря: „вы, господа, много начитались этой пу-
стяковины и не стали признавать Бога“.

Старшій надзиратель на повѣркѣ говоритъ всегда: „кто хочетъ
подчиниться, пусть переходитъ въ другія камеры“, что очень по-
вліяло на нашу малодушную публику, которая стала эмигрировать
въ другія камеры. Уходили подъ разными предлогами, мотивируя
переходъ своей слабостью и безполезностью борьбы. Въ камеру
„ихъ солдатиковъ“ перешло восемь человѣкъ. Двое перешло въ
камеру, гдѣ находятся пришедшіе раньше и гдѣ тоже поютъ и
отвѣчаютъ „здравія желаемъ“... Въ этой камерѣ поютъ и отвѣча-
ютъ по-военному только пять человѣкъ, къ которымъ присоеди-
нился одинъ изъ вновь перешедшихъ. Къ концу нашего (трех-
дневнаго) ареста пришелъ Евтинъ со священникомъ, который
оказался знакомымъ одному изъ насъ — вмѣстѣ учились въ ду-
ховномъ училищѣ. Въ разговорѣ онъ выразилъ свое прискорбіе.
Священникъ — черносотенецъ. Читаетъ каждую недѣлю арестан-
тамъ проповѣди и бесѣдуетъ съ ними. Большинство изъ насъ
заявили ему, что мы невѣрующіе, а нѣкоторые—сектанты. Евтинъ
опять арестовалъ насъ на двѣ недѣли безъ прогулки и на парашѣ;
лишилъ выписки, переписки; отобралъ табакъ и на двери напи-
салъ: „Штрафованная камера“. Что это значитъ—мы не знаемъ.

Послѣ этого началось, по произволу старшаго надзирателя, са-
жаніе въ карцеръ. Если не понравится чье-нибудь лицо, сейчас
же тащутъ въ карцеръ. Срокъ наказанія не объявляется, на раз-
спросы отвѣчаютъ: „пока сдадитесь“. Евтинъ никакихъ перегово-
ровъ не признаетъ. Нашего представителя взяли въ одиночку.
Сейчасъ въ карцерѣ сидитъ семь человѣкъ. Одного изъ нихъ
набили и надѣли наручники за то, что онъ выбилъ доску, кото-
рой было забито окно (въ карцерѣ). Когда ему надѣвали наруч-
ники, онъ сказалъ старшему надзирателю: „надѣньте ихъ вашему
Евтину на носъ“, за что его старшій ударилъ нѣсколько разъ, и,
какъ передаютъ, нѣсколько ударовъ нанесли прикладами конвой-
ные.

Однимъ словомъ, скверно, а поддержки ждать не отъ кого. Если
предпринять что-нибудь рѣшительное—вѣрная смерть, а на смерть
не всѣ могутъ рѣшиться. Кругомъ царитъ произволъ. Тюрьма
изкличена и подавлена.

Ходитъ слухи, что Измайловъ*) будетъ принимать тюрьму съ
1-го іюня. Тотъ скорѣй на что-нибудь рѣшится.

Мы ко всему готовы.

P. S. Мы въ настоящее время всѣ закованы. Когда же заявили
Евтину, что мы окончили кандальные сроки, и въ Зерентуѣ хо-
дили безъ оковъ, то онъ мотивировалъ заковку тѣмъ, что онъ
этого не знаетъ, что, когда снимаютъ кандалы, то дается приказъ
по каторгѣ, а у насъ нѣтъ никакой отмѣтки. Указывалъ также
и на поведеніе.“

Послѣ этого письма, изъ Алгачей больше нѣтъ никакихъ вѣ-
стей. Зато было получено *письмо* отъ одного товарища, высслан-
наго изъ *Шлиссельбурга*. Вотъ это письмо:

„Нѣсколько словъ о Шлиссельбургской каторжной тюрьмѣ. Пи-
шу проѣздомъ въ вагонѣ...

Шлиссельбургская крѣпость, какъ вамъ извѣстно, давно уже
считается тюрьмой ужасовъ. И подлинно. Даже современный
Шлиссельбургъ во всѣхъ отношеніяхъ оправдалъ и оправдываетъ
представленіе о немъ, какъ о какомъ-то заколдованномъ адскомъ
замкѣ. Правду сказать, одно время въ крѣпости установился бо-
лѣе или менѣе либеральный режимъ, но этотъ режимъ достался
намъ не легко! Пять-шесть голодовокъ, ломка надзирателями то-
варищескихъ ключицъ привели насъ, наконецъ, къ этому либе-
ральному режиму.

Такъ продолжалось до 2-го января 1908 г. Съ новаго года
Шлиссельбургъ былъ объявленъ на „чрезвычайномъ насиліи“. Съ
новаго года опять повѣяло старымъ Шлиссельбургскимъ режимомъ,
— режимомъ издѣвательствъ и глумленій. Но послѣднія издѣва-
тельства, своими безобразными до ужаса послѣдствіями, затмили
и превзошли не только ломку товарищескихъ ключицъ, но и ста-
рое сидѣніе при „Иродѣ“, когда люди, будучи доведены до невоз-
можнаго сумасшедшаго существованія, разбивали себѣ лобъ объ
стѣну и перерѣзывали себѣ горло ножницами.

Итакъ, новый режимъ начинаетъ вступать въ свои права на вто-
рой день новаго года. Въ этотъ день, начальникъ въ сопровож-
деніи цѣлой толпы хулигановъ-надзирателей, а также и конвой-
ныхъ, забираетъ у насъ, якобы за пѣніе на прогулкѣ, шесть че-
ловѣкъ товарищей (у насъ во время либеральнаго режима на
прогулкѣ часто пѣли) и сажаетъ ихъ въ отдѣльный отъ насъ
корпусъ на карцерномъ положеніи. Остальные товарищи (всѣхъ
насъ 53 человѣка), въ знакъ протеста противъ увода товарищей

---

*) Измайловъ — замѣститель Бородулина, убитаго за истязанія заключен-
ныхъ. Съ заключенными обращался еще хуже, чѣмъ Бородулинъ. За растрату
казенныхъ денегъ былъ смѣщенъ, но потомъ, вѣроятно въ виду его усердія,
былъ вновь принятъ.

въ карцеръ, возвращаются съ прогулки съ пѣніемъ и криками. За это всѣхъ остальныхъ сажаютъ на мѣсяцъ на хлѣбъ и воду. Камеры превращаются въ карцеры. Изъ камеръ отбираютъ все, включительно до мыла и полотенца. Въ такомъ положеніи прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Между тѣмъ у товарищей, которыхъ отдѣлили отъ насъ, за этотъ мѣсяцъ произошелъ такой случай. Надзиратели, имѣя полномочія отъ начальника творить съ ними, что имъ заблагоразсудится, всячески старались издѣваться надъ ними. Для этого они приходили къ нимъ за „парашкой" въ такой моментъ, когда они, бывало, пьютъ или кушаютъ. Это вывело товарищей изъ терпѣнія, и они заявили, что если за парашкой будутъ приходить во время ѣды, то парашка будетъ вылита на корридоръ товарищемъ Маклаковымъ. За это заявленіе начальникъ приказалъ его выпороть, давъ ему 25 плетей. Всѣ остальные товарищи узнали про порку, и всѣми рѣшено было бойкотировать начальника.

На третій день послѣ порки въ крѣпость пріѣхалъ начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія Курловъ со своею свитой. Вздумалось ему обходить камеры. Зашедши въ двѣ-три камеры, поворотилъ къ намъ. Въ камерѣ сидѣлъ я*) и Сперанскій (студентъ анархистъ). Сперанскій, какъ только завидѣлъ на порогѣ Курлова и начальника (мы въ это время чай пили), схватился съ мѣста и побѣжалъ по направленію къ Курлову съ сжатыми кулаками, и крикомъ: „вонъ, негодяи! вонъ, мерзавцы!" и прочими ругательными эпитетами выгналъ его изъ камеры. Начальникъ выхватилъ шашку, но все же его удалось выгнать.

На слѣдующій день помощникъ начальника, князь-либералъ, пользуясь довѣріемъ со стороны заключенныхъ, предложилъ намъ, т. е. мнѣ и Сперанскому, перейти въ новый корпусъ. Мы, со своей стороны, ничего не подозрѣвая, зная, кто намъ предлагаетъ, дали свое согласіе. А помощникъ этотъ, между прочимъ, всегда предупреждалъ заключенныхъ, если противъ нихъ предпринималось что-нибудь серьезное. Въ итогѣ, меня и Сперанскаго, по постановленію Курлова, было приказано высѣчь, примѣнивъ къ намъ высшую мѣру наказанія — дать по 150-и плетей каждому. Сперанскаго повели перваго и онъ, замѣтивъ плети, догадался, попытался было дать пощечину помощнику, но его тутъ же скрутили. Меня повели уже скрученнаго послѣ покушенія Сперанскаго дать пощечину. При поркѣ рвали волосы, стригли нестригущей машинкой, били и издѣвались надъ нами самымъ безцеремоннымъ образомъ... И все это на глазахъ начальника.

Затѣмъ, на протяженіи четырехъ съ половиной мѣсяцевъ (все это время мы сидѣли на карцерномъ положеніи и естественно, что у насъ началась цынга; шлиссельбургская медицина поддерживала нашу жизнь разными экстрактами, микстурами, кислой капустой и еле-еле возстановила наши силы) — на протяженіи четырехъ съ половиной мѣсяцевъ, надъ нами, десятью человѣками, издѣвались, глумились до такой степени, что доводили насъ до отчаянно-сумасшедшаго состоянія. Въ такія минуты мы и находились „на высотѣ сумасшедшаго состоянія": въ надзирателей обыкновенно летѣли кружки, миски, бутылки — словомъ, все, что ни попадалось подъ руку. Ломалась камера, ломались койки, высаживались рамы, выбивались стекла. „Парашка" же между тѣмъ все время выливалась на корридоръ.

Все это наконецъ завершилось слѣдующимъ финаломъ. 28-го марта 1908 г. насъ всѣхъ, агнцевъ божьихъ, скрутили веревками, и скрутили такъ, что у нѣкоторыхъ началась агонія. Одному товарищу на шею былъ накинутъ просто-на-просто арканъ, и его дергали, таскали за этотъ арканъ. Перетаскивали въ другія камеры. Всѣхъ таскали по испражненіямъ, преднамѣренно лицомъ внизъ; сапогами скакали на животы, сапожищами били подъ бока, въ голову, спину,— словомъ, куда попало. Но звѣрскаго избіенія, таскаиія по испражненіямъ показалось, однако, одному негодяю-надзирателю мало. Онъ побѣжалъ, принесъ въ лопаточкѣ экскрементовъ и, такъ какъ всѣ мы лежали полумертвые, со вспухшими лицами, въ безсознательномъ состояніи, то этотъ негодяй, видя нашу безпомощность, взялъ палочку, набралъ на нее экскрементовъ и, подошедши съ причитаніями сначала ко мнѣ, сказавъ: „тебѣ, какъ жиду" — наклалъ въ ротъ экскрементовъ и смазалъ все лицо. Ту же самую процедуру продѣлалъ онъ съ причитаніями и надъ Сперанскимъ,— „какъ студенту" — и надъ Калашниковымъ,— „какъ соловью". При этой душу потрясающей картинѣ ни начальника, ни помощника не было. Насъ отдали въ полное распоряженіе надзирателей, озвѣрѣвшихъ, потерявшихъ человѣческій обликъ.

Такъ просидѣли мы, какъ я уже сказалъ выше, четыре съ половиной мѣсяца, безъ прогулки, безъ бани, въ одномъ и томъ же бѣльѣ, на карцерномъ положеніи. У одного товарища отъ продолжительнаго сидѣнія отнялся языкъ, и онъ цѣлую недѣлю не могъ говорить; но какъ только онъ залепеталъ, его тотчасъ же перевели обратно въ карцеръ. Увели его изъ карцера только тогда, когда съ нимъ случился припадокъ.

Четыре человѣка изъ насъ вызвали главнаго тюремнаго инспектора Меербаха и заявили ему, что послѣ всѣхъ пережитыхъ нами звѣрскихъ избіеній и гнусныхъ издѣвательствъ, при данномъ составѣ надзирателей подъ эгидой начальника-„палача", мы успокоиться не можемъ, насъ можетъ успокоить только пуля, а посему мы требуемъ... и выставили наши требованія. На наше заявленіе онъ отвѣтилъ намъ, что за разстрѣломъ дѣло не станетъ, что онъ сильно безпокоится за нашу участь, что онъ совѣтуетъ намъ подчиниться режиму.

И вѣрно. Недаромъ старый крокодилъ проливалъ слезы. Черезъ недѣлю-другую послѣ пріѣзда инспектора, меня и Сперанскаго, за бросаніе чашекъ въ надзирателей, перевели въ отдѣльный отъ другихъ карцеръ, а на второй день послѣ прибытія въ „преисподнюю" надзиратель стрѣлялъ въ насъ. Сперанскому онъ прострѣлилъ обѣ ноги — пуля прошла черезъ одну ногу навылетъ и засѣла въ другой. Я остался цѣлъ. Далъ онъ три выстрѣла, но оказался плохимъ стрѣлкомъ. Двѣ пули попали въ полъ, а третья попала въ Сперанскаго.

Насъ, т. е. меня и Сперанскаго, послѣ перевязки и операціи, перевели изъ карцера въ больницу. Къ счастью, кость у него не задѣта, и онъ еще при мнѣ началъ—было ходить; а черезъ недѣлю послѣ того, какъ меня выслали (недѣлю эту онъ долженъ былъ ходить съ загипсованной ногой), онъ долженъ былъ уже совсѣмъ выздоровѣть. Выслали пока меня одного, но, кажется, и Сперанскаго уже должны были выслать. Насчетъ участи остальныхъ ничего не знаю. Чувствую себя очень больнымъ послѣ столькихъ мѣсяцевъ истязаній, весь организмъ у меня разстроенъ, и, кажется, начинается чахотка.

Извиняюсь, что мало пишу, причина—спѣшу кончить."

По этимъ двумъ письмамъ вы, товарищи, можете судить, какова *теперь* жизнь политическихъ каторжанъ.

Я не хочу сказать, что вездѣ такъ, какъ въ Алгачахъ и Шлиссельбургѣ. Но чуть не ежедневныя попытки насильственнаго освобожденія безъ словъ говорятъ, что почти вездѣ одинаково.

А.-К.

P. S. Когда я писалъ эти строки, получилось газетное извѣстіе, что въ Иркутскѣ приговорены къ смертной казни семь человѣкъ за вооруженное освобожденіе изъ Александровской центральной каторжной тюрьмы (Иркутской губ.). Въ числѣ приговоренныхъ — одинъ анархистъ, Шашіевъ.

Одесса (изъ частнаго письма) *). Не легко мнѣ писать объ Одессѣ, которую я знала три года тому назадъ, когда почти вся рабочая масса была организована и революціонно настроена, и гдѣ уровень сознательности рабочихъ массъ былъ болѣе высокъ, чѣмъ въ какомъ либо другомъ городѣ. Не то теперь. Одессу нельзя узнать. Атмосфера здѣсь ужасная. Все и вся подавлено и разбито, и нѣтъ ни малѣйшихъ остатковъ былого революціоннаго настроенія. Рабочая масса превратилась въ нѣчто жалкое, трусливое, безличное; такъ ловко обработали ее гг. Толмачевы.

Градоначальникъ г. Одессы Толмачевъ — богъ и царь Одессы,— заключивъ дружественный союзъ съ казеннымъ раввиномъ, для „успокоенія" города сталъ прибѣгать къ самобытнымъ пріемамъ. Онъ вмѣшивается во всѣ дѣла обывателей, не исключая даже интимной жизни супруговъ. Недавно онъ издалъ указъ, по которому свадьбы должны обязательно справляться въ залахъ съ музыкой и по всѣмъ обрядамъ религіи. Газеты могутъ писать только то, что разрѣшаетъ имъ одесскій царь, онѣ наполнены его распоряженіями.

Буржуазія, находившаяся въ постоянномъ страхѣ передъ революціонерами и экспропріаторами, давно уже мечтала о такомъ градоправителѣ, какъ Толмачевъ. За его подвиги въ борьбѣ съ революціей, а въ особенности съ эпидеміей экспропріаторства, одесскіе буржуа охотно прощаютъ своему градоначальнику его самодержавныя замашки.

Бываетъ Толмачевъ вездѣ, вполнѣ увѣренный въ своей личной безопасности. Вездѣсущій градоначальникъ сорганизовалъ въ порту черносотенную артель союзниковъ въ 500 человѣкъ, которой онъ далъ разныя права и льготы, между прочимъ право не допускать къ работѣ инородцевъ и „вольнодумцевъ". Въ результатѣ каждый день выбрасывается изъ порта нѣсколько десятковъ рабочихъ разныхъ національностей. Съ другой стороны артель пополняется рабочими, которыхъ голодъ доводитъ до того, что они спѣшатъ записаться въ „союзъ истинно-русскихъ" людей.

Каждый день везутъ по всѣмъ улицамъ въ черныхъ каретахъ арестованныхъ подъ усиленнымъ конвоемъ, состоящимъ изъ 12

---

*) Яковъ Ароновичъ, с.-д.

По независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, мы нѣсколько запоздали съ напечатаніемъ этого письма. Письмо того же автора, описывающаго тѣ же событія, уже появилось въ „Пролетаріи". Но все же мы рѣшили напечатать и его, наряду съ другими письмами, принимая во вниманіе, что у „Пролетарія" и у „Буревѣстника"—различный контингентъ читателей. Ред.

*) Авторъ письма, старый партійный работникъ.

конныхъ и 12 пѣшихъ и шести велосипедистовъ. Всѣ они вооружены съ головы до ногъ и каждую минуту готовы на всякія звѣрскія выходки. Сегодня утромъ я встрѣтила такую процессію: большая карета со многими окошечками, а въ окошечкахъ лица.... Прохожіе спѣшатъ поскорѣе прошмыгнуть, отворачиваясь трусливо и мерзко, а узники смотрятъ въ маленькія рѣшетчатыя окошечки и кажутся такими заброшенными и одинокими... Я остановилась, и сердце съ болью сжалось, а тѣ за рѣшетками стали кивать головами и посылать воздушные поцѣлуи. Кровь хлынула къ головѣ и къ сердцу, — въ порывѣ негодованія хотѣлось взорвать всѣхъ, улицу, конвой вмѣстѣ съ прохожими...

Одесса доведена до того, что рискуешь быть проданнымъ каждымъ изъ жителей, какъ только пронюхаютъ, кто вы; за это получаютъ либо 25 рублей, либо другого рода вознагражденіе, смотря по тому, кто и кого продалъ.

Страшная деморализація въ „верхахъ“ и въ „низахъ“. Ни во что не вѣрятъ и ни на что не надѣются, ведутъ разгульный, вакханальный образъ жизни съ одной стороны, а съ другой корчатся въ мукахъ голода и нужды. Этимъ положеніемъ пользуются власть имѣющіе и дѣлаютъ все возможное, не останавливаясь ни передъ какими подлостями и насиліями для упроченія своей позиціи. Рабочій день *удлиненъ на два часа*, съ рабочими обходятся безчеловѣчно, и послѣдніе переносятъ все безо всякихъ признаковъ протеста. При встрѣчѣ съ рабочими слышишь тысячи проклятій по адресу интеллигентовъ и всѣхъ прежнихъ способовъ борьбы.

Несмотря на то, что разсчитывать на участіе въ ближайшемъ будущемъ въ активной работѣ большого числа рабочихъ въ Одессѣ не приходится, работать сейчасъ крайне необходимо, иначе грозитъ опасность не только активности пролетаріата, но и мысли и чувству, которыя еще живы въ тайникахъ мозга и души.

Мысли и чувства еще не умерли, но ихъ убьютъ насильники, если не будетъ притока свѣжаго воздуха и свѣта. Нужны застрѣльщики, нужно правдивое слово, но не сентиментальное, какое раздавалось раньше, а полное упрека и гнѣва. На-дняхъ я разговаривала съ нѣсколькими рабочими. Жаловались они на безчеловѣчное обращеніе и эксплуатацію хозяевъ, на издѣвательства надъ ними и т. д., ожидая съ моей стороны ласковаго слова. Я, слушая ихъ, задыхалась отъ негодованія, въ данный моментъ направленнаго не противъ хозяевъ, а противъ рабской терпѣливости одесскихъ рабочихъ. Я имъ вполнѣ откровенно высказала, что я чувствую, слушая ихъ жалкія жалобы, и имъ сказала, что жалобами ограничиваются только рабы, что будь они сознательными личностями, они бы знали, что нужно дѣлать, и нашли бы средство для борьбы съ наглыми насильниками.

И я убѣдилась изъ неоднократнаго опыта, что лишь такимъ языкомъ нужно говорить съ задавленной одесской рабочей массой. Послѣ подобныхъ бесѣдъ появляется работа мысли и повышенное возбужденное настроеніе. Старая манера говорить съ массой не годится, нужно хлестать ее умѣлыми, рѣзкими словами до тѣхъ поръ, пока она не пойметъ, до какого уродливаго состоянія довели ее ея поработители.

Иванъ Гордѣевичъ Ивановъ.

(Автобіографія.)

Иванъ Ивановъ былъ повѣшенъ ночью 7-го мая 1907 г. въ оградѣ Симферопольской тюрьмы на двадцать второмъ году жизни. Ночью тюрьма была разбужена криками: „Прощайте, товарищи!“ Палачи подкрались во время сна къ приговореннымъ и набросились на нихъ. Связали и поволокли на женскій дворъ сперва Сенькова и Залевскаго. Тюрьма проснулась и загудѣла общимъ стономъ: „прощайте, товарищи!“ — „Смерть палачамъ!“ крикнулъ Сеньковъ, и всѣ отвѣтили стономъ: „смерть!..“ Когда вѣшали перваго (Залевскаго), Сеньковъ упалъ въ обморокъ, и его безъ чувствъ вложили въ петлю. Затѣмъ были заколочены два гроба. Тогда повели Иванова. Изъ конторы онъ крикнулъ опять: „Прощайте, прощайте, товарищи!“ и опять тюрьма гудѣла: „прощай!“ — „Смерть палачамъ!“ и всѣ гудѣли: „смерть! смерть!“ Ивановъ пѣлъ революціонную пѣсню, пока петля не затянулась на его шеѣ. На другой день вся тюрьма въ знакъ траура объявила однодневную голодовку.

Всѣ трое просидѣли послѣ приговора до казни по два мѣсяца.*)

Товарищъ Ивановъ въ тюрьмѣ, въ ожиданіи казни, написалъ своею автобіографію. Мы и приводимъ здѣсь эту безхитростную повѣсть съ нѣкоторыми сокращеніями:

„Родился я въ 1886 г. 8-го мая на сѣверѣ Смоленской губерніи, Рославльскаго уѣзда, Полуевской волости, въ деревнѣ Борщевкѣ, омываемой рѣченкой Каски. Отецъ мой — земледѣлецъ и вѣчный труженикъ-хлопотникъ надъ мелочами хозяйства и заботами о землѣ-кормилицѣ, очень религіозный и вѣрующій человѣкъ, хотя свыше ему боги никогда не оказывали ни малѣйшей поддержки, никакой помощи; ни манны не дали небеса, ни черстваго куска хлѣба не бросилъ никто ему съ неба за его слезныя молитвы и смиренные поклоны. Мать, тоже крестьянка,— добрая, хлопотливая старушка, повседневно дѣлящая горе и радости своихъ дѣтей. Простая жизнь ея сосредоточивалась на дѣтяхъ, на любви къ нимъ. Все время моей жизни мать учила меня духу православія, хотя сама, какъ и отецъ, была неграмотна.

Я былъ въ семьѣ самый меньшой. Когда мнѣ исполнилось 6—7 лѣтъ, я уже почувствовалъ, испыталъ тяжесть жизни на своихъ плечахъ. Мой отецъ былъ бѣднякъ и для того, чтобы не имѣть лишняго рта на своей шеѣ, опредѣлилъ меня въ чинъ подпаска свиней, въ каковой чинъ онъ и самъ впослѣдствіи попалъ, и выкарабкался изъ этого почетнаго чина только тогда, когда подросли братья. Значитъ, жилось мнѣ не сладко; съ самаго начала работа оказалась мнѣ не по силамъ, но отецъ во-время успѣлъ вырвать меня изъ этой кабалы, чтобы я не надорвался въ ней. Послѣ этого до 9-и лѣтъ я былъ свободенъ и росъ, какъ растутъ всѣ мужицкія дѣти въ деревнѣ: прыгалъ, рѣзвился, ходилъ по грибы и по рыбу, проказничалъ—таскалъ изъ чужихъ грядъ рѣпу, морковь, горохъ — словомъ, во всемъ я былъ вполнѣ независимъ. Съ 9-и лѣтъ моя жизнь пошла инымъ путемъ — отецъ отдалъ меня въ школу, гдѣ я учился довольно порядочно. Слѣдовательно, по образованію я прошелъ низшую школу со всѣми ея аттрибутами: тычками и розгами, а изъ послѣдняго класса меня постарались и выгнать. Еще тогда у меня появилась сильная страсть къ чтенію книгъ. Восхищался я вычитанными героями и мечталъ самъ сдѣлаться героемъ на подобіе Робинзона, Еруслана Лазаревича или Бовы-Королевича; но самой моей любимой книгой была „Карлъ Смѣлый“ Вальтеръ-Скотта. Другого рода книгъ и въ заводѣ не было въ нашей школьной библіотекѣ.

Однажды шелъ я въ классъ и нашелъ на улицѣ бумажку-прокламацію подъ заглавіемъ „Къ крестьянамъ“; вверху стояло: „Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“, а внизу было подписано: „Соціалисты-революціонеры“. Тамъ писалось, чтобы крестьяне не платили налоговъ и податей за землю, и кончалась она такъ: „Крестьяне, васъ девяносто милліоновъ, а богатыхъ — десять милліоновъ. Берите оружіе, и вы завоюете „Землю и Волю“. Меня эта бумажка очень заинтересовала. Я прочелъ ее другимъ товарищамъ и нѣкоторымъ крестьянамъ, а потомъ показалъ и учителю, который велѣлъ ее сжечь; „а то“, сказалъ онъ, „посадятъ въ тюрьму“. Я бумажку сжегъ. Первая мысль о неправдѣ зародилась во мнѣ въ періодъ моихъ религіозныхъ вѣрованій и исповѣданія христіанской религіи; а послѣ прочтенной прокламаціи, смыслъ ея засѣлъ у меня въ головѣ гвоздемъ. Вѣдь то, что было написано въ бумажкѣ, была сущая правда, и съ этимъ были согласны всѣ слушавшіе ее крестьяне. Но какъ я ни старался, какъ ни напрягалъ свой ничтожный умъ для разрѣшенія затронутаго вопроса, великой проблемы жизни—я никакъ не могъ разобраться въ этомъ и никакъ не могъ себѣ представить: что это за люди, писавшіе эту бумажку?...

Съ самаго ранняго дѣтства и до дней моего заключенія я скитался вѣчно между двухъ стихій: голода и холода, что и закалило меня въ борьбѣ, въ вѣчной погонѣ за кускомъ хлѣба. Родъ занятій у меня былъ самый неопредѣленный, истинной профессіи у меня не было, да и не могло быть, ибо я ничему спеціально не обучался, а такъ, всему понемногу. Въ сентябрѣ 1905 г. я, съ родительскаго благословенія, ушелъ въ Юзовку. Отъ деревенской тиши — въ царство суеты, грохота, лязга желѣза и шипѣнія машинъ. Вотъ здѣсь-то я и вздохнулъ свободно, и здѣсь-то я далъ себѣ слово найти „умныхъ людей“, чтобы объяснили мнѣ непонятное, чтобы отвѣтили мнѣ на мучившіе меня вопросы. Мой дядя—машинистъ—много наговорилъ мнѣ объ „умныхъ людяхъ“ злого и нехорошаго. Но я рѣшилъ не обращать ни на что никакого вниманія, пока самъ съ ними не столкуюсь, пока самъ ихъ не увижу. Блестящій, но въ то же время и печальный случай скоро мнѣ представился къ тому. Какая то была для меня радость!... Царь издалъ манифестъ 17-го октября 1905 года, который ознаменовался бурной демонстраціей со стороны сознательныхъ рабочихъ и патріотической манифестаціей хулигановъ, несшихъ впереди портретъ царя, которые, дойдя до еврейскаго квартала, набросились на беззащитныхъ евреевъ и начали грабить ихъ ничѣмъ не огражденное имущество. Ужасное и возмутительное было зрѣлище. Нѣсколько труповъ валялось по троттуару, а нѣкоторыхъ несчастныхъ бросили даже въ сварочныя вальцовыя печи. Увидя такую душу раздирающую сцену, я бросился домой и нѣсколько дней не могъ опомниться, все спрашивалъ себя: за что?

*) О Залевскомъ мы ничего не знаемъ. Сеньковъ, казненный 18-и лѣтъ, былъ въ первый разъ арестованъ по дѣлу с.-р.-овской типографіи въ Ѳеодосіи, и бѣжалъ изъ ѳеодосійской тюрьмы. Въ концѣ 1906 г. былъ вновь арестованъ, въ Симферополѣ, по подозрѣнію въ экспропріаціи, и приговоренъ къ шестилѣтней каторгѣ. Познакомившись въ Симферопольской тюрьмѣ съ анархистами и съ анархической литературой, Сеньковъ объявилъ себя анархистомъ. Позднѣе онъ по старому дѣлу былъ переведенъ въ Ѳеодосію. Въ началѣ 1906 года онъ вновь бѣжалъ изъ ѳеодосійской тюрьмы, освободивъ чуть ли не всю тюрьму. Онъ былъ душею и организаторомъ этого громкаго побѣга. Но черезъ нѣсколько дней онъ былъ арестованъ, переведенъ въ Симферополь и повѣшенъ за ѳеодосійскій побѣгъ.

Какое-то щемящее чувство безпрестанно долбило голову вопросомъ—за что, за что, за что? — и не давало мнѣ покоя.

Наконецъ, я познакомился съ однимъ соціальдемократомъ, и мучившее меня „за что?“ было разрѣшено. Онъ разъяснилъ мнѣ, что били евреевъ люди темные и невѣжественные, и били за то, что будто бы евреи хотятъ уничтожить самодержавіе. А отъ гнета самодержавія, рабства и безконтрольной власти хотятъ избавиться не только евреи, а всѣ умные и развитые люди, всѣ трудящіеся, которые понимаютъ, что ихъ давитъ это рабство; всѣ трудящіеся честные люди, евреи и русскіе, поляки и финны, литовцы и кавказцы, великороссы и малороссы — словомъ, всѣ народности, населяющія Россію, обиженныя и задавленныя самодержавіемъ, какъ и всѣ рабочіе иныхъ странъ, задавленные самодержавіемъ капитала. И долго онъ мнѣ говорилъ и много говорилъ, и, наконецъ, я нашелъ, что это „святыя слова и сама истина“.

Чѣмъ больше я съ нимъ говорилъ, тѣмъ сильнѣе я къ нему привязывался, и меня все больше и больше влекло къ нему. Я давалъ себѣ слово не ходить къ нему, потому что, разсказывая все мнѣ, онъ въ то же время прибавлялъ, что за такія „святыя слова“ сажаютъ людей въ тюрьму, а я, признаться, боялся тогда тюрьмы. Но что-то властное толкало и влекло меня къ нему, и такъ я привыкъ къ нему, что, казалось, безъ него я не смогъ бы жить. Онъ былъ стрѣлочникомъ. Какъ-то разъ я забѣжалъ къ нему и увидѣлъ у него партійную газету „Колоколъ“. И съ тѣхъ поръ я уже читалъ у него и узнавалъ всякія политическія новости. Я чувствовалъ, что мое знакомство съ нимъ не пройдетъ мнѣ даромъ. Дядя пробовалъ читать мнѣ нотаціи и стращать. Онъ грозилъ мнѣ, но я уже свыкся съ мыслью о бѣдѣ и ничего уже не боялся.

Узнавъ меня больше, стрѣлочникъ сталъ меня ближе пускать къ дѣлу и, однажды, привелъ меня на кружокъ, гдѣ я и былъ зачисленъ „кружковымъ“ въ организацію с.-д. Затѣмъ, онъ началъ давать отчеты организаціи. Когда я началъ вносить членскіе взносы, 20—30 копеекъ, я съ бѣшеной радостью набросился на невиданныя доселѣ книжки и буквально ихъ проглатывалъ. Читалъ съ упоеніемъ и благоговѣніемъ, ловилъ налету каждое слово пропагандиста объ экономическомъ матеріализмѣ, о производственныхъ силахъ, объ обмѣнѣ товаровъ, объ экономическихъ условіяхъ той или иной страны. Затѣмъ я сталъ разбрасывать прокламаціи, и это меня увлекло тоже порядкомъ. Первая прочитанная книга была: „Живутъ ли люди своимъ трудомъ?“ а вторая „Экономическіе очерки“ Баха. Затѣмъ дали „Эрфуртскую программу“ и другія книжки Каутскаго. Когда я прочиталъ и понялъ эти книжки, мой умственный горизонтъ широко раздвинулся, и чѣмъ больше я читалъ и перечитывалъ элементарную литературу, тѣмъ все большіе запросы у меня появлялись въ духовной пищѣ.

На бѣду, тутъ пошли аресты, и мнѣ пришлось уѣхать изъ Юзовки. Съ Юзовки я пошелъ по Крыму искать работы, и, наконецъ, въ Евпаторіи попался въ лапы полиціи, какъ агитаторъ среди рабочихъ. Въ Евпаторіи, на мельницѣ Дувана, происходила стачка. Рабочіе голодали, и, чтобы не голодать дольше, рѣшили разобрать имѣющуюся на мельницѣ муку. Я былъ въ то время убѣжденнымъ с.-д., и обратился къ рабочимъ съ рѣчью противъ такого поступка, объясняя, что это не тактично и не входитъ въ программу соціальдемократіи. Но изголодавшіеся рабочіе не послушали меня и чуть было меня не убили. Пришлось спасаться бѣгствомъ. Мельница была въ рукахъ рабочихъ, они выносили оттуда кули съ мукой и несли домой, къ голоднымъ женамъ и дѣтямъ. Послѣ этого было много арестовъ по этому дѣлу. Въ числѣ арестованныхъ попалъ и я, какъ „руководитель и главный организаторъ разгрома мельницы Дувана“. Посадили меня въ тюрьму и приговорили въ окружномъ судѣ къ годичному заключенію, но палата меня оправдала. А затѣмъ былъ снова арестованъ 30-го мая 1906 года и посаженъ въ Симферопольскую тюрьму.

Сколько я слышалъ отъ товарищей на волѣ, какъ они съ почтеніемъ относились къ тюрьмѣ. Многіе даже увѣряли, что это — второй университетъ, умственные центры Россіи, и, въ особенности, если есть литература и сидятъ знающіе люди. Придя въ тюрьму, я, дѣйствительно, нашелъ и то и другое, и даже больше того: нашелъ то, чего не было въ другихъ тюрьмахъ—это книги по анархизму. Прежде, чѣмъ взяться за анархизмъ, я старался пополнить запасъ свѣдѣній въ области с.-д.-ихъ идей. Читалъ Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, Каутскаго, Маслова и, наконецъ, перешелъ къ анархизму. Я прочелъ всѣхъ бывшихъ въ тюрьмѣ авторовъ. Я усердно разбирался въ доктринахъ с.-д. и анархистовъ—сопоставлялъ ихъ, анализировалъ, дѣлалъ выводы и вновь перечитывалъ, не довѣряя себѣ, но, наконецъ, увидѣлъ воочію глубокую пропасть между с.-д. и анархизмомъ. Я примкнулъ къ а.-к., и насколько трудно мнѣ дался анархизмъ, настолько легко я разстался съ соціальдемократическимъ міровоззрѣніемъ. Усвоивъ доктрину анархизма, я сталъ всей душой принадлежать его идеѣ.

На этомъ кончаются записки товарища Иванова.

Срокъ его заключенія уже подходилъ къ концу. Еще немного, и онъ вновь былъ бы на волѣ; впереди еще была цѣлая длинная жизнь... Но судьба судила иначе. Въ тюрьмѣ оказался провокаторъ, грузинъ Парудло, благодаря которому было казнено шесть человѣкъ. Ивановъ не могъ допустить, чтобы онъ остался безнаказаннымъ, убилъ его, и былъ приговоренъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни.

Михаилъ Корнюшинъ.

(Некрологъ.)

Михаилъ Корнюшинъ, сынъ крестьянина села Городищи, Орловской губерніи, Брянскаго уѣзда, былъ рабочимъ на Брянскомъ заводѣ въ Бѣжицѣ. Испытавъ дома всѣ невзгоды крестьянской жизни, и на своей спинѣ въ заводѣ всю тяжесть капиталистической эксплуатаціи, онъ съ раннихъ лѣтъ научился ненавидѣть богатыхъ — помѣщиковъ и фабрикантовъ — и рано сдѣлался ихъ заклятымъ врагомъ, отдавъ всю свою молодую жизнь революціонному движенію. Въ пятнадцать лѣтъ онъ былъ уже с.-р.-омъ, а годъ спустя, посѣтивъ нѣсколько разъ кружки, проводимые анархистами-коммунистами, онъ сдѣлался анархистомъ и повелъ дѣятельную пропаганду въ своемъ родномъ селѣ, гдѣ ему и удалось съорганизовать небольшую самостоятельную группу а.-к., примкнувшую на федеративныхъ началахъ къ существовавшей уже тогда брянской группѣ. Жадно принялся онъ за чтеніе и распространеніе анархической литературы, и привлекъ къ группѣ многихъ изъ своихъ прежнихъ товарищей с.-р.

Но недолго оставался онъ легальнымъ, недолго продолжалась его жизнь дома и работа на заводѣ. Онъ принялъ участіе въ рядѣ экспропріацій у нѣсколькихъ помѣщиковъ: во время одной изъ нихъ онъ былъ узнанъ, и ему пришлось скрыться изъ дому; полиція энергично разыскивала его, какъ организатора экспропріаціи. Много перетерпѣлъ Михаилъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ нелегальнымъ! Часто, голодный, проводилъ онъ холодныя осеннія ночи гдѣ нибудь въ сыромъ крестьянскомъ овинѣ. Равнодушно переносилъ онъ всѣ лишенія, бодро смотрѣлъ въ глаза голоду и холоду, и никто не слыхалъ отъ него ни слова упрека. Спокойно и безропотно переносилъ онъ тяжелую жизнь нелегальнаго и спокойно и смѣло сумѣлъ умереть, когда это понадобилось — на восемнадцатомъ году своей жизни.

Случилось это такъ: кому нибудь изъ брянской группы надо было поѣхать въ другой городъ за оружіемъ. Предложили Мишѣ, и онъ охотно согласился. Надо было привезти въ Брянскъ пять маузеровъ съ патронами. Въ своей крестьянской одеждѣ онъ миновалъ всѣ опасные пункты дороги, не навлекши на себя подозрѣнія. 16-го мая (1908 г.) вернулся онъ въ Брянскъ и не думалъ, что здѣсь его караулила рокова яслучайность... Чтобы меньше рисковать привлечь на себя чье либо вниманіе, онъ, подходя къ городу со станціи, шелъ за-городомъ, дорогою возлѣ засѣяннаго поля, какъ вдругъ онъ поровнялся съ хозяиномъ поля, богатѣемъ-кулакомъ. Кулакъ остановилъ его вопросомъ: „Ты что несешь? что у тебя въ сумкѣ?“ — Какое тебѣ дѣло? отвѣтилъ Миша, продолжая свой путь. Но кулакъ не отставалъ отъ него, говоря: „Покажи, что тамъ у тебя? Можетъ быть, ты взялъ что нибудь съ моего воза!“ Миша увидалъ, что такъ отъ него не отдѣлаешься... снялъ съ себя сумку, со словами: „а вотъ я тебѣ сейчасъ покажу“, развязалъ ее, выхватилъ заряженный маузеръ, выстрѣлилъ четыре раза въ приставшаго къ нему кулака, нанеся ему нѣсколько ранъ — и побѣжалъ въ находившійся по близости оврагъ. Тамъ онъ остановился и, спрятавшись, добавилъ недостающіе въ маузерѣ патроны. Но за нимъ уже была снаряжена погоня: сынъ кулака, верхомъ, и два городовыхъ. Миша понялъ, что надо снова бѣжать. Открывъ по нимъ огонь, онъ побѣжалъ опять. Но было уже поздно: на выстрѣлы прибѣжало еще два городовыхъ съ ружьями и начали по немъ стрѣлять. Завязалась отчаянная перестрѣлка. Все время отстрѣливаясь, пробѣжалъ онъ болѣе версты. Сначала Миша былъ раненъ въ плечо, потомъ получилъ и смертельную рану въ голову...

Говорятъ, Миша легко могъ бы убить кулака и спастись самъ, если бы, выхвативъ маузеръ, онъ немедленно выстрѣлилъ въ него. Но онъ пожалѣлъ назойливаго „посторонняго“, и сначала попробовалъ только попугать его маузеромъ. Но вмѣсто того, чтобъ уйти, кулакъ ухватился за маузеръ. Миша открылъ огонь, но въ завязавшейся между ними борьбѣ не могъ уже цѣлиться и нанести ему смертельной раны. Такъ, пожалѣвъ хулигана, товарищъ погубилъ себя.

Высшая мѣстная полиція посѣтила раненаго четырьмя пулями кулака и принесла ему благодарность за то, что онъ „обнаружилъ такого негодяя“.

Мишу похоронила полиція. А недѣли двѣ спустя, въ домъ кулака Ландо, въ Ямской, была брошена анархистами бомба, но

неудачно: взрывомъ была только разрушена стѣна и часть обстановки; отецъ и сынъ Ландо избѣжали на этотъ разъ мести анархистовъ. Съ этого дня домъ Ландо сталъ усиленно охраняться брянской полиціей. Е.

МИХАИЛЪ МАРКИНЪ.

(Некрологъ.)

Михаилъ Маркинъ, 19-и лѣтъ, сынъ крестьянина Орловской губерніи, Трубчевскаго уѣзда. Съ раннихъ лѣтъ проявился въ немъ революціонный духъ, что и побудило его выйти изъ родного дома и пойти по торной дорогѣ непримиримаго революціонера.

Покинувъ родную деревню и родительскій домъ, Мишутка поступаетъ рабочимъ на Брянскій заводъ. Тамъ онъ отыскиваетъ соотвѣтствующую его стремленіямъ среду. Ученіе с.-р. приходится ему по душѣ, и вскорѣ онъ примыкаетъ къ партіи с.-р. и сразу становится дѣятельнымъ работникомъ. Оәъ принимаетъ участіе въ нѣсколькихъ террористическихъ актахъ и усиленно работаетъ въ качествѣ пропагандиста. Упорно работаетъ онъ также надъ собой, много читаетъ, стараясь разобраться во всемъ, что еще остается для него неяснымъ.

Вскорѣ Мишутка отправляется въ деревни Орловской губерніи для пропаганды среди крестьянъ. Отличаясь ясной и содержательной рѣчью, онъ многихъ привлекаетъ на свою сторону, быстро завоевывая всеобщія уваженіе и любовь. Мишутка зачисляется въ крестьянскій союзъ партіи с.-р. и присутствуетъ на одномъ изъ съѣздовъ. Нѣсколько разъ во время его скитаній по деревнямъ его арестовывали, но каждый разъ ему удавалось убѣжать или ловко вывернуться. Наконецъ, въ началѣ 1906 года, полиція захватила Мишутку на одномъ изъ проводимыхъ имъ кружковъ и препроводила его въ тюрьму г. Трубчевска Орловской губерніи; но за неимѣніемъ существенныхъ доказательствъ въ принадлежности къ партіи, онъ и здѣсь отдѣлался лишь нѣсколькими мѣсяцами тюрьмы.

Въ тюрьмѣ Мишутка сидѣлъ вмѣстѣ съ однимъ анархистомъ, который и познакомилъ его съ ученіемъ анархизма. Съ каждымъ днемъ онъ все больше и больше сознавалъ свои прежнія ошибки, съ каждымъ днемъ все больше и больше склонялся въ сторону новаго ученія, и ко времени выхода изъ тюрьмы сдѣлался анархистомъ, достойнымъ этого слова.

Очутившись вновь на свободѣ, Мишутка еще съ большимъ одушевленіемъ принимается за работу. Примкнувъ къ Брянско-Бѣжицкой группѣ а.-к., онъ снова идетъ по деревнямъ, гдѣ раньше велъ пропаганду соціализма, и проводитъ массовки и кружки, знакомя крестьянъ уже съ идеями анархизма. Такимъ образомъ работаетъ онъ около года; участвуетъ въ террористическихъ актахъ: убиваетъ бѣжицкаго пристава, наноситъ рану околодочному, даетъ вооруженные отпоры, не оставляя въ то же время пропаганды. Полиція, все время разыскивавшая его, заставляетъ его покинуть Орловскую губернію, и онъ ѣдетъ въ Екатеринославъ.

Въ началѣ ноября 1907 года онъ былъ арестованъ и обвиненъ въ убійствѣ бѣжицкаго пристава. При обыскѣ въ его комнатѣ было найдено нѣсколько револьверовъ, бомба и нелегальная анархическая литература, и его обвинили еще также въ принадлежности къ „преступному сообществу". За отсутствіемъ уликъ дѣло объ убійствѣ пристава было прекращено, и сидѣлъ онъ только за храненіе оружія и принадлежность къ группѣ а.-к.

Съ Мишуткой я познакомился въ екатеринославской тюрьмѣ и съ перваго же взгляда онъ поразилъ меня своей неспокойной, вѣчно-горящей, мягкой, отзывчивой и чистой душой. Онъ сожалѣлъ объ одномъ только, — что онъ такъ мало, по его мнѣнію, сдѣлалъ для революціи, для анархизма. Въ камерѣ, гдѣ сидѣло около 80-ти человѣкъ политическихъ, его иначе не называли, какъ ласкательно „Мишутка", потому что онъ былъ для всѣхъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ товарищей. При дискуссіяхъ съ соціалистами его небольшіе острые каріе глазки, бывало, горѣли какъ угольки. Его тщедушная фигура, блѣдное лицо и истомленный видъ отнюдь не наводили на насъ унынія, а, наоборотъ, придавали намъ бодрость, энергію и жажду борьбы.

29-го апрѣля, во время извѣстнаго избіенія заключенныхъ при ихъ попыткѣ къ побѣгу, одинъ изъ надзирателей, вооруженный револьверомъ, подбѣжалъ къ нему. Мишутка разорвалъ рубаху, обнажилъ грудь и крикнулъ: „На, гадъ, стрѣляй!..." Это были его послѣднія слова.

Такъ скончался нашъ дорогой товарищъ, геройство котораго при встрѣчѣ со смертью не могли не признать даже враги. Такъ смѣло могутъ встрѣтить смерть только люди, хорошо знающіе зачѣмъ и за что они умираютъ. В—ій.

ПАМЯТИ ПАВЛА

(Авраама Хазанова).

Много смѣлыхъ героевъ-борцовъ за свободу пало за послѣдніе годы въ залитой кровью Русской землѣ. Безконечной вереницей проходятъ передъ нами они — честные, отважные люди, жизнь свою положившіе за друзей своихъ, за торжество своихъ идеаловъ свободы и свѣта, жизнь свою положившіе за то, чтобы сгинулъ нынѣшній строй неправды, насилія, рабства, и чтобы на развалинахъ его расцвѣла новая счастливая жизнь свободныхъ, братски равныхъ, братски близкихъ другъ другу людей.

Товарищъ Павелъ—одна изъ самыхъ свѣтлыхъ фигуръ въ безконечной вереницѣ этихъ борцовъ и мучениковъ за идеалы свободы. Другіе напишутъ, что *дѣлалъ* товарищъ Павелъ. Я хочу сказать нѣсколько словъ о томъ, *чѣмъ онъ былъ*, хочу сказать нѣсколько словъ о его необыкновенно чистой, необыкновенно привлекательной личности.

Одно чувство наполняло всю жизнь этого безстрашнаго революціонера: это—чувство любви и жалости къ страдающимъ угнетеннымъ людямъ. Любовь свѣтилась въ его грустныхъ, кроткихъ глазахъ. Любовь слышалась въ каждомъ звукѣ его мягкаго, красиваго голоса, и только это чувство сдѣлало его революціонеромъ. Только это чувство укрѣпляло его въ бою. Такой мучительной тоской и жалостью сжималось всегда сердце его при видѣ залитой кровью и слезами земли, что лишь одна оставалась для него возможна на землѣ—жизнь революціонера-борца. Та любовь, которая наполняла его грудь, та любовь, что свѣтилась такъ ярко въ его глазахъ, не могла удовлетвориться словами. Дѣла, борьбы, подвига требовала она, и въ борьбѣ и подвигѣ проходила его жизнь. Въ битвѣ находилъ онъ отдыхъ и счастье. Но идя на бой, съ револьверомъ или бомбой въ рукахъ, не мстителемъ за свои и чужія обиды онъ чувствовалъ себя. Идя на бой, онъ чувствовалъ, что идетъ помогать борьбѣ народа, который онъ такъ любилъ и жалѣлъ; и битва была для него праздникомъ.

Горячая любовь къ людямъ сдѣлала его революціонеромъ. Глубокая вѣра въ людей сдѣлала его анархистомъ. Онъ вѣрилъ, что личность каждаго человѣка выпрямится, разовьется, достигнетъ полнаго совершенства, лишь только исчезнутъ враждебныя силы, которыя нынѣ угнетаютъ и комкаютъ ее. Противъ этихъ враждебныхъ силъ нужно бороться. А тамъ свободные люди уже сумѣютъ устроить свою жизнь, сумѣютъ устроить ее свободной, разумной, счастливой. Именно вслѣдствіе своей глубокой вѣры въ человѣческую личность, Павелъ разошелся съ соціалистами, въ рядахъ которыхъ работалъ еще въ 1905 году. Онъ не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы и послѣ освобожденія людей отъ гнетущихъ ихъ цѣпей буржуазнаго строя, одни люди издавали законы для другихъ, одни люди судили другихъ, меньшинство подчинялось большинству. Это было для него полу-свободой, а полу-свобода была ему такъ же ненавистна, какъ рабство.

Борецъ за полную свободу, за безоблачное счастье людей, онъ сумѣлъ прожить свою короткую жизнь свободнымъ человѣкомъ. Это былъ одинъ изъ немногихъ людей, надъ умомъ которыхъ предразсудки, привычки мышленія, ходячія мнѣнія другихъ людей не имѣютъ никакой власти. Мысль его была такъ же свободна, какъ его сердце. И къ каждому новому вопросу онъ подходилъ самостоятельно, пытаясь рѣшить его не согласно съ той или иной доктриной, а согласно съ тѣми принципами, что лежали въ основѣ всей его дѣятельности. И именно потому всѣ сужденія его носили такую привлекательную печать самостоятельности, свѣжести, глубокой искренности. Чуялось, что всѣ взгляды его не восприняты извнѣ изъ книгъ или разговоровъ, но что они выстраданы, выведены изъ жизни человѣкомъ, любящимъ эту жизнь, мучащимся ея страданіями.

Павелъ любилъ жизнь. Онъ любилъ весь міръ, всю природу, такъ какъ глубоко вѣрилъ, что рано или поздно земля будетъ очищена отъ безобразящихъ ее теперь гнусностей, что весь міръ будетъ нивой, на которой произрастутъ бросаемыя анархистами сѣмена, что во всемъ мірѣ расцвѣтетъ счастливая, свободная, достойная людей жизнь. Но къ своей личной жизни онъ не былъ привязанъ. Для него было счастьемъ подвергаться опасностямъ, расцвѣтъ жизни онъ чуялъ въ бою. Въ своей жизни онъ дорожилъ лишь свободой. Только свободу любилъ онъ въ своей личной жизни, такъ какъ свободный онъ могъ бороться за свои идеалы, могъ идти въ битву на защиту людей порабощенныхъ, угнетенныхъ, страдающихъ.

Свободой онъ дорожилъ больше, чѣмъ жизнью. Но честь революціонера онъ ставилъ выше свободы. Онъ глубоко вѣрилъ, что только чистыми руками можетъ быть совершено чистое дѣло, что каждое пятно, павшее на честь революціонера, дѣлаетъ его безсильнымъ, ненужнымъ для дальнѣйшей борьбы, какъ если бы та-

желая желѣзныя цѣпи повисли на рукахъ его. Никакую сдѣлку
съ совѣстью, никакой „практическій компромиссъ" онъ не счи
талъ допустимымъ для тѣхъ, кто борется за возвышенные идеалы
свободы и равенства.

И слово у него не расходилось съ дѣломъ. Во всей жизни его
нельзя было найти ни одного пятнышка, ни одного поступка,
противорѣчащаго его словамъ: „Тотъ не нашъ, для кого жизнь
дороже свободы, или свобода дороже незапятнанной чести". И
лучшимъ подтвержденіемъ искренности его словъ явился конецъ
его жизни. Палачамъ мало было повѣсить отважнаго революціо-
нера-анархиста. Они не хотѣли судить его за его дѣла, судить
его, какъ героя. Имъ пріятнѣе было повѣсить его, какъ грабителя
и убійцу. И ему предъявили обвиненіе въ отвратительномъ уго-
ловномъ грабежѣ съ убійствомъ. Павелъ сказалъ судьямъ, кто
онъ такой, кто такіе они и отказался отъ участія въ гнусной
комедіи суда; не пытался ни единымъ словомъ опровергнуть
предъявленное нелѣпое обвиненіе. Судьи поняли его и вынесли
ему смертный приговоръ.

Не страшенъ былъ этотъ приговоръ тому, кто сумѣлъ слить
свою личную жизнь съ великимъ общимъ дѣломъ. Но дѣло
свое онъ не сливалъ съ дѣломъ той или другой партіи, той или
другой политической группы. Къ своимъ товарищамъ-единомыш-
ленникамъ и къ самому себѣ онъ умѣлъ относиться такъ же кри-
тически, какъ и къ противникамъ. Неизмѣнными были въ немъ
любовь къ людямъ, любовь къ свободѣ, потребность бороться за
свои идеалы, за правду. Но не было въ немъ слѣпой, фанатиче-
ской привязанности къ буквѣ того или иного ученія, къ тому
или иному партійному ярлыку, къ своей ближайшей групповой
колокольнѣ, къ какому-нибудь одному узкому пути борьбы. Луч-
шими пріемами борьбы онъ считалъ тѣ пріемы, которые всего
прямѣе, по его мнѣнію, вели къ поставленной цѣли. Но времена-
ми являлись у него сомнѣнія, правиленъ ли вообще тотъ путь
насилія, которымъ идутъ революціонеры, которымъ шелъ и онъ.
„Можно ли зло побѣдить зломъ? Можно ли огнемъ потушить
огонь? Можно ли мечемъ, местью и насиліемъ установить на зем-
лѣ царство Вѣчной Любви?" Съ мучительной остротой вставали
предъ нимъ эти вопросы, грозные вопросы, мимо которыхъ не
можетъ пройти ни одинъ искренній революціонеръ, революціонеръ
духа. Въ минуты сомнѣній онъ колебался между тѣмъ путемъ,
которымъ шелъ, и той дорогой, которую намѣчаетъ людямъ тол-
стовскій анархизмъ. Но толстовщина, это недѣланье, это отсту-
пленіе отъ напора жизненныхъ бурь, это бѣгство съ поля битвы,
гдѣ бьются въ смертной схваткѣ правда съ неправдой, толстов-
щина не могла удовлетворить его. Его любовь къ людямъ требо-
вала дѣла, требовала борьбы. И каждая пядь пропитанной кровью
русской земли призывала къ дѣлу, призывала къ борьбѣ. Оста-
ваться на мѣстѣ нельзя, а путь предъ нами одинъ. Можетъ быть
мы безумцы... Если это такъ, то тѣмъ хуже для насъ...
Но уйти съ поля битвы мы не можемъ. Мы не можемъ оставить
безоружныхъ, безпомощныхъ братьевъ въ рукахъ кровожадныхъ
враговъ. Мы не можемъ сложить оружіе, когда кругомъ кипитъ
истребительная, безпощадная борьба. И онъ оставался на своемъ
посту, на этомъ посту онъ и палъ.

Не первой и не послѣдней жертвой палъ Павелъ въ неравномъ
бою. Но и въ безконечной вереницѣ славныхъ мужественныхъ лицъ
не можетъ пройти незамѣтнымъ его лицо съ такой неизгладимой пе-
чатью безконечной любви къ людямъ. Кто встрѣчался съ нимъ,
тотъ не забудетъ его проникающаго въ душу мягкаго голоса, не
забудетъ словъ его, которыя всегда дышали любовью и искрен-
ностью и всегда были словами истиннаго непримиримаго револю-
ціонера, — для котораго свобода дороже жизни, и честь дороже
свободы.

Вѣчная память тебѣ, честный борецъ за правое дѣло.

Павелъ казненъ 21 ноября.

Екатеринославская тюрьма. Декабрь 1908 г.

Мееръ Бартаковскій.

27 октября 1908 г. было для насъ тяжелымъ днемъ: нашъ лю-
бимый товарищъ, Мееръ Бартаковскій судился и получилъ смерт-
ную казнь. Кто зналъ Меерку, тотъ не могъ его не любить, чест-
наго, прямого пылкаго, не идущаго ни на какіе компромиссы.
Молодой, почти мальчикъ, мальчикъ по возрасту (16 л.), но взрос-
лый по уму, по житейскому опыту. Онъ явился къ намъ изъ сре-
ды рабочихъ. Его революціонная дѣятельность не богата „боевы-
ми выступленіями", какъ-то „шпикобойствомъ" и „эксами"; такого
рода выступленій за нимъ совсѣмъ не числится. Ему былъ про-
тивенъ тотъ „эксизмъ", который процвѣталъ на его глазахъ. Онъ
былъ настоящій анархистъ, и его тянуло къ дѣйствительно анар-
хистской работѣ. Меерка съ еще нѣсколькими товарищами ушелъ
изъ „эксистской" среды, и они стали работать, какъ анархисты.
Но вскорѣ его арестовали съ бомбами, которыя были предназна-
чены для одного акта. Ему грозилъ приговоръ въ 8—12 лѣтъ
каторги.

Въ екатеринославской тюрьмѣ содержался нѣкій Чепиновъ, ко-
торый, въ Пасху 1907 г., послѣ побѣга изъ Александровской
тюрьмы помогъ полиціи разыскивать бѣжавшихъ. Онъ лежалъ въ
больницѣ. Ему надо было отомстить. И вотъ Мееръ, несмотря на
выработанный въ тюрьмѣ принципъ „убирать гадовъ" только
тому, кто имѣетъ „разсчетъ", т. е. имѣетъ 279-ю статью и въ
будущемъ петлю,—убилъ его. Честной революціонной натурѣ Ме-
ера было противно дѣлать это по „разсчету". За убійство его
судили по 279-й статьѣ и приговорили къ смертной казни. 21-го
ноября Мееръ былъ казненъ. Не стало друга, не стало честнаго
товарища анархиста-коммуниста.

Екатеринославская тюрьма. Декабрь 1908 г.

Исаакъ Лившицъ-Езерскій.

21-го ноября ночью былъ казненъ еще одинъ а.-к. — Исаакъ
Лившицъ-Езерскій. Онъ былъ казненъ за то только, что былъ
истиннымъ а.-к.—судъ это зналъ, и приговорилъ его къ смертной
казни. Его революціонная дѣятельность намъ мало извѣстна, такъ
какъ о томъ, что онъ дѣлалъ, онъ мало говорилъ. Онъ только
дѣлалъ. Извѣстно только, что тѣ дѣла, за которыя онъ пригово-
ренъ, не имъ совершены. Судъ это также зналъ. Шпики-„охран-
ки" дали присягу въ томъ, что узнаютъ его, что онъ тамъ былъ.
Выражаясь по-тюремному, онъ „понесъ липкъ".

Екатеринославская тюрьма. Декабрь 1908 г.

* * *

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

3—ръ. Корреспонденція изъ Бричанъ за недостаткомъ мѣста
отложена до слѣдующаго №.

Канадскому товарищу. Ваша корреспонденція будетъ помѣщена
въ слѣдующемъ №.

Редакція „Анархистскаго Альманаха" проситъ товарищей про-
должать присылать матеріалы по исторіи анархистскаго движенія
въ Россіи.

СОДЕРЖАНІЕ: 1. Къ вопросу объ организаціи Союза Р. А.-К.
2. Организаціонный принципъ революціоннаго синдикализма и
анархизмъ. *К. Оргеіани.* — 3. Мирная эволюція. *Августа Шпиc.*
— 4. Какъ нужно понимать революцію. *Савьеро Мерлино.* — 5.
Будущее общество. *Ф. Поль.* — 6. Изъ прошлаго. *А. Н.* — За-
граничная хроника: 7. Антимилитаризмъ на Марсельскомъ кон-
грессѣ Конфедераціи Труда. *А. Н.* — 8. Письма изъ Парижа.
М. Р—скій. — 9. Антипарламентскій соціализмъ. — Изъ Россіи
10. Письма съ каторги. — 11. Корреспонденція изъ Одессы. — 12.
Иванъ Гордѣевичъ Ивановъ (некрологъ). — 13. Михаилъ Корни-
шинъ (некрологъ). — 14. Михаилъ Маркинъ (некрологъ). — 15.
Памяти Павла (Авраама Хазанова). — 16. Мееръ Бартаковскій
— 17. Исаакъ Лившицъ-Езерскій.

Письма и деньги просятъ направлять въ:
Paris. Rédaction du „Libertaire" rue d'Orsel, 15.
или Genève. L'Avenier. 24, Avenue Soret 24.
На внутреннихъ конвертахъ необходимо дѣлать надпись:
для „Буревѣстника"

Типографія „Буревѣстника"